ВЕСТНИК ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

ISSN 1026-955X

Alma mater

80 лет со дня основания

www.almavest.ru

II Всероссийский демографический форум с международным участием

(4–5 декабря 2020 г., г. Москва)

2020 № 11 (ноябрь)

Международный совет журнала

Андрей Галбен (Молдова)
Гилберт Гуиллард (Франция)
Джон Дефрайн (США)
Шериф Солейман (Египет)
Арун Моханти (Индия)
Сухейль Фарах (Ливан)
Чжан Цзюйси (КНР)
Л.И. Шумская (д-р псих. н., проф., БГУ, Беларусь)
Е.Н. Сулима (д-р филос. н., проф., Украина)

Редакционная коллегия журнала

Т.Ю. Анопченко
(д-р экон. н., проф., ЮФУ)
А.Л. Арефьев
(к. ист. н., зам. дир-ра
Центра социол. исслед. Минобрнауки России)
О.И. Волжина
(д-р социол. н., проф., Ин-т семьи и детства РАО)
Л.А. Гегель
(д-р социол. н., проф. НИУ МАИ)
Н.Д. Гуськова
(д-р экон. н., проф., Мордовский ГУ)
О.В. Долженко
(д-р филос. н., проф.)
М.В. Дацишина
(к. ист. н., гл. сп., РГАСПИ)
А.М. Егорычев
(д-р филос. н., проф., РГСУ)
И.В. Ильин
(д-р полит. н., проф., МГУ)
В.П. Клавдиенко
(д-р экон. н., с. н. с., МГУ)
Д.С. Клементьев
(д-р филос. н., проф., МГУ)
А.А. Козлов
(д-р социол. н., проф., СПбГУ)
А.Н. Кочергин
(д-р филос. н., проф., МГУ)
В.И. Куликов
(д-р экон. н., проф., Ивановский ГУ)
М.Л. Левицкий
(академик РАО, д-р пед. н., канд экон. н., МПГУ)
О.Г. Леонова
(д-р полит. н., проф., МГУ)
Л.И. Лукичева
(д-р экон. н., проф., НИУ МИЭТ)
М.В. Лысунец
(канд. экон. н., доц., МГУ)
В.В. Миронов
(д-р филос. н., проф., МГУ)
Е.А. Митрофанова
(д-р экон. н., проф., ГУУ)
Е.А. Морозова
(д-р экон. н., проф., КемГУ)
Л.М. Низова
(д-р экон. н., проф. Поволжский гос. технолог. ун-т)
Г.И. Осадчая
(д-р социол. н., проф., РГСУ)
С.В. Панасенко
(д-р экон. н., проф., РЭА им. Плеханова)
В.Ф. Пугач
(д-р социол. н., проф., Ин-т качества ВО НИТУ «МИСиС»)
С.Д. Резник
(д-р э. н., проф., ПГУАС)
В.С. Сенашенко
(д-р физ.-мат. н., проф., РУДН)
Н.Г. Скворцов
(д-р социол. н., проф., СПбГУ)
В.А. Ситаров
(д-р пед. н., проф., МосГУ)
Н.И. Сидняев
(д-р техн. н. проф., МГТУ им. Баумана)
П.И. Толмачёв
(д-р экон. н., зав. каф., Дипломатическая академия МИД РФ)
Л.Г. Тюрина
(гл. редактор) (д-р филол. н.)
А.А. Фасоля
(д-р пед. н., проф., Военная академия РВСН им. Петра Великого)
И.Б. Фёдоров
(акад. РАН, МГТУ им. Баумана)
А.В. Фёдоров
(д-р пед. н., проф., ТИ им. Чехова)
А.В. Фролов
(д-р экон. н., доц. МГУ)
Г.Ф. Шафранов-Куцев
(акад. РАО, д-р филос. н., ТюмГУ)
С.Б. Шитов
(д-р филос. н., проф., МГТУ «СТАНКИН»)

Редакция

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Л.Г. Тюрина, д-р филол. н., проф.

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
Г.К. Овчинников, д-р филос. н., проф., Московский Политех
Н.Л. Смакотина, д-р социол. н, проф., МГУ
А.А. Дорофеев,д-р пед. н., к. техн. н., проф. МГТУ им. Баумана
А.В. Фролов, д-р экон. н., доц. МГУ

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ
Е.А. Кривко

ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР
Г.А. Воскресенский, канд. истор. н.

РЕДАКТОР
Т.В. Журбенко

КОРРЕКТОР
С.Ф. Михайлова

МАКЕТ, ВЕРСТКА, ДИЗАЙН
Т.И. Такташов

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation

Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН
Federal Scientific Research Sociological Center of the RAS

Институт демографических исследований
Institute for Demographic Research

Научный совет «Демографические и миграционные проблемы России»
при Отделении общественных наук РАН
Scientific Council “Demographic and Migration Problems of Russia”
at the Department of Social Sciences of the Russian Academy of Sciences

II Всероссийский демографический форум с международным участием

II All-Russian Demographic Forum with International Participation

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ
И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Российская Академия Наук

25 ЛЕТ РФФИ

ФНИСЦ РАН

ИНСТИТУТ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ИДИ ФНИСЦ РАН

Демографические и миграционные проблемы России
НАУЧНЫЙ СОВЕТ

II Всероссийский
демографический форум
с международным участием
проводится при финансовой
поддержке Российского
фонда фундаментальных
исследований в рамках
научного проекта
№ 20-011-20001

Alma mater

ВЕСТНИК ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

НОЯБРЬ 2020

Ежемесячный научно-теоретический журнал. Издается с апреля 1940 г.

№ 11

Решением ВАК России включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий

СОДЕРЖАНИЕ

II Всероссийский демографический форум с международным участием (4–5 декабря 2020 г., г. Москва) при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-20001

С.В. Рязанцев. Реализация национальной демографической политики. *Вступительная статья* **5**

СОЦИУМ И ОБРАЗОВАНИЕ

П.И. Ананченкова, Н.М. Новикова. Дисфункциональность образования в условиях пандемии COVID-19 ..... **7**

К.В. Воденко. Система высшего образования и социально-инвестиционная модель регионального развития в контексте обеспечения безопасности Юга России **12**

Е.Е. Письменная, С.В. Рязанцев, Луонг Динь Хай, Г.Н. Очирова. Качество жизни и образования России в оценках вьетнамских студентов **20**

О.В. Сорокин. Смысложизненные ценности в социокультурной регуляции девиантного поведения молодежи в сфере образования **29**

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

С.Г. Ивченков, М.С. Ивченкова. Особенности репродуктивных установок современной молодежи: мнения экспертов и реальность **36**

Т.К. Ростовская, О.В. Кучмаева, В.Н. Архангельский. Поколенческие изменения брачного поведения россиян: социологический анализ **45**

ЭТНОПОЛИТИКА

Е.А. Кублицкая. Проблема толерантности в этноконфессиональном взаимодействии (на примере мониторинга столичного мегаполиса) **54**

А.М. Хатухов, Ф.Ж. Берова. Бассейновый принцип административно-территориального деления как альтернатива современному расселению этнических групп населения Кабардино-Балкарии **60**

В.Ю. Леденева. Опыт участия общественных организаций в работе по социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в субъектах Российской Федерации **72**

Т.К. Ростовская, А.С. Лукьянец, Н.С. Рязанцев. Особенности и тенденции кросскультурных браков в Японии **78**

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

В.А. Гневашева. Глобальные тенденции трансформации рынка труда **84**

В.К. Левашов, И.С. Шушпанова, А.В. Анищенко. Государственные меры и резервы поддержки российского предпринимательства в условиях COVID-кризиса **92**

В.А. Безвербный, Н.Ю. Микрюков. Демографическое и социально-экономическое развитие моногородов Урала: проблемы и пути решения **103**

Н.Н. Сотникова, К.И. Костюков, Т.А. Свечинская. Современная социально-демографическая ситуация в Ставропольском крае **109**

Alma mater

VESTNIK VYSSHEI SHKOLY

NOVEMBER 2020

Monthly Scientific Theoretical Journal, Published since April 1940

No. 11

ПОЧТОВЫЙ АДРЕС РЕДАКЦИИ:
117342, г. Москва,
ул. Введенского, д. 23А, стр. 3
Телефоны: (495) 99-88-612
+7(985) 99-88-612
e-mail: almavest@yandex.ru
www.almavest.ru

ИЗДАТЕЛЬ:
ООО «ИНОИЦ «АЛМАВЕСТ»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПН № ФС77-55180 от 24.08.2013 г.

Подписано в печать 22.10.2020

При перепечатке ссылка
на «Alma mater»
(Вестник высшей школы)
обязательна

Отпечатано в ООО «САМПРИНТ»
129090, г. Москва,
Протопоповский пер, д. 6.
Тел.: +7 (495) 554-37-10

ИНТЕРНЕТ МАГАЗИН
www.almavest.ru/ru/archive

© «Alma mater»
(Вестник высшей школы), 2020

CONTENT

The 2nd All-Russian demographic forum with international participation (4–5th December, 2020, the city of Moscow) by financial support of RFBR in frames of scientific project No. 20-011-20001

S.V. Ryazantsev. The implementation of National Population Policy. *Introduction article* **5**

SOCIETY & EDUCATION

P.I. Ananchenkova, N.M. Novikova. Dys-functionality of education in the context of the COVID-19 pandemic **7**

K.V. Vodenko. The system of higher education and socio-investment model of regional development in the context of guaranteeing security in the South of Russia **12**

E.E. Pismennaya, S.V. Ryazantsev, Luong Dinh Hai, G.N. Ochirova. Quality of life and education in Russia as seen by Vietnamese students **20**

O.V. Sorokin. Life purpose values in socio-cultural regulation of deviant behavior of young people in the sphere of education **29**

DEMOGRAPHY PROBLEMS IN YOUTH MIDST

S.G. Ivchenkov, M.S. Ivchenkova. Features of modern youth reproductive attitudes: expert opinions and reality **36**

T.K. Rostovskaya, O.V. Kuchmaeva, V.N. Arkhangelsky. Generation changes in marital behavior of Russians: sociological analysis **45**

ETHNO-POLICY

E.A. Kublitskaya. The problem of tolerance in ethno-confessional interaction (on example of monitoring Capital metropolis) **54**

A.M. Khatukov, F.Zh. Berova. River basin principle of administrative territorial division as an alternative for modern settlement of ethnic groups of population in Kabardino-Balkaria **60**

V.Yu. Ledeneva. Experience of participation of public organizations in work of social and cultural adaptation and integration of foreign citizens in subjects of the Russian Federation **72**

T.K. Rostovskaya, A.S. Lukyanets, N.S. Ryazantsev. Features and trends of cross-cultural marriages in Japan **78**

SOCIAL ECONOMIC POLICY

V.A. Gnevasheva. Global trends of labor market transformation **84**

V.K. Levashev, I.S. Shushpanov, A.V. Anishchenko. State measures and researches to support Russian entrepreneurship in the context of COVID-crisis **92**

V.A. Bezverbny, N.Yu. Mikryukov. Demography and social-economic development of single-industry towns of Ural: problems and ways of solutions **103**

N.N. Sotnikova, K.I. Kostyukov, T.A. Svechinskaya. Modern social demographic situation in Stavropol region **109**

при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-20001

УДК 314.1
DOI 10.20339/AM.11-20.005

Вступительная статья / Introduction article

С.В. Рязанцев,
член-корреспондент РАН,
директор Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, председатель Научного совета при Отделении общественных наук РАН «Демографические и миграционные проблемы России»

S.V. Ryazantsev,
Corresponding Member of RAS, Director of Institute of Demographic Researches — Branch of Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of Russian Academy of Sciences (FCTAS RAS), Chairman of Scientific Council at the Department of Social Sciences of the Russian Academy of Sciences "Demographic and migration problems of Russia"

e-mail: isprras@gmail.com

Реализация национальной демографической политики

The implementation of National Population Policy

Национальные цели, сформулированные президентом РФ В.В. Путиным на период до 2024 г., поставили во главу угла стратегического развития страны демографические приоритеты, в первую очередь связанные с обеспечением естественного прироста населения, увеличением ожидаемой продолжительности жизни и улучшением самосохранительного поведения россиян.

В настоящее время демографические проблемы являются ключевыми в развитии российского общества. Согласно среднему варианту прогноза ООН, в России к 2050 г. население должно сократиться на 26,8 млн человек к уровню 1995 г. По мнению ведущих российских исследователей, социально-политические и экономические преобразования в 1990–2020-е гг. оказали существенное влияние на физическое и социально-психологическое здоровье людей, а также на демографическое поведение населения России. Социально-экономические трансформации и изменение возрастной структуры населения привели к сокращению рождаемости и росту смертности в стране.

Сокращение численности молодежи и старение населения несет серьезные экономические и социокультурные последствия. Прежде всего, это может оказать существенное влияние на сокращение уже в ближайшем будущем темпов экономического роста, состояние рынка труда, исчезновение малых поселений, опустение огромных территорий Сибири и Дальнего Востока. Также сокращение рождаемости может подорвать межпоколенческие и семейные связи населения. Решение демографической проблемы должно стать приоритетной задачей государственной политики России.

С 2006 г. руководством РФ реализован ряд мер по стабилизации демографической ситуации в стране. Были приняты концептуальные документы, реализована серия программ, внедрены меры социально-демографической поддержки. Это помогло отчасти стабилизировать демографическое развитие страны к середине 2010-х гг. Были достигнуты основные показатели, установленные «Концепцией демографической политики на 2015 год». Однако полностью разрешить демографические проблемы не удалось.

К сожалению, практически прекратилось сокращение абсолютных показателей смертности населения. Число умерших остановилось на уровне около 1,9 млн человек в год. Например, в 2016 г. умерло столько же людей, сколько и в 2012 г. В связи с увеличением численности населения смертность в расчете на 1000 человек стала ниже, чем в 2012 г. на 0,4 случая, а по сравнению с 2015 г. — на 0,5. Но в целом и абсолютные, и относительные показатели смертности свидетельствовали об отсутствии существенного прогресса в положительной динамике смертности. Одновременно начала снижаться рождаемость. В 2016 г. число родившихся уменьшилось по отношению к 2015 и 2014 гг. соответственно на 51,9 и 58,6 тыс. человек. Отметим, что максимальное число рождений в современной России было зафиксировано в 2014 г.

В результате такой динамики смертности и рождаемости сразу же сократился естественный прирост, а с 2016 г. проявилась естественная убыль населения в виде депопуляции. На региональном уровне депопуляция проявлялась более отчетливо: если в 2012 г. таковая отмечалась в 41 регионе, в 2014 г. — в 31, в 2015 г. — в 37, то в 2016 г. — уже в 46 регионах. То есть в 2016 г. в России начинается новая волна депопуляции.

В 2017–2018 гг. число родившихся и умерших в России сократились по отношению к уровню 2016 г., что привело к увеличению естественной убыли населения. Естественная убыль в 2018 г. составила 218 тыс. человек, а в январе 2019 г. — 316,2 тыс. человек. Также продолжается тенденция сокращения рождаемости и увеличивается смертность в России. Пандемия COVID-19 также усугубляет демографическую ситуацию: за семь месяцев 2020 г. в стране умерло на 58 тыс. человек больше, чем за аналогичный период прошлого года. При этом около 22,6 тыс. человек за семь месяцев 2020 г. в России умерло только от COVID-19.

Скорее всего, данная тенденция будет иметь долгосрочный характер, поскольку в репродуктивный возраст вошли женщины, родившиеся в 1990-е гг., когда отмечалось значительное сокращение рождаемости в России.

Реализация национального приоритетного проекта «Демография» позволит отчасти сгладить негативные демографические процессы и повысить качество человеческого потенциала, в том числе за счет использования миграционного компонента. Вместе с тем необходима разработка более долгосрочной государственной стратегии демографического развития, которая могла бы мобилизовать организационные и экономические ресурсы для решения демографических проблем России.

На решение обозначенных проблем направлен II Всероссийский демографический форум с международным участием, который призван выработать новые подходы к эффективной реализации демографической политики, повысить качество человеческого капитала в России, стимулировать позитивную демографическую динамику на среднесрочную перспективу на страновом и региональном уровнях.

В пленарной части форума представлен ежегодный Национальный демографический доклад, в котором:

- выявлены тенденции демографического развития России в 2018–2020 годах;
- представлен прогноз параметров ключевых демографических процессов до 2050 года;
- дана оценка результативности реализуемой демографической политики в вопросах поддержки семьи и стимулирования рождаемости, улучшения здоровья населения и снижения смертности, привлечения соотечественников;
- рассмотрены подходы к совершенствованию миграционной политики страны.

На секционных заседаниях обсуждены итоги масштабного Всероссийского социологического исследования «Демографическое самочувствие России». Исследование было проведено в конце 2019 — начале 2020 г. в Центральном, Северо-Западном, Приволжском, Уральском, Северо-Кавказском, Южном федеральных округах под руководством член-корреспондента РАН Рязанцева С.В. и доктора социологических наук Ростовской Т.К. при участии ведущих российских социологов и демографов (объем выборки $N = 5616$ респондентов).

Форум завершается принятием концептуальных предложений и практических рекомендаций в сфере реализации демографической политики. Концептуальные предложения направляются в органы государственной власти Российской Федерации федерального и регионального уровня.

СОЦИУМ И ОБРАЗОВАНИЕ

П.И. Ананченкова,
канд. экон. наук, канд. социол. наук, проф.
Академия труда и социальных отношений, г. Москва
e-mail: ananchenkova@yandex.ru
Н.М. Новикова,
канд. пед. наук, старший преподаватель
Краснодарский университет МВД России,
Новороссийский филиал
e-mail: tanm75@mail.ru

УДК 37.01-042.3:614.4
DOI 10.20339/AM.11-20.007

ДИСФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19

Исследовано наиболее значимое событие в социально-экономической, политической и иных сферах жизни в период 2019–2020 гг. — пандемия COVID-19, существенным образом «перекроившая» принципы и технологии функционирования отдельных социальных институтов, традиционно играющих стабилизирующую функцию в обществе. Социальный институт образования является одной из таких систем. Под влиянием коронавирусного кризиса образование как социальный институт проявил свои сильные и слабые стороны с точки зрения обеспечения стабилизирующей функции. Дисфункциональность образования наиболее ярко проявилась в неготовности его субъектов к быстрому технологическому переходу от очных форм обучения к дистанционным формам. В статье рассмотрены основные формы дисфункциональности образования, выраженные в таких видах неготовности, как технологическая, инфраструктурная, кадровая, навыковая, ментальная, представлены их характеристики и основные формы проявления. Сделан вывод о том, что, с одной стороны, коронавирусный кризис явился мощнейшим фактором дестабилизации всех хозяйственных и социальных систем и обусловил их дисфункциональность. С другой стороны, в отношении института образования это проявилось наиболее ярко: ускорил технологическую модернизацию и скорый переход на инновационные формы и технологии обучения, за которыми последовал рост технологической грамотности преподавателей и обучающихся, пересмотр методических и дидактических материалов, смена парадигмы управления учебным процессом непосредственно в образовательных учреждениях и в целом национальными системами образования.

Ключевые слова: *коронавирус, образование, неготовность, кризис, дисфункциональность, инновации.*

DYS-FUNCTIONALITY OF EDUCATION IN THE CONTEXT OF THE COVID-19 PANDEMIC

P.I. Ananchenkova is Cand.Sci. (Economics), Cand.Sci. (Sociology), Prof. at Academy of Labor and Social relations, Moscow; **N.M. Novikova** is Cand.Sci. (Pedagogy), Senior lecturer at Krasnodar University of Ministry of Internal Affairs of Russia — Novorossiysk Branch

Researched is the most significant event in socio-economic, political and other spheres of life in the period of 2019–2020 COVID-19 pandemic that significantly "reshaped" principles and technologies of functioning of certain social institutions that traditionally play a stabilizing function in society. The social institute of education is one of these systems. Under the influence of the coronavirus crisis, education as a social institution has shown its strengths and weaknesses in terms of providing a stabilizing function. The dys-functionality of education is most clearly manifested in the lack of readiness of its subjects for a rapid technological transition from full-time to distance learning. The article considers the main forms of dys-functionality of education, expressed in such types of unpreparedness as technological, infrastructure, personnel, skill, and mental, and presents their characteristics and main forms of manifestation. It is concluded that, on the one hand, the coronavirus crisis was a powerful factor in the destabilization of all economic and social systems and caused their dys-functionality. On the other hand, and this was most evident for the Institute of education, it accelerated technological modernization and the rapid transition to innovative forms and technologies of education, followed by an increase in technological literacy of teachers and students, revision of methodological and didactic materials, and a change in the paradigm of managing the educational process directly in educational institutions and in General national education systems.

Key words: *coronavirus, education, unpreparedness, crisis, dys-functionality, innovation.*

Система образования в период пандемии

Пандемия COVID-19, охватившая весь мир в начале 2020 г., в очень короткие сроки нанесла необратимые потери не только мировой экономике, но и отдельным ее отраслям. В первую очередь коронавирус спровоцировал кризис национальным системам здравоохранения и медицинской помощи населению. Вслед за здравоохранением «посыпались» и многие другие сферы народного хозяйства, оказавшись перед необходимостью принимать решения, адекватные эпидемиологической обстановке, формирующей новую социальную реальность. Одной из первых на противопандемические решения национальных правительств отреагировала система образования.

По всему миру стали закрываться учебные заведения на основании решений, принимаемых правительством с целью снижения риска распространения инфекции среди учащихся. Согласно данным ЮНЕСКО, 188 государств отменили занятия в школах в масштабах всей страны. Это затронуло 91,3% учащихся во всем мире (1,58 млрд человек). В некоторых странах школы закрыты на местном или региональном уровне. Единственный выход в такой ситуации — дистанционное обучение. В настоящее время национальные образовательные платформы, форсирующие переход на дистанционные формы обучения, развернули уже 53 государства.

Показателен пример Китая, который первым в мире столкнулся со вспышкой коронавируса в декабре 2019 г. В связи с закрытием учебных заведений на карантин местные цифровые образовательные сервисы, такие как Youdao, 17 zhuoye, VIPKID и DingTalk, приняли решение предоставить бесплатный доступ к своим онлайн-сервисам. В результате был зафиксирован резкий рост числа школьников, обучающихся онлайн.

Вслед за Китаем эпидемия коронавируса началась в Европе и США. ВОЗ объявил пандемию коронавируса 12 марта. С этого времени страны начали закрывать границы, переводить школы и университеты на дистанционное обучение. ЮНЕСКО подготовила список онлайн-сервисов, которые могут помочь системам образования в разных странах. По всему миру наблюдаются похожие тренды, связанные с закрытием образовательных учреждений и переходом на онлайн-форматы обучения. Для организации процесса передачи знаний набирают популярность американские сервисы Zoom и Google Classroom. В некоторых странах популярны локальные разработки, такие как Uzdevumi в Латвии или МійКлас на Украине.

Министерство связи ОАЭ объявило о том, что пять новых приложений для учебы и бизнеса стали бесперебойно работать во всех сетях ОАЭ: Google Hangouts Meet, Cisco Webex, Avaya Spaces, BlueJeans и Slack. Ранее бесперебойный доступ был обеспечен к приложениям Microsoft Teams, Skype для бизнеса, Zoom и Blackboard.

Срочный уход от аудиторного обучения предприняли не только школы, но и университеты в рамках всех учебных программ — как основных, так и дополнительных. Стэнфордский университет отменил оставшиеся до каникул две недели лекций в классе, призывая своих профессоров перенести все оставшиеся уроки в интернет. Университет Вашингтона объявил о запрете на занятия в кампусе до окончания весенних каникул после того, как у одного из сотрудников был диагностирован коронавирус. Другие университеты, включая Нью-Йоркский университет Хофстры, Принстонский университет Нью-Джерси и Университет Сиэтла, перешли на виртуальные классы [12].

Всего за несколько недель мировое сообщество стало свидетелем создания разнообразных учебных коллабораций, в которых различные заинтересованные стороны, включая правительства, издателей, специалистов в области образования, поставщиков технологий и операторов телекоммуникационных сетей, объединились, чтобы использовать возможности цифровых технологий в качестве инструмента сдерживания образовательного кризиса и форсированного внедрения инновационных технологий в образовательную среду.

В Китае Министерство образования собрало группу различных участников для разработки новой облачной платформы онлайн-обучения и вещания, а также модернизации комплекса образовательной инфраструктуры, возглавляемой Министерством образования и Министерством промышленности и информационных технологий.

Аналогично гонконгская компания readtogether.hk — консорциум из более 60 образовательных организаций, издателей, СМИ и профессионалов индустрии развлечений — предоставляет бесплатно свыше 900 образовательных активов, включая видео, главы книг, инструменты оценки и консультационные услуги бесплатно. Консорциум намерен продолжать использовать и поддерживать платформу даже после того, как COVID-19 будет локализован [10]. На таких примерах становится очевидным, что инновациям в сфере образования уделяется больше внимания, чем типичным социальным проектам, финансируемым государством или некоммерческими организациями.

Несмотря на активное развитие инновационных технологий и их активное внедрение в сферу образования, именно пандемия коронавируса стимулировала системные изменения в сфере образования в национальном и общемировом масштабах и, как следствие, вызвала больший интерес к инвестированию со стороны частного сектора к инновационным образовательным решениям. От Microsoft и Google в США до Samsung в Корее, Tencent, Ping An и Alibaba в Китае корпорации пробуждаются к стратегическому императиву образованного населения. Хотя большинство инициатив до настоящего времени были ограничены по масштабам и относительно изолированы, пандемия проложит путь к созданию гораздо более масштабных межотраслевых коалиций вокруг общей образовательной цели.

Функциональность системы образования

Распространение коронавирусной пандемии выступило, с одной стороны, катализатором структурных и технологических изменений в национальных системах образования, прежде всего за счет повсеместного и массового перехода на дистанционные технологии обучения, а с другой — индикатором неготовности субъектов образовательных систем к переходу на новые технологические условия обучения, проявившиеся в виде дисфункций образования как социального института.

По мнению Н.С. Николаевой, «функция — назначение, роль, которую выполняет определенный социальный институт, или процесс по отношению к целому. Функция социального института — это польза, которую он приносит обществу. Иначе говоря, совокупность решаемых задач, достигаемых целей, оказываемых услуг. Основная функция института образования — готовить всесторонне развитых специалистов. Но если он не справляется со своей задачей, то ни развитых индивидов, ни классных специалистов общество не получит» [4].

Дисфункцию, по мнению О.С. Сухарева, следует рассматривать как «расстройство функций, сокращение их числа, снижение потенциала качества исполнения функций, невыполнение или игнорирование установленных правил и норм» [7].

Таким образом, если какой-либо социальный институт, например образование, обеспечивает сохранение стабильности и устойчивое развитие общества, его деятельность можно считать функциональной. Если же деятельность института образования работает на разрушение устойчивости общественных связей, отношений и процессов, то следует говорить о его дисфункциональности.

Следует отметить, что COVID-19 обнажил основные проблемы в вопросах функциональности образования как социального института в целом, так и в вопросах трансформации и организации обучения в частности, требующих системного решения не только в отдельно взятом регионе, но и по всему миру. Таковые можно охарактеризовать как неготовность национальных образовательных систем к но-

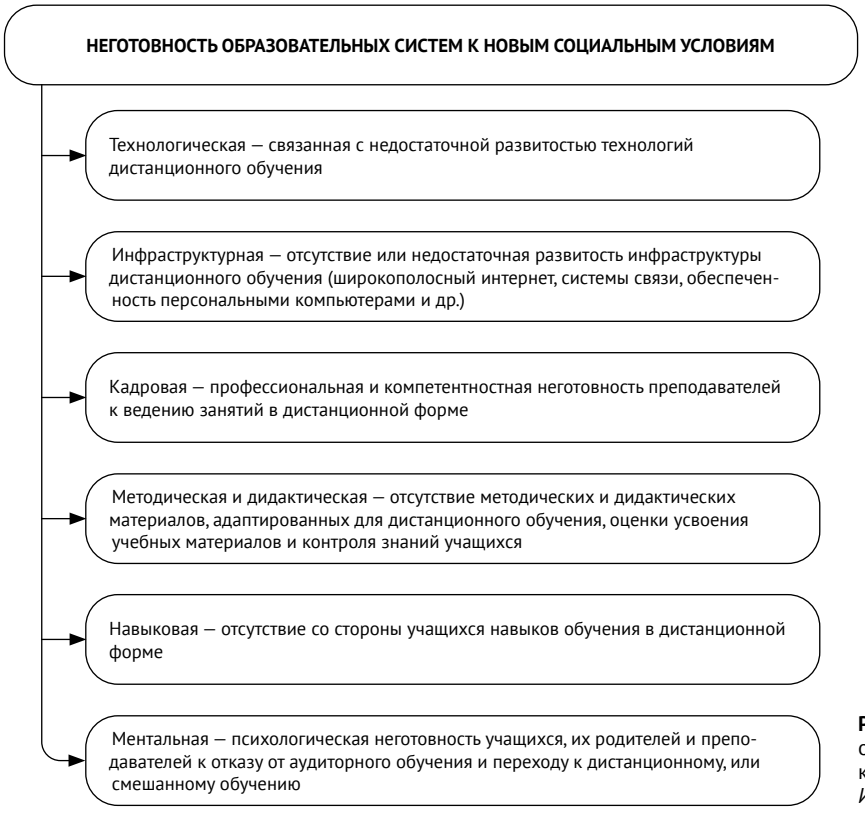

Рис. Основные формы неготовности образовательных систем к переходу к дистанционным технологиям обучения
Источник: составлено авторами.

вой социальной реальности, сформированной под влиянием пандемического кризиса (рис.).

Рассмотрим, какие формы неготовности образовательных систем играют наиболее значимую роль в вопросах развития образования в постпандемический период и выступают факторами дисфункциональности образования, снижающими эффективность перехода на смешанные, дистанционные и иные инновациионные формы обучения.

1. Технологическая неготовность связана прежде всего с недостаточной развитостью технологий дистанционного обучения, под которыми мы понимаем любые технологические продукты, позволяющие приобретать знания, умения и навыки в удаленном формате: видеоуроки, симуляторы, образовательные интернет-программы и др. Это связано с общей низкой инновационной ориентированностью общества и слабой технологизацией всех сфер его жизни. В этом смысле показательны всевозможные рейтинги и исследования уровня цифровой готовности стран, в следствие которых появляются разнообразные цифровые продукты, в том числе в сфере образования.

2. Инфраструктурная неготовность, и причина, и следствие технологической неготовности образовательных систем к новым социальным условиям, поскольку она отражение и цифровой готовности общества к технологическим инновациям в целом (наличие и доступность персональных компьютеров, смартфонов и других гаджетов у обучающихся и др.), и уровня цифровизации государства (в том числе охват территории широкополостным интернетом, альтернативные виды связи, скорость, стоимость связи и др.).

3. Кадровая неготовность — отсутствие или недостаточный уровень профессиональных знаний, умений, навыков и компетенций преподавателей к ведению занятий в дистанционной форме: создавать контент, обеспечивать технологические коммуникации, вести занятия в режиме реального времени и в записи, проводить контроль знаний и др.

4. Отсутствие методических и дидактических материалов, адаптированных для дистанционного обучения, оценки усвоения учебных материалов и контроля знаний учащихся, невозможность адаптации имеющихся материалов под задачи дистанционного обучения, а также отсутствие соответствующих компетенций со стороны преподавателей формируют методическую и дидактическую неготовность.

5. Навыковая неготовность имеет отношение к обучающимся, поскольку связана с отсутствием с их стороны необходимых навыков обучения в дистанционной форме: планирование учебного процесса, тайм-менеджмент

в условиях распределенного дистанционного обучения (освоение занятий по свободному расписанию и др.), умение создавать отчетные материалы в рамках домашнего задания и самостоятельной работы, неспособность участвовать в групповой работе в дистанционном режиме и др.

6. Ментальная, психологическая неготовность учащихся, их родителей и преподавателей к отказу от аудиторного обучения и переходу к дистанционному или смешанному обучению.

Последствия пандемии, отметим в **заключение**, будут иметь долгосрочное влияние на сферу образования, что требует пересмотра работы в этой области, считает руководитель образовательных проектов Всемирного банка в России Тигран Шмис: «Это двойной кризис: образовательный, связанный с закрытием школ, и общий экономический кризис, который также влияет на сферу образования» [8]. Эксперт подчеркнул, что в долгосрочной перспективе все это ведет к сокращению человеческого капитала, дальнейшему росту бедности вследствие меньшего числа квалифицированных специалистов и нарастанию социальной напряженности.

Для преодоления этих последствий необходимо в краткосрочной перспективе:

- содействовать развитию национальных образовательных систем;
- интенсифицировать образовательную цифровизацию и внедрение инноваций во все сферы образовательной деятельности;
- обеспечить профессиональный и компетентностный рост преподавателей, в том числе с точки зрения методического мастерства в условиях дистанционного обучения;
- повышать гибкость субъектов образовательной системы;
- повышать их свободу в возможностях быстрой адаптации к изменяющимся социальным условиям без потери качества и эффективности образовательных результатов.

Литература

1. Коронавирус — драйвер для рынка онлайн-обучения. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4301803

2. Коронавирус углубил образовательное неравенство. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4343122

3. Мурзин А.Д. Экономика образования и культуры в период пандемии // Вектор экономики. 2020. № 4 (46). С. 36.

4. Николаева Н.С. Образование как социальный институт: функции и дисфункции // Ученые записки ЗабГГПУ. 2011. № 6. С. 174.

5. Паршин И. Что будет с российским рынком онлайн-образования после пандемии коронавируса? URL: https://incrussia.ru/understand/edtech/

6. Рыкова А., Полетаева П. Трудовая лихорадка: какие профессии могут оказаться невостребованными после окончания пандемии коронавируса. URL: https://russian.rt.com/russia/article/734167-professii-pandemiya-koronavirus-rynok

7. Сухарев О.С. Дисфункция образования и науки России: траектория преодоления // Приоритеты России. 2014. № 1 (238). С. 3.

8. Тищенко А.С. Влияние пандемии на экономику образования // Экономическое развитие России. 2020. № 5. С. 90–97.

9. Тонконог В.В., Ананченкова П.И. E-learning: заменит ли дистант традиционные формы обучения? // Труд и социальные отношения. 2017. № 4. С. 119–128.

10. 3 ways the coronavirus pandemic could reshape education. URL: https://www.weforum.org/agenda/2020/03/3-ways-coronavirus-is-reshaping-education-and-what-changes-might-be-here-to-stay/

11. COVID-19 Educational Disruption and Response. UNESCO. 2020-03-04.

12. The impact of coronavirus on higher education. URL: https://www.timeshighereducation.com/hub/keystone-academic-solutions/p/impact-coronavirus-higher-education#survey-answer

References

1. Coronavirus as a driver for market of online education. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4301803

2. Coronavirus strengthens educational inequality. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4343122

3. Murzin, A.D. Economy of education and culture in the period of pandemia. *Vektor ekonomiki*. 2020. No. 4 (46). P. 36.

4. Nikolaeva, N.S. Education as social institution: functions and dis-functions. *Uchyonye zapiski ZabGGPU*. 2011. No. 6. P. 174.

5. Parshin, I. What will be with Russian market of online education after coronavirus pandemia? URL: https://incrussia.ru/understand/edtech/

6. Rykova, A., Poletaeva, P. Labor fever: what professions mightn't be called for after the end of coronavirus pandemia. URL: https://russian.rt.com/russia/article/734167-professii-pandemiya-koronavirus-rynok

7. Sukharev, O.S. Dis-function of education and science of Russia: trajectories of overcoming, *Prioritety Rossii*. 2014. No. 1 (238). P. 3.

8. Tishchenko, A.S. Influence of pandemia on economy of education. Ekonomicheskoe razvitie Rossii. 2020. No. 5. P. 90–97.

9. Tonkonog, V.V., Ananchenkova, P.I. E-learning: would it replace distant traditional form of education? *Trud i social'nye otnosheniya*. 2017. No. 4. P. 119–128.

10. 3 ways the coronavirus pandemic could reshape education. URL: https://www.weforum.org/agenda/2020/03/3-ways-coronavirus-is-reshaping-education-and-what-changes-might-be-here-to-stay/

11. COVID-19 Educational Disruption and Response. UNESCO. 2020-03-04.

12. The impact of coronavirus on higher education. URL:https://www.timeshighereducation.com/hub/keystone-academic-solutions/p/impact-coronavirus-higher-education#survey-answer

УДК 378:308-045(450+571-13)
DOI 10.20339/AM.11-20.012

К.В. Воденко,
д-р филос. наук, проф.
Южно-Российский государственный политехнический университет
имени М.И. Платова, г. Новочеркасск
e-mail: vodenkok@mail.ru

СИСТЕМА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И СОЦИАЛЬНО-ИНВЕСТИЦИОННАЯ МОДЕЛЬ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЮГА РОССИИ[1]

Представлен анализ места и роли системы высшего образования в структуре социально-инвестиционной модели регионального развития. В условиях исчерпанности ресурсной модели развития и нарастания кризисных явлений в жизни регионов социальная безопасность российского общества, отмечает автор, может обеспечиваться переходом к социально-инвестиционной модели регионального развития. Юг России как срединный в региональной иерархии имеет перспективный социально-инвестиционный рейтинг, связанный с концентрацией интеллектуального капитала в вузовской системе. Автор приходит к выводу, что социально-инвестиционная деятельность вузов как субъектов социально-экономической системы региона является наиболее оптимальной для укрепления социальной безопасности российского государства, способствует сохранению социально-инвестиционных настроений населения и его уверенности в будущем, снижает риски социальной депрессии в отношениях с субъектами регионального развития, занимает статус монополиста в сфере социокультурной политики.

Ключевые слова: *Юг России, система высшего образования, социально-инвестиционная модель развития, социально-инвестиционная деятельность, регион, социальная безопасность.*

THE SYSTEM OF HIGHER EDUCATION AND SOCIO-INVESTMENT MODEL OF REGIONAL DEVELOPMENT IN THE CONTEXT OF GUARANTEEING SECURITY IN THE SOUTH OF RUSSIA

K.V. Vodenko is Dr.Sci. (Philosophy), Prof. at M.I. Platov South Russian State Polytechnic University, Novocherkassk

Presented is the analysis of place and role of higher education system in the structure of socio-investment model of regional development. As the author notes, when the resource model of development is exhausted and crisis phenomena in life of regions are increasing, the social security of Russian society can be ensured by transition to the social and investment model into regional development. The South of Russia as the middle in regional hierarchy has promising social and investment rating, associated with concentration of intellectual capital in the university system. The author concludes that social investment activities of universities as agents of socio-economic system of region is the best to strengthen social security of the Russia, helps to preserve social investment of public sentiment and their confidence in the future, reduces risks of depression in social relations with subjects of regional development, and has the status of monopolist in the sphere of socio-cultural policy.

Key words: *South of Russia, higher educational system, social and investment model of development, social and investment activity, region, social security.*

[1] Статья выполнена в рамках реализации гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-2582.2020.6) на тему «Государственная политика в сфере высшего образования и развитие инновационного потенциала молодежи: экономические и неэкономические детерминанты и механизмы в условиях регионализации социального пространства и становления индустрии 4.0» и в рамках гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых — докторов наук (МД-1493.2020.6) на тему «Ресурс исторической памяти в системе институциональных параметров социально-инвестиционного развития и обеспечения культурной безопасности региона».

Введение

В условиях нарастания внутренних и внешних вызовов, содержащих риски обеспечения культурной безопасности и социальной стабильности российского общества, важным становится изучение и осмысление роли и места региональной вузовской системы в нейтрализации и опережения социальных рисков, игнорирование которых ведет к дезинтеграционным процессам, угрожающим культурной безопасности.

Дело в том, что российские региональные вузы содержат значительный интеллектуальный, исследовательский и социально-развивающий потенциал, что делает необходимым их включение в систему обеспечения социальной безопасности российского общества вместе с другими общественными и властными институтами.

Тенденция регионализации государственной политики в сфере высшего образования тесно связана с формированием социально-инвестиционной модели регионального управления. Считается, что социально-инвестиционная модель регионального управления в российском обществе связана с переходом к экономике нового типа, где акцент делается на повышение качества человеческих ресурсов, противодействии социально-демографическим рискам и др. [1]. В данном контексте уместно говорить о формировании и развитии социально-инвестиционной деятельности региональных вузов [2].

Социально-инвестиционная деятельность вуза как субъекта социально-экономической системы региона является направлением активности вуза по вложению усилий технологического, образовательного, профессионального, научно-исследовательского, культурного характера в рост человеческого и социального капитала региона в качестве основного механизма региональной стабильности и безопасности. В этом контексте российские вузы медленно, но неуклонно перестраивают свои схемы и программы деятельности, направленные на:

- укрепление позиций вуза в социально-экономической системе региона;
- изменение статуса вуза как партнера региональных властей и авангардных групп регионального социума;
- разработку и реализацию системы социальной безопасности региона, которая в нынешних условиях нуждается не только в нейтрализации внешних и внутренних угроз, но и в создании ресурса прочности, необходимого для регионального развития.

Интерес к Югу России обусловлен рядом факторов. Среди таковых выделим наиболее значимые.

1. В социально-экономической системе региона отсутствует, с одной стороны, конфигурация благоприятных обстоятельств (сырьевых, торговых, преференциальных), с другой — Южно-российский регион не является социально депрессивным, хотя и отмечается неравномерность социально-экономического развития, что избавляет от необходимости исследовать эффекты внешнего управления регионом через систему финансовых трансферов.

2. Южно-российский регион имеет не только геополитическое значение, но и при наличии развитой логистической инфраструктуры и сохранившихся сегментов индустриальной экономики может стать опорой в обеспечении социальной безопасности российского общества.

Это подкрепляется тем, что лидирующие по финансово-экономическим показателям регионы удалены от федерального центра. Южно-российский регион занимает срединное место в региональной иерархии, имеет очевидные, хотя и пока нереализуемые преимущества. Таким образом, обращение к заявленной проблематике аргументировано как в концептуальном, так и в социально-прикладном аспектах.

В нашем исследовании, продолжающем предыдущие поиски в сфере исследования социально-инвестиционной деятельность вуза как субъекта социально-экономической системы в контексте обеспечения национальной безопасности [2], предполагается изучение места и роли системы высшего образования в структуре социально-инвестиционной модели регионального развития в контексте обеспечения социальной безопасности Юга России. Для этого необходимо:

- изучить проблемы и перспективы развития системы образования в условиях регионализации социально-экономического пространства;
- определить возможные институциональные практики развития системы образования в контексте обеспечения социальной безопасности региона;
- определить параметры влияния системы высшего образования на социально-инвестиционное развитие Юга России.

Проблемы модернизации и регионализации системы высшего образования

Формирование индустрии 4.0 запустило инновационный механизм непрерывного развития системы высшего образования, основанный на ускоренном научно-техническом прогрессе и реакции на него со стороны различных хозяйствующих субъектов. Первоначально новые техноло-

гии открыли возможность для модернизации науки и образования, а далее запустили развитие экономических и регуляционных импульсов к цифровому развитию. В этих условиях возникает необходимость исследования социокультурной регуляции обозначенных процессов.

Повышенное внимание к системе науки и образования в современных условиях объясняется тем, что данная система выступает не только потенциальным вектором роста, перспективно новой высокотехнологичной отраслью цифровой экономики, но и неотъемлемым компонентом ее инфраструктуры. В связи с этим уже сейчас предъявляются требования к модернизации науки и образования в условиях четвертой промышленной революции, которые постепенно становятся обязательными и ужесточаются. Этот процесс можно назвать институционализацией практики непрерывной цифровой модернизации системы науки и высшего образования.

Государство, в свою очередь требует, чтобы университеты проявляли все большую самостоятельность при безусловном соблюдении принятых норм и действующих стандартов. Так, возникают и становятся все более популярными и значимыми рейтинги эффективности университетов и научно-исследовательских институтов. Способность к получению дохода и независимость от государственного финансирования являются ключевыми критериями при составлении подобных рейтингов. Высокая маркетинговая активность, повышенное внимание к эффективности и управлению конкурентоспособностью наиболее характерно и естественно для Североамериканских и Западноевропейских университетов и научно-исследовательских институтов, которые изначально создавались как частные учреждения.

Однако частичное решение стоящих перед региональными вузами задач не обеспечивает эффективного и полного соответствия требованиям, возникающим в условиях постоянных и очень быстрых изменений. Инертность в удовлетворении персонализированного спроса на обучение, характерная системе высшего образования, необходимость постоянного изменения компетенций, вызванных трансформациями рынка труда и самого характера труда, возрастающий спрос на получение новых знаний в условиях прежних образовательных стратегий, выступают проблемным фоном функционирования региональных университетов и требуют особого внимания со стороны государства. Государственное участие в модернизации системы высшего образования нашло отражение в создании сети опорных вузов, основная миссия которых в формировании научных, производственных и социокультурных основ развития региона. Так, согласно позиции А.В. Тихонова, А.А. Мерзлякова, В.С. Богданова, речь идет о трансформации институциональной и социокультурной среды, в рамках которой можно, как следствие, определить роль вуза как субъекта социально-экономической системы региона [3].

Анализ перспектив внедрения новых социальных технологий, если следовать логике авторов, подводит к мысли о том, что вузы становятся организациями с высокой степенью конкурентности в сфере продвижения инновационных проектов. Но социальная безопасность выходит за пределы социально-экономических и технологических пространств, что и признают авторы исследования. Также очевидно, что в исследовательском плане речь идет об экспликации функций и структур социальных организаций, к которым, несомненно, относятся вузы, способствующих ускорению социально-инвестиционной политики.

Следует подчеркнуть, что социально-инвестиционная и социально-инновационная направленности комплиментарны в том, что социальные инновации как внесение значимых изменений в различных сферах социальной жизнедеятельности навряд ли осуществимы вне высокой социальной ресурсности, включающей «вложение» в образование, культуру, профессиональный потенциал.

На эту особенность обращают внимание М.К. Горшков, Д.Л. Константиновский, Н.Е. Тихонова, высказывая мысль о том, что в российском обществе формируется планка инвестиционных ожиданий и, как следствие, инвестиционное поведение высокоресурсных социально активных слоев общества. В региональном пространстве фиксируется интерес образования, что позволяет ожидать «расконсервацию» человеческого потенциала, отходить от конъюнктурной модели наращивания меркантильного профессионализма, свойственного жителям столиц [4].

Можно говорить о том, что принятие образования как приоритетного социального ресурса населением российских регионов свидетельствует о позициях вузов в рамках удовлетворения запроса регионального социума на качественное образование. Эта мысль подтверждается Д.Л. Константиновским, рассматривающим мотивацию к получению качественного образования через показатели накопления человеческого капитала, определяющего устойчивость системы социальной безопасности в обществе. Социальная безопасность есть и удовлетворенность «настоящим», и уровень надежд и ожиданий на лучшее будущее. Региональные вузы, по определению Д.Л. Константиновского, являются «узнаваемыми», демократичными и доступными для молодежи регионов [5].

Таким образом, региональные вузы анализируются с позиций функциональной эквивалентности, когда речь идет о том, что вузовское образование в регионе сосредоточивается на функции профессиональной подготовки молодежи для региональной экономики и в этом смысле является частью социально-экономической системы региона. Вместе с тем в осмыслении процессов, происходящих в российских регионах, под влиянием перехода к социально-инвестиционной модели регионального развития вносятся показатели человеческого капитала, делается акцент на исследование «возобновляемых» ресурсов регионального развития. В данном контексте вузы в регионе становятся объектом анализа по критериям инвестиционности, вкладывания ресурсов и сил в работе на лучшее будущее региона, на обоснование и поддержку социальных и экономических проектов, имеющих долгосрочное значение в рамках освобождения от сырьевой зависимости.

Качественно новая ситуация с положением региональных вузов как субъектов регионального развития актуализирует принципы субъектно-деятельностного подхода, описываемого российскими социологами как ключ в понимании вузов в системе обеспечения социальной безопасности.

Развития системы высшего образования и обеспечение социальной безопасности

Характеризуя социальную безопасность как минимизацию и нейтрализацию социальных рисков в виде межрегиональных и внутрирегиональных диспропорций, мы исходим из того, что проблематика социальной безопасности перемещается в регион, и от реальных показателей социально-экономического развития зависят перспективы социальной безопасности российского общества. При этом выявляется необходимость рассматривать вузы как субъекты социально-экономической системы региона.

Очевидно, что действующая модель межрегиональных отношений содержит механизмы сырьевой экономики, трудно поддающейся трансформации, определяемой новейшими информационными, организационными, социальными технологиями. Вуз в региональном пространстве является показателем не только интеллектуального потенциала региона и культурно-исторического наследия, но и реально становится действующим звеном в переходе к новой экономике. Внешне абстрактное положение обретает конкретный социальный смысл в условиях исчерпанности сырьевой модели и соответствующей ей схеме дотационного развития российских регионов.

В работах российских исследователей обозначилось понимание того, что социальная безопасность в региональном пространстве российского общества содержит социально-инвестиционный вектор, направленный не только на устранение социально-территориальных диспропорций в доступности к работе, здравоохранению, образованию, культуре, но и формированию «коридора возможностей» качества жизни населения регионов, позволяющих поддерживать социальную уверенность и социальную консолидацию как интегральный показатель социальной безопасности [4].

Социально-инвестиционная деятельность в регионе и социальная безопасность в данной статье понимаются как однопорядковые величины. Социально-инвестиционная деятельность в контексте предпринимаемого исследования определяется как социальные действия субъектов социально-экономической системы региона, направленные на сбережение и развитие человеческого капитала (образовательного, культурного, профессионального) на основе стимулирования посредством экономических, социальных, социально-психологических механизмов, ориентированных на создание заделов для будущего развития и решения актуальных проблем в контексте приоритетов социальной безопасности.

Социальная безопасность, понимаемая как пропорциональность, сбалансированность сфер регионального социума на основе согласования интересов социально и экономически активных групп регионального социума. Социально-инвестиционная деятельность вуза расширяет коридор возможностей социальной безопасности, так как по сравнению с функциональным эквивалентом вуз перестает быть только пространством социального взросления молодежи или отложенной безработицы в условиях экономического кризиса. Происходит перестройка и переориентация вузовской структуры, профессорско-преподавательского и административного персонала на проектирование и реализацию социальных инвестиций, что связано с тремя аспектами.

Во-первых, вуз как часть социально-экономической системы региона включается в реализацию программ регионального развития с точки зрения обеспечения социальной безопасности. Во-вторых, это конкретизируется в том, что профессиональная подготовка в вузе работает на выпуск специалистов по критерию конкурентоспособности и творчества. В-третьих, вуз в региональном пространстве переходит от взаимодействия с субъектами регионального развития по принципу «заказа» к формированию «заказа» выпуска специалистов для сегментов,

обладающих высокой социальной инвестиционностью, привлекательных и для бизнес-структур, и для социального и культурного развития региона.

Можно констатировать, что развитие региональных вузов и их трансформация в реальные субъекты регионального развития связано с приоритетностью социальной безопасности как качества регионального развития, исключающего нарастание кризисных тенденций в межрегиональных связях и с федеральным центром налаживанием горизонтали в системе социальной безопасности и распределением ответственности за устойчивое и предсказуемое развитие российского общества [6].

Вместе с тем вуз как субъект социально-экономической системы региона является институтом образовательной и социально-инвестиционной деятельности, что определяет в качестве реализации поставленной цели выявление особенностей функционирования вуза как социально-экономического института.

От этого в ситуации, когда в зависимости от характера отношений между моделями социального действия, доминирующими в региональном пространстве, зависит тренд социально-инвестиционного развития, выступающий объективным фоном для социальной безопасности. В этом смысле налицо необходимость построить объяснительную институциональную конструкцию, призванную определить поиск коридора возможностей социально-инвестиционной деятельности вуза. Представляется важным проанализировать совокупность формальных и неформальных норм, выступающих базисом социального контракта между вузом как субъектом социально-экономической системы региона и региональным социумом.

Параметры влияния системы высшего образования на социально-инвестиционное развитие Юга России

Нельзя пренебречь «болевыми точками» функционирования вуза как субъекта социально-экономической системы региона, которые возникли и воспроизводятся в контексте перевода вуза на «рыночные рельсы». Такой переход, изображаемый как оптимизация системы высшего образования, может выглядеть безупречным по критерию финансовой затратности, соотношения «коммерческих» и «бюджетных» студентов в вузе. Но реальная проблема маркетизации вуза в региональном пространстве состоит в трех измерениях.

1. Региональные вузы воспринимаются населением региона как доступные и качественные не только по территориальным параметрам, но и расходам на получение высшего образования. Учитывая тот факт, что в основном в южно-российском регионе (90% вузов) сосредоточены вузы с тем или иным государственным статусом, в региональном сообществе и инерционно, и актуально сохраняется установка на получение высшего образования или в бюджетной форме, или в «подъемной» для семейного бюджета будущих студентов.

2. Переход на рыночные механизмы, повышая, с одной стороны, экономику и учет финансовых ресурсов, выделяемых вузу, вынуждает «изобретать» различные формы коммерческих образовательных услуг, часто имеющих принудительный характер. Это обстоятельство не лучшим образом влияет на когнитивную и профессиональную мотивацию студентов и делает профессорско-преподавательский состав заложником схем «зарабатывания денег». Следует также подчеркнуть, что реально складываются диспропорции между учебно-познавательным, научно-исследовательским и социально-активистским аспектами функционирования вуза. Очевидно, что «страдают» исследовательские и активистский секторы вузовской жизни, так как падает интерес к данным видам деятельности как не имеющим непосредственного коммерческого эффекта.

3. Есть риск эрозии квалификационного потенциала в вузе, так как возникает «превосходство» менеджеров от образования, нацеленных на нахождение и актуализацию критериев экономической эффективности как коллектива в целом, так и конкретных акторов вузовской деятельности. Становится дурным правилом полагать, что для вуза не столь важна репутация профессорско-преподавательского состава, научно-исследовательское реноме как активность управленческого звена, через которое проходят финансовые потоки и наблюдается притягивание показателей вузовской деятельности к финансово-экономической эффективности [7].

В настоящий период наблюдается тенденция достижения баланса между традиционной функцией профессиональной подготовки и оказанием образовательных услуг, приносящих вузам если не прибыль, то определенную самоокупаемость. Но и эта схема обнаруживает недостатки, связанные с тем, что фундаментальные исследования и разработки не могут финансироваться на основе схем самоокупаемости. В той же степени можно говорить о том, что в вузовской системе Южно-российского региона ослабло значение внутрирегиональных связей: стремление получить больше финансирования из федерального центра, так же как и рекрутировать по критерию территориальности привело к тому, что возникло дублирование

профессиональной подготовки, нездоровая конкуренция по привлечению молодежи по критерию доступности. В результате снизилось качество высшего образования, что в совокупности с уходом в прошлое модели обязательного трудоустройства выпускников привело к рискам безработицы студенческой молодежи, свертыванию фундаментальных научно-исследовательских направлений, сокращению контактов внутри вузовского сообщества [8].

Преодоление накопившихся «узких мест» в развитии вузовской системы определяется степенью готовности и реальной включенности вузов Южно-российского региона в социально-инвестиционную деятельность. Это требует создания условий роста вузовского потенциала в работе «на перспективу». Как показывают результаты социологических исследований, в региональном социуме доверие научным и образовательным структурам достигает 43–45% [9. С. 105].

Разумеется, исследования, фиксирующие уровень доверия к основным государственным и общественным институтам не выявляют самостоятельного тренда в настроениях населения в отношении к вузовской системе, но содержит факты, свидетельствующие о том, что образование и наука, несмотря на период девальвирования и снижения авторитета, занимают устойчивое место в социальной и социально-экономической жизни регионального социума. Более того, репутационный капитал вузовского образования сохраняет надежду на то, что реализация модели социально-экономического развития, которая разрабатывается и содержит экспертизу со стороны вузовской и научной общественности, воспринимается в регионе и как реалистичная, и как содержащая меньше непредсказуемости и неопределенности результатов.

Поскольку региональные вузы заинтересованы в расширении самостоятельности как механизма обеспечения стабильности их функционирования, в вузовской среде, чтобы избежать чрезмерной зависимости от финансирования центра, особенно по дотационной схеме в условиях кризиса в экономике страны, уже отказались от мысли соревноваться по получению средств из центра. Переход в состояние субъекта социально-экономической системы региона означает включение регионального вуза на «правах равного» с другими субъектами, властными и деловыми структурами, обладающими ресурсностью и компетентностью в реализации социально-экономического развития. В контексте новой социальной реальности, делающей неизбежно регионы ответственными за безопасность и стабильность страны, именно объективное воздействие вуза на характер, специфику, направление общественных преобразований в регионах является важнейшей предпосылкой и неотъемлемым условием успешного решения актуальных задач выработки эффективной политики социальной безопасности [10].

При рассмотрении данного аспекта деятельности региональных вузов базисным фактором, составляющим основу функционирования вуза, является социально-инвестиционная деятельность, включающая переход вуза на новое направление профессиональной подготовки, связанное с созданием инновационных социально-экономических сегментов и разработкой научно-исследовательских программ, содержащих концептуальное и социально-прикладное значения для обеспечения социальной безопасности. В контексте концептуальности речь идет о том, что вузы региона участвуют в разработке и реализации более 300 программ, направленных на внедрение систем экологической, технологической, информационной безопасности. Данные направления концептуальны по последствиям, так как переводят социальную безопасность из сферы властно-управленческих отношений в стратегию накопления и развития человеческого потенциала.

Можно констатировать, что вузовская система в регионах становится не только частью социально-экономической системы региона, если понимать ее как совокупность экономических отношений, механизмов, регуляторов, действующих в режиме воспроизводства материальных ресурсов, но и двигателем, катализатором перехода экономики региона в новое состояние, позволяющее переключить обеспечение социальной безопасности с затратных механизмов предотвращения технологических и социальных рисков в формирование структур доступа к социальным ресурсам в контексте расширенного социального воспроизводства. Речь идет о том, что вузы в регионах по сравнению с другими субъектами регионального развития, хотя и испытывают незавершенность организационной трансформации, наиболее подготовлены к использованию новых интеллектуальных и социальных технологий. Обладая достаточным экспертным потенциалом, вузы не просто действуют по-новому, но и работают в рамках доверия к профессиональным качествам вузовских кадров.

Показатели вовлеченности вуза в реальную экономику региона

Реальными показателями социально-инвестиционной деятельности вуза как субъекта социально-экономической системы региона в обеспечении и повышении качества

социальной безопасности выступают структурно-функциональные, институциональные и субъектно-деятельностные критерии.

К *структурно-функциональным* относятся критерии функциональной эквивалентности, включающие количественные показатели состава вуза и конкретных подразделений (студенты, профессорско-преподавательский состав, управленческий аппарат), организационные показатели (количество подразделений, схемы взаимодействия, совокупность вертикальных и горизонтальных связей), объем и качество реализуемых вузом функций профессиональной подготовки, масштаба и характера научных исследований, социальной и культурной миссии, выражаемой в участии и влиянии вуза на региональную и локальную жизнь.

К *институциональным* показателям можно отнести «окна возможностей», характеризуемые эффективностью формальных и неформальных норм и доступом к институциональным ресурсам (финансовым, организационным, правовым) акторов высшего образования, сложившиеся формальные и неформальные практики в различных сферах вузовской жизни. Имеются в виду практики как поведенческие модели, связанные с формально правовым статусом или влиянием неформальных норм через корпоративную этику вуза, нормы взаимодействия в малых коллективах (студенческие группы и кафедры), понимание и влияние неформального социального контракта, связанного с выполнением взаимных обязательств между руководством вуза и коллективом.

Субъектно-деятельностные критерии включают измерение способности вуза на уровне коллективных действий к социально-инвестиционной деятельности, реальная инфраструктура социально-инвестиционных проектов, формы стимулирования социально-инвестиционной деятельности, формирование имиджа вуза как социально-инвестиционного центра в рамках социально-экономической системы южно-российского региона.

В контексте реалий Южно-российского региона очевидно, что для населения наиболее приоритетной адаптивной стратегией является экономия и, как следствие, ограничение возможностей вуза заниматься оказанием коммерческих образовательных услуг. Особого внимания заслуживает переход ведущих вузов региона на основе интеграции с вузами «второго ряда» к расширению набора студентов, что позволяет сохранить социально-инвестиционные стратегии населения и через социально-проективную деятельность утверждать позицию вуза в сфере социальной безопасности.

Такой вывод подтверждается тем, что региональные ведущие вузы усиливают свое влияние в ранее не охваченных территориях, где работали в основном вузовские филиалы и коммерческие вузы. Концентрируя кадровые и профессиональные ресурсы, ведущие вузы в южно-российском регионе по существу начинают диктовать условия образовательной, культурной и в конечном счете экономической политики. Этот факт может не осознаваться на уровне регионального руководства и бизнес-структур, так как Южно-российский регион по показателям входящих в него субъектов (областей и краев) занимает срединное место.

При всей очевидности негативных последствий экономического кризиса, осложняющего развитие социально-экономической системы Южно-российского региона, есть потребность в ускорении перехода на инновационную экономику и, следовательно, региональные вузы становятся фактором «временной передышки», заполняют «пустоты», возникшие в результате оптимизации социальной инфраструктуры региона. Как ни парадоксально звучит, происходит ревальвация высшего образования, и отношение к вузовской системе субъектов регионального развития характеризуется признанием роли регионального высшего образования как фактора роста социально-инвестиционной привлекательности.

Для срединного Южно-российского региона открываются новые возможности для адаптации к новым экономическим условиям в контексте поиска компенсаторных механизмов, повышающих социальную безопасность, через блокирование социальной эксклюзии, особенно в региональной периферии, сохранения статусного культурного потенциала и достижения если не материальной обеспеченности, то предотвращения социокультурной сегрегации и анклавизации, создающей новые поля социальной напряженности.

Заключение

Исходя из субъектно-деятельностного подхода, позиционирование вуза в региональном пространстве расширяется. В условиях кризисных явлений в социально-экономической жизни вузы в Южно-российском регионе предлагают альтернативу инерционному сценарию, что в рамках интеллектуальных и технологических проектов позволяет не выпасть из инвестиционного вектора развития. Результаты социологических исследований показывают, что инвестиционная деятельность вузов может принести определенные результаты в виде:

- создания новых инновационных кластеров на основе вузовских разработок и конкретного участия вузов;
- появления новых рабочих мест, связанных с поддержанием социальной инфраструктуры и при постепенном наращивании преимуществ ведущих региональных вузов;
- выбора стратегического направления регионального развития, основанного на реальной интеллектуальной ресурсности региона.

В контексте социальной безопасности как социально симметричного развития региона региональный вуз обретает статус «мозгового центра» и при этом оказывает позитивное влияние на сохранение уже наработанных региональных преимуществ (развитая логистика, агропромышленный комплекс). Нельзя забывать и о том, что при нереальности высоких темпов экономического роста социальная безопасность в российском обществе упирается в проблему сокращения уровня дифференциации между богатыми и бедными регионами. Срединный Южно-российский регион может стать модальным при определении подходов к преодолению межрегиональных разрывов, стимулирующих уровень социальной опасности в российском обществе.

Литература

1. Месхи Б.Б. Социально-инвестиционная модель регионального управления в российском обществе. Ростов-на-Дону, 2019.

2. Vodenko K.V. Social and Investment Activities of University as a Subject of the Socio-Economic System in the Context of Provision of National Security // Public Administration and Regional Management in Russia. Cham: Springer International Publishing AG, 2020. P. 299–309.

3. Региональная социология: проблемы консолидации социального пространства России. М., 2015.

4. Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя. М., 2018.

5. Россия реформирующаяся. М., 2012.

6. Vodenko K.V. Problems and Perspectives of State Regulation of System of Education in the Context of Provision of Russia's National Security // International Journal of educational management. 2019. Vol. 33. Iss. 3. P. 462–469.

7. Абрамов Р.А., Мухаев Р.Т., Соколов М.С. Критерии эффективности государственного и регионального управления в контексте проектного подхода // Теоретическая и прикладная экономика. 2017. № 1. С. 96–112.

8. Россия: реформирование властно-управленческой вертикали в контексте проблем социокультурной модернизации регионов. М., 2017.

9. Двадцать пять лет новой России: Ростовская область. Ростов-на-Дону, 2018.

10. Путилов В.А., Маслобоев А.В., Быстров В.В. Моделирование процессов управления региональной безопасностью // Труды Кольского научного центра РАН. 2017. № 3-8 (8). С. 9–27.

References

1. Meskhi, B.B. Social-investment model of regional administration in Russian society. Rostov-on-Don, 2019.

2. Vodenko, K.V. Social and investment Activities of University as a Subject of the Socio-Economic System in the Context of Provision of National Security/ In: *Public Administration and Regional Management in Russia*. Cham: Springer International Publishing AG, 2020. P. 299–309.

3. Regional sociology: problems of consolidation of social space of Russia. Moscow, 2015.

4. Capitals and regions in modern Russia: myths and reality fifteen years later. Moscow, 2018.

5. Russia reforming. Moscow, 2012.

6. Vodenko, K.V. Problems and Perspectives of State Regulation of System of Education in the Context of Provision of Russia's National Security. *International Journal of educational management*. 2019. Vol. 33. Iss. 3. P. 462–469.

7. Abramov, R.A., Mukhaev, R.T., Sokolov, M.S. Creteria of effectiveness of state and regional administration in the context of project approach. *Theoretical and applied economy*. 2017. No. 1. P. 96–112.

8. Russia: reforming of power administrative vertical in the context of problems of socio-cultural modernization of regions. Moscow, 2017.

9. Twenty five years of new Russia: Rostov region. Rostov-on-Don, 2018.

10. Putilov, V.A., Masloboev, A.V., Bystrov, V.V. Modeling of processes of administration of regional security. *Works of Kola scientific center of RAS*. 2017. No. 3–8 (8). P. 9–27.

Е.Е. Письменная,
д-р социол. наук, доцент,
профессор Департамента социологии,
Финансовый университет при Правительстве РФ;
главный научный сотрудник
Института демографических исследований ФНИСЦ РАН
e-mail: nikitaR@list.ru
С.В. Рязанцев,
д-р экон. наук, профессор, чл.-корр. РАН, директор
Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН,
e-mail: riazan@mail.ru
Луонг Динь Хай,
д-р наук, профессор,
директор Института гуманитарных исследований ВАОН
e-mail: tskhldh@yahoo.com
Г.Н. Очирова,
младший научный сотрудник
Института демографических исследований ФНИСЦ РАН
e-mail: galinaochirova93@gmail.com

УДК 304(450+571)-044.3(597)
DOI 10.20339/AM.11-20.020

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ В ОЦЕНКАХ ВЬЕТНАМСКИХ СТУДЕНТОВ[1]

Рассматриваются особенности образовательной миграции из Вьетнама в российские университеты в 1990–2020 гг. Выделены факторы, которые препятствуют формированию устойчивых установок и масштабных миграционных потоков вьетнамской молодежи в российские университеты. На основе социологических методов установлено отношение вьетнамских студентов к качеству жизни и качеству образования в России. Выявлены ключевые проблемы повседневной жизни вьетнамских студентов в период пандемии COVID-19. Предлагаются рекомендации по изменению ситуации с положением вьетнамских студентов на российском рынке труда с точки зрения возможностей их «оседания» на постоянное место жительства в России.

Ключевые слова: *студенты, качество жизни, качество образования, Россия, Вьетнам, миграционные установки, пандемия COVID-19.*

QUALITY OF LIFE AND EDUCATION IN RUSSIA AS SEEN BY VIETNAMESE STUDENTS

E.E. Pismennaya is Dr.Sci. (Sociology), Prof. of the Department of Sociology at Financial University under the Government of the Russian Federation and Chief Researcher at Institute for Demographic Research, FCTAS RAS; **S.V. Ryazantsev** is Corresponding Member of RAS, Dr.Sci. (Economics), prof., Director of the Institute for Demographic Research, FCTAS RAS; and **Luong Dinh Hai** is Dr.Sci., Prof, Director of Institute for Humanitarian Research at VASS, **G.N. Ochirova** is Junior Researchers at Institute for Demographic Research, FCTAS RAS

Examines the features of educational migration from Vietnam to Russian universities in the years of 1990–2020. Factors that hinder formation of stable attitudes and large-scale migration flows of Vietnamese youth to Russian universities are highlighted. Attitude of Vietnamese students to the quality of life and the quality of education in Russia is established on the basis of sociological methods. Identified the key issues in daily life of Vietnamese students during the COVID-19 pandemic. Recommendations are proposed for changing situation with position of Vietnamese students in the Russian labor market in terms of possibilities of their "settling" for permanent residence in Russia.

Key words: *students, quality of life, quality of education, Russia, Vietnam, migration settings, COVID-19 pandemic.*

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ВАОН в рамках научного проекта № 20-511-92002 «Стратегия России на образовательных рынках стран Юго-Восточной Азии: оценка социально-демографического потенциала и направления государственной политики».

Введение

Привлечение иностранных студентов в российские вузы стало важным направлением государственной политики Российской Федерации. В национальном проекте «Образование» в качестве одной из задач заявляется «увеличение в два раза числа иностранных граждан, обучающихся в вузах и научных организациях, а также реализация комплекса мер по их трудоустройству». К 2024 г. в качестве целевого ориентира установлено: «увеличение числа иностранных граждан, которые обучаются в российских вузах, до 435 тыс. человек, ежегодное обучение как минимум 15 тыс. иностранных граждан в летних и зимних школах, реализация в шестидесяти университетах минимум по пять образовательных программ, прошедших международную аккредитацию» [3].

Привлекательность российского высшего образования для иностранных студентов определяется историческими связями, качеством и фундаментальностью подготовки в вузах, условиями жизни в России. В последние годы российские власти и университеты, ставя задачи привлечения иностранных студентов, активно работали в направлении повышения качества образовательной среды. Так, согласно указу президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» российская система высшего образования для повышения конкурентоспособности должна внедрить современные образовательные технологии, автоматизацию и кибернизацию [11].

С учетом особенности исторического развития советские вузы были относительно привлекательны для вьетнамцев. После распада СССР Вьетнам на время ушел из сферы влияния России, что привело к переориентации потоков образовательных мигрантов на новые направления. Это произошло также по причине развития новых векторов развития в самом Вьетнаме.

Согласно отчету Vietnam National Education for All: 2015 Rewiew в системе образования Вьетнама произошли радикальные и всеобъемлющие инновации, направленные на стандартизацию, модернизацию, социализацию, демократизацию и международную интеграцию, а также на обеспечение адаптации системы образования к рыночной экономике с сохранением социалистической ориентации. Правительство Вьетнама уделяет значительное внимание развитию учреждений образования, включая государственные и частные, от уровня дошкольного образования и базового образования до профессионального обучения, колледжей и университетов.

Политика Вьетнама в области образования все более нацелена на обеспечение высококачественного образования для удовлетворения потребностей экономического развития страны, а также на удовлетворение постоянно растущих потребностей учащихся и обеспечение актуальности при сохранении равенства доступа к высокому уровню образования различных социальных групп населения [16. С. 8]. Масштабное вхождение во вьетнамскую экономику иностранных компаний и широкое распространение английского языка привело к переориентации потоков вьетнамской молодежи на обучение в США, Австралию, Канаду и другие страны.

Активизация российско-вьетнамских отношений началась в 2000-е гг. Российские руководители высшего уровня в ходе визитов во Вьетнам неоднократно заявляли, что страна выступает главным геополитическим и стратегическим партнером России в Юго-Восточной Азии.

Директор Российского центра науки и культуры в Ханое Н. Шафинская отмечает: «Сегодня Россия придает особое значение подготовке в своих вузах граждан Вьетнама, обоснованно надеясь, что многие из них будут активно способствовать реализации российско-вьетнамских проектов в интересах укрепления всеобъемлющего стратегического партнерства двух стран. За эти годы в вузах бывшего СССР, а затем и России высшее образование получили свыше 50 тыс. граждан Вьетнама. В настоящее время в вузах Российской Федерации на коммерческой основе обучаются порядка 5 тыс. студентов и аспирантов из Вьетнама. При этом ежегодно увеличивается количество льготных государственных образовательных квот, которые Россия предоставляет Вьетнаму» [1].

Однако вопреки политическим декларациям, численность вьетнамских студентов в российских вузах практически не растет. Порой она даже снижается, несмотря на активный рост населения и молодежи в самом Вьетнаме.

Цели и задачи исследования, источники информации и методы

Целью настоящей статьи является выявление мнения вьетнамских студентов о качестве жизни и образования в России в контексте тенденций образовательной миграции из Вьетнама. Нами были решены следующие задачи:

- во-первых, определены масштабы образовательной миграции из Вьетнама в Россию в 2000-е гг.;
- во-вторых, выделены факторы, сдерживающие поток вьетнамской молодежи в российские вузы;

- в-третьих, определено отношение вьетнамских студентов к качеству жизни и обучения в российских вузах.

В работе использовался статистический метод. В качестве источника информации использовались официальные данные Департамента международного сотрудничества и Центра социологических исследований Министерства науки и высшего образования РФ, которые публикуются в ежегодном режиме в сборнике «Обучение иностранных граждан в **высших учебных заведениях Российской Федерации»**. Также использовались статистические данные отдельных российских университетов, в которых обучаются вьетнамские студенты.

Социологический метод включал вторичный анализ данных социологического опроса, проведенного учеными ИСПИ ФНИСЦ РАН в мае 2020 г. среди иностранных студентов в России в период пандемии COVID-19. Анкета опроса состояла из 19 закрытых вопросов, которые касались проблем с жильем, финансовым обеспечением, миграционной и визовой поддержкой, доступом к продовольственным товарам, дискриминацией и психологическим состоянием. Выборка составила 144 иностранных студента из 34 стран, в том числе Вьетнама. Возраст опрошенных иностранных студентов — от 17 до 50 лет (средний возраст составил 23 года), из них 51% женщины и 49% мужчины. Большинство опрошенных обучаются по программах бакалавриата (59%), по программам специалитета обучаются 12%, по программам магистратуры 10% и аспирантуры 19% [5. С. 150–151].

В мае 2020 г. авторами была проведена фокус-группа с вьетнамскими студентами с целью изучения качества жизни и качества образования в России. Фокус-группа проводилась в форме глубинного полуформализованного интервью с участием 12 студентов из Вьетнама, обучающихся в Финансовом университете при Правительстве РФ, МГИМО МИД России и МТГУ им. Н.Э. Баумана. Отбор участников группы проводился методом «снежного кома» в онлайн-режиме на платформе ZOOM. Возраст участников фокус-группы составил от 18 до 30 лет, в составе участников были по 6 юношей и девушек.

Первый блок вопросов касался качества жизни с точки зрения эмоциональных потребностей и содержал вопросы о собственном комфорте на территории России и в вузе, отношений между студентами и местным населением, досуга и хобби иностранных студентов. Второй блок вопросов касался физических потребностей, в том числе здоровья и питания. Третий блок вопросов затрагивал ряд социальных потребностей, включая жилищные условия, материальное положение, медицинское обслуживание, трудоустройство, качество и проблемы обучения. Также был выделен блок вопросов по качеству жизни вьетнамских студентов в России в период пандемии COVID-19. Заключительная часть интервью включала вопросы, касающиеся жизненных планов, в том числе миграционных и трудовых.

Также использовались интервью, проведенные в 2019–2020 гг. авторами статьи с двенадцать экспертами из числа представителей органов государственной власти России и Вьетнама, дипломатами, руководителями различного уровня российских и вьетнамских университетов.

Литературный обзор

В современной научной литературе важность привлечения иностранных студентов в национальные системы высшего образования, как правило, определяется, с одной стороны, потребностью российского рынка труда в высококвалифицированных кадрах, а с другой стороны — высокой степенью адаптивности молодежи.

Например, Рашидов Х. называет образовательных мигрантов «одной из наиболее желательных категорий мигрантов» благодаря высокому адаптационному потенциалу [6]. Некоторые авторы (например, Е.Ю. Золочевская, А.В. Скидан, А.М. Мельниченко) связывают усиление вектора на привлечение иностранных студентов с объективной тенденцией интернационализации российской системы высшего образования [2. С. 122].

Факторы притяжения иностранных студентов, в том числе вьетнамских, изучались подробно в научных работах А.А. Соколова [8], С.В. Рязанцева, Е.Е. Письменной [7], А.С. Чеснокова [13]. Изучались география образовательной миграции, особенности трудоустройства вьетнамцев в России, последствия образовательной миграции для страны, особенности социально-экономической адаптации вьетнамских студентов, их миграционные установки. Однако до сих пор остается слабо изученным фактор привлекательности России, российских регионов и вузов с точки зрения качества образования и качества жизни. А между тем это наиболее значимый фактор ориентации потоков образовательных мигрантов, признанный на уровне международных исследований.

Немаловажным аспектом притяжения иностранных студентов является уровень жизни, безопасность и возможность трудоустройства в стране обучения международных студентов.

Как показало изучение зарубежной и отечественной литературы, выделяются более 150 методик оценки ка-

чества жизни. Используются индексы качества жизни, официальная статистика о социальных явлениях в стране, социологические опросы и интегральные показатели, характеризующие субъективную оценку качества жизни.

В исследовании Better Life Index, проведенному Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), анализировалось качество жизни в развитых странах. Данный подход является репрезентативным, поскольку в его основу берутся 11 важнейших компонент, а не только ВВП и экономическая статистика [14]. Рассматриваются такие параметры, как жилье, доход, трудовая деятельность, общественное участие, образование, окружающая среда, развитие гражданского общества, здравоохранение, удовлетворение жизнью, безопасность, баланс между работой и личной жизнью. Как отмечено в исследовании, РФ за последнее десятилетие добилась прогресса в улучшении качества жизни. Около 94% взрослого населения России в возрасте от 25 до 64 лет имеют полное среднее образование, что намного выше среднего показателя по ОЭСР (78%). Средний российский учащийся набрал 492 балла по грамотности чтения, математике и естественным наукам по Программе международной оценки учащихся (PISA), что выше, чем в среднем по ОЭСР (486 баллов) [14].

Подход к качеству жизни ВОЗ включает психологическое, социальное, эмоциональное и физическое здоровье человека, которое непосредственно базируется на определении индивида в отношении своего места в обществе. Основными потребностями, определяющими качество жизни, являются физические (здоровье и демография), социальные (образование, медицинские услуги, питание, трудоустройство, безопасность) и эмоциональные (нравственная атмосфера) [17].

Аспекты качества жизни зафиксированы в указе президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации»: повышение качества жизни российских граждан гарантируется за счет:

- обеспечения продовольственной безопасности, большей доступности комфортного жилья, высококачественных и безопасных товаров и услуг;
- современного образования и здравоохранения;
- спортивных сооружений;
- создания высокоэффективных рабочих мест, а также благоприятных условий для повышения социальной мобильности, качества труда, его достойной оплаты;
- поддержки социально значимой трудовой занятости;
- обеспечения доступности объектов социальной, инженерной и транспортной инфраструктур для инвалидов и других маломобильных групп населения;
- достойного пенсионного обеспечения [10].

Образование является важным индикатором оценки качества жизни как в России, так и за рубежом. Очень важна оценка его качества, которая характеризуется количеством и долей обучающихся; расходами на образование; долей людей с высшим образованием; числом учащихся, учителей и преподавателей на единицу населения и других показателей.

Однако, согласно ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», качество образования — «это комплексная характеристика образовательной деятельности и подготовки обучающегося, выражающая степень их соответствия федеральным государственным образовательным стандартам, образовательным стандартам, федеральным государственным требованиям и (или) потребностям физического или юридического лица, в интересах которого осуществляется образовательная деятельность, в том числе степень достижения планируемых результатов образовательной программы» [12].

Масштабы привлечения вьетнамцев в российские университеты

Образовательная миграция вьетнамцев в Россию имеет свою историю. Советский Союз оказывал наибольшую помощь Вьетнаму в области образования. Многие вьетнамцы, прошедшие подготовку в СССР, стали высшими руководителями партии, государства, министерств. Начиная с 1951 г. до распада Советского Союза в 1991 г. «около 30 тыс. вьетнамских граждан получили советские дипломы о высшем образовании. Затем, с 1992 по 2006 г., еще 20 тыс. вьетнамцев окончили высшие учебные заведения в России» [13].

По данным Департамента международного сотрудничества и Центра социологических исследований Минобрнауки России, численность иностранных студентов в российских вузах в 2017/2018 учебном году составила 257 тыс. человек [4. С. 9]. Россия по этому показателю пока не входит в рейтинг мировых лидеров и не использует в полной мере свой образовательный, научный и инфраструктурный потенциал, проигрывая в конкурентной борьбе США, Канаде, Австралии, странам Европы.

В последние годы основной прирост числа иностранных студентов обеспечивают российским университетам такие страны Азии, как Туркмения, Индия, Узбекистан, Таджикистан и Китай. Наиболее крупными контингентами иностранных студентов в России являются представители Казахстана (41,3 тыс.), Китая (29,2 тыс.), Туркмении (22,1 тыс. человек) [4. С. 9]. Примерно четверть

всех иностранных студентов в России — выходцы из азиатских стран [4. С. 29–30].

В российских вузах в 2016/2017 учебный год обучались 4866 вьетнамцев, а в 2017/2018 — 4758 человек [4. С. 25]. Большинство вьетнамцев по квотам учатся в Москве, Санкт-Петербурге, Туле и некоторых других городах. Например, 180 вьетнамцев и аспирантов учатся только в Тульском государственном университете, 20 из них за свой счет, а остальные в рамках межправительственного соглашения между РФ и СРВ [8. С. 191].

В 2016 г. в России за счет государственной стипендии, выделенной Россией, обучались 855 граждан Вьетнама, в том числе 70 человек на специальностях, связанных с ядерной энергетикой. В 2017 г. правительство РФ выделило 953 стипендии для граждан Вьетнама, включая 65% стипендий для аспирантов, 30% — для студентов, 5% — для стажеров [8. С. 191]. По данным Министерства образования и профессиональной подготовки СРВ страна направила на учебу в российские высшие учебные заведения по государственной линии в 2019/2020 учебном году 965 студентов [8. С. 190].

Очевидно, однако, что система государственной поддержки для обучения вьетнамской молодежи в российских вузах пока не является достаточной для декларируемого уровня политических отношений. Причем недостаточная поддержка проявляется с двух сторон — как с российской, так и вьетнамской. Количества стипендий для страны с населением 96 млн человек крайне мало. Не говоря уже об историческом контексте взаимоотношений между нашими странами.

Факторы, ограничивающие приток вьетнамских студентов в российские университеты

К сожалению, в настоящее время Россия не входит в число приоритетных направлений для обучения молодых вьетнамцев и существенно проигрывает в конкурентной борьбе за вьетнамцев другим государствам на мировом рынке образовательных услуг. В частности, по данным Международного образовательного интернет-портала EasyUni, в 2016 г. за рубежом обучались 130 тыс. вьетнамцев, в том числе в Японии — 38 тыс., Австралии — 31 тыс.,

Таблица

Динамика численности иностранных студентов из стран Азии и Вьетнама, обучавшихся в российских вузах [4]

Учебный год	Всего	Азия	КНР	Вьетнам
2003/2004	67 784	25 581	7895	3773
2004/2005	82 251	31 675	12 428	4794
2005/2006	86 875	33 677	13 150	4917
2006/2007	93 742	36 011	13 639	4651
2007/2008	101 182	39 186	15 502	4656
2008/2009	108 565	41 313	17 081	3750
2009/2010	108 084	38 565	16 178	3311
2010/2011	118 730	39 178	16 486	3628
2011/2012	125 538	37 306	15 620	3969
2012/2013	139 578	39 162	16 385	4091
2013/2014	156 211	41 722	18 269	4331
2014/2015	183 065	45 201	20 209	4676
2015/2016	200 750	48 739	22 261	4548
2016/2017	229 320	57 362	26 775	4866
2017/2018	256 864	64 621	29 172	4758

США — 28 тыс., Китае — 13 тыс., Великобритании — 11 тыс., в других европейских странах — 18 тыс. человек [7. С. 188].

Главными факторами, которые сдерживают приток вьетнамских студентов в Россию являются следующие.

1. *Не соответствует уровню политических отношений торгово-экономическое взаимодействие между Россией и Вьетнамом как на государственном уровне, так и на уровне бизнес-структур.* В результате отсутствия динамичного развития торгово-экономического сотрудничества не создаются новые рабочие места в русскоязычной экономике во Вьетнаме и во вьетнамском секторе экономики в России. И хотя открыты и функционируют ряд совместных компаний, их крайне недостаточно. Это уменьшает возможности вьетнамцев-выпускников российских вузов найти достойную работу на российском и вьетнамском рынках труда. В результате популярность изучения русского языка и российского образования среди вьетнамской молодежи и их родителей снижается.

Как показало наше исследование 2008 г., «даже люди, учившиеся в СССР и России, отправляют своих детей учиться в страны Запада, Японию, Южную Корею, Австралию, поскольку не видят перспектив их трудоустройства с российскими дипломами» [7. С. 69–70]. Зарубежные инвесторы вкладывают значительные средства в экономику Вьетнама, но Россия также здесь существенно отстает от конкурентов.

2. *Во Вьетнаме значительно сократилось распространение русского языка и российского образования.* В стране остались только 10 школ, в которых изучается русский язык, мало бесплатных и доступных курсов русского языка, сократилось число факультетов и кафедр русского языка во вьетнамских университетах. Российские структуры (посольство, Россотрудничество, Фонд «Русский мир») должны более активно развивать программы популяризации русского языка во вьетнамских провинциях и городах, а не только в столицах Ханое и Сайгоне.

3. *Внешняя государственная образовательная политика РФ опирается на традиционные методы работы, не имеет достаточного размаха в отличие от стран конкурентов.* Япония, Республика Корея, США, Австралия активно развивают программы привлечения студентов в свои страны, организуя грантовые программы, образовательные выставки, молодежные проекты. России также требуется развивать специальные грантовые программы для молодежи, причем это должна быть дорога с двухсторонним движением: не только вьетнамцев в Россию, но и россияне должны иметь возможность ехать учиться во Вьетнам. Необходимо расширять программы для школьников и детей, формируя взаимный интерес молодежи к России и Вьетнаму.

4. *Во Вьетнаме практически отсутствует реклама российской системы образования и российских университетов,* хотя у вьетнамцев существует значительный интерес к России и растут масштабы вьетнамского туризма в Россию. Необходимо усиливать присутствие российских мобильных образовательных офисов при туристических центрах, университетах, торговых компаниях. Требуется развитие программы российского государственного образовательного маркетинга во Вьетнаме.

Оценки качества жизни и образования в России вьетнамскими студентами

Анализ ответов вьетнамских студентов — участников фокус-группы с целью изучения оценок качества жизни и образования в России выявил следующие особенности.

Девять участников фокус-группы чувствуют себя в России достаточно комфортно или хорошо, аргументируя это следующим:

«Мне достаточно комфортно и в университете, и в России. У меня уже много друзей и дружественных отношений».

«Чувствую себя вполне комфортно, никаких социальных проблем не было. Отрицательного отношения от местных студентов не было».

Более половины участников фокус-группы имели исключительно позитивный опыт общения с российским населением и не сталкивались с негативным отношением. Они использовали такие термины, как «*доброжелательность», «позитивное отношение», «дружеское отношение», «готовность помочь»* для описания опыта общения с местным населением и российскими сокурсниками. Лишь двое вьетнамских студентов ответили, что столкнулись с непониманием, «*неприязнью»* и «*безразличием»* со стороны россиян.

Однако в целом это не мешает им учиться в России, не меняет позитивного настроя и не нарушает комфортного ощущения в российском обществе. Досуг и хобби у вьетнамских студентов оказались разнообразными: *прослушивание музыки, просмотр фильмов и сериалов, рисование, чтение книг, игра в футбол и спорт в целом, а также прогулки по Москве с друзьями*.

По вопросам физических потребностей, а именно здоровья и питания, ответы участников фокус-группы показали, что состояние здоровья вьетнамских студентов по приезду в Россию практически не изменилось. Половина участников группы сказали, что они *начали заниматься в России спортом*. А у некоторых в России даже появилось больше возможностей для занятий спортом.

«Здоровье осталось неизменным, можно даже сказать, что иммунитет укрепился. Спортом занимаюсь довольно часто, хожу в тренажерный зал и в различные спортивные секции».

У восьми участников фокус-группы питание улучшилось, они стали употреблять в России больше фруктов и овощей. Большинство участников фокус-группы были *полностью удовлетворены питанием как в своем университете, так и в целом в России*.

Жилищные условия в России вьетнамскими студентами оценивались в целом положительно. Однако существовали и негативные оценки. *«Проживание в общежитии оцениваю на три балла из пяти, так как есть много изъянов»*.

Материальное положение вьетнамских студентов в России достаточно устойчиво. У большей половины денег хватало на все необходимые расходы по обучению и жизни в России. Большая часть из них проживала в больших городах до приезда на учебу в Россию, будучи выходцами из обеспеченных вьетнамских семей.

Что касается расходов, то здесь была выявлена основная проблема, касающаяся трат в целом, так как *жизнь в России обходится намного дороже, чем во Вьетнаме*. Несмотря на некоторые сложности, в целом качество жизни участники фокус-группы оценили его во Вьетнаме на 6 баллов, а в России на 8 из 10.

В целом вьетнамских студентов удовлетворяет качество медобслуживания. Четверть из них отметили, что в принципе не обращались за медпомощью с момента переезда Россию, а те, кто обращался, отзываются позитивно.

Как показали результаты опроса, основными проблемами являются трудоустройство, овладение русским языком и прохождение практики в процессе обучения в России. Два участника фокус-группы имеют опыт работы в России. Как говорят студенты, им сложно найти работу из-за проблем с официальным трудоустройством.

«Нет, не работаю, так как официально иностранным студентам в России работать нельзя». «Поскольку я из другой страны, не могу работать, учебная виза не позволяет мне сделать рабочую визу».

Половина участников фокус-группы полностью адаптировалась к обучению и российскому образованию в целом.

Вопрос о качестве образования в России получил относительно позитивные оценки. Больше половины участников дали среднюю оценку или оценку выше среднего качеству образования в их вузе. Участники фокус-группы качество образования оценили во Вьетнаме на 6 баллов из 10, а в России по максимуму на 10 баллов.

«В Финансовом университете учиться лучше, чем в университете во Вьетнаме. У меня был не очень хороший университет. Тут все гораздо лучше, в "Финашке" есть факультеты, которые в моей стране даже не существуют».

Качество жизни вьетнамских студентов в России во время пандемии COVID-19 существенно изменилось. Как отмечают участники фокус-группы, возникли трудности с работой, появились проблемы с жильем, снизились доходы, не стало хватать денег на питание. По мнению первого секретаря отдела образования посольства СРВ Ли Тьен Хунга, российские власти, соответствующие министерства и университеты России оперативно приняли меры предосторожности и оказали помощь студентам из Вьетнама [11]. Однако некоторые респонденты отвечали иначе.

«Мой университет неожиданно объявил, что из-за пандемии закрывает общежитие. Мне надо было искать квартиру. Но найти квартиру было очень сложно. Еще и нельзя зарегистрироваться. Очень волновался. С большим трудом мне удалось поселиться у знакомых».

По данным Генерального консульства СРВ в г. Владивостоке в Приморском крае более 100 граждан Вьетнама, включая студентов, заражены вирусом COVID-19. Из них один человек погиб и 68 находятся под наблюдением врачей. Генеральное консульство и Общество вьетнамцев оказывают помощь забелевшим и их семьям продуктами питания и средствами защиты[1].

Согласно данным социологического опроса ученых ИСПИ ФНИСЦ РАН среди иностранных студентов, проведенного в мае 2020 г. под руководством С.В. Рязанцева, были получены следующие результаты. Более всего студентов отметили, что существенно выросли расходы на продукты питания (39%). Как отмечено ранее, более половины студентов получали финансовую помощь от родителей или родственников, однако в связи с пандемией 33% опрошенных отметили, что у их семей больше нет возможности помогать финансово. Из респондентов, которые сами несли расходы на обучение в России, более четверти потеряли работу. Кроме того, 13% опрошенных отметили, что столкнулись с жилищной проблемой, при этом 8% заявили, что были вынуждены сменить место жительства в связи с выселением из общежития или съемной квартиры.

Наиболее резонансным случаем стало выселение студентов из общежития МГИМО [9]. Подобные меры поставили иностранных студентов в сложное финансо-

[1] Интервью с Генеральным консулом СРВ во Владивостоке, август 2020 г.

вое или психологическое состояние. Даже если студенты обладают финансовыми возможностями для найма квартиры, может возникнуть проблема с постановкой на миграционный учет. В соответствии со статьей 322.2 УК РФ, за фиктивную регистрацию иностранного гражданина предусмотрена уголовная ответственность, из-за которой многие собственники жилых помещений не желают иметь дела с иностранными гражданами. Однако в связи с тем, что большинство респондентов (85%) не меняли место жительства, 75,7% не столкнулись с миграционными и визовыми проблемами в период пандемии [5. С. 151–153].

Вследствие сложной эпидемиологической обстановки крайне важна доступность медицинской помощи. Более 61% респондентов не имели проблем с доступом к медицинской помощи, однако были отмечены случаи отсутствия медицинской страховки у студентов (17%), отказа в медицинской помощи (4%), недостатка информации о предоставлении медицинской помощи (15%) и иные проблемы с медицинской помощью (21%).

Режим самоизоляции оказал негативное влияние на психологическое состояние студентов. По данным опроса, более 60% респондентов отметили негативное влияние пандемии COVID-19 на их психологическое состояние [5. С. 154].

Как показали интервью участников фокус-группы, почти единогласно вьетнамские студенты планируют продолжить обучение в России. Они говорят о том, что им нравится российская система обучения, город Москва и Россия. При этом все участники фокус-группы говорят, что *планируют остаться и работать в Москве и России только в том случае, если смогут найти хорошую и достойную работу.*

Заключение

По данным опроса вьетнамской молодежи 2016 г., проведенном Международным образовательным интернет-порталом EasyUni, относительно выбора места учебы было установлено, что 41% вьетнамской молодежи хочет учиться во Вьетнаме, а 59% за рубежом [8. С. 187].

Вторая группа вьетнамской молодежи, выбравшая обучение за рубежом, свое решение обосновывает следующими аргументами:

- доверием к качеству образования и подготовки (38%);
- хорошим жизненным опытом при освоении будущей специальности (36%), а именно надежными инвестициями в получение диплома, имеющего международное признание, созданием благоприятных условий для последующей работы (19%).

Вьетнамские родители, принимая решение направить своих детей на учебу за границу, указывают на:

- всестороннее образование и развитие (46%);
- высокое качество образования (41%);
- креативность образовательного процесса (23%);
- непредвзятость образования (17%);
- персонифицированное обучение (14%);
- важность получения фундаментальных знаний (9%) [8. С. 188].

Проблема заключается в том, что при высоком миграционном и демографическом потенциале во Вьетнаме российский рынок образовательных услуг в настоящее время является слабо привлекательным для вьетнамской молодежи по сравнению с экономически развитыми странами. Масштабы образовательной миграции в Россию практически не растут, несмотря на политические декларации, усилия государств и вузов. Главной проблемой остается отсутствие устойчивой культурно-языковой и социально-экономической основы процесса и развитой инфраструктуры привлечения вьетнамских студентов в Россию.

Мнение вьетнамских студентов, которые обучаются в России, о качестве жизни и образования в целом позитивное. Но непроработанными остаются вопросы официального трудоустройства, прохождения учебной и производственной практики, возможностей получения работы в России. А между тем долгосрочные жизненные планы и привлечение новых абитуриентов из Вьетнама в российские вузы находятся в прямой зависимости от условий и перспектив, которые может открывать для них российский рынок труда и качество жизни в России.

В условиях пандемии COVID-19 подавляющая часть вьетнамских студентов осталась в России. С одной стороны, это связано с невозможностью вернуться домой из-за высоких цен на билеты и закрытием границ. Многие вьетнамские студенты столкнулись с финансовыми затруднениями, проблемами жилья, доступом к медицинской помощи. Немаловажным аспектом выступает ухудшение психологического состояния вьетнамских студентов, связанное со стрессом на фоне неопределенности дальнейшего развития событий.

Для реализации планов по увеличению числа иностранных студентов в целом, студентов из Вьетнама в частности, России и университетам необходимо выработать программу преодоления негативных последствий пандемии COVID-19.

Литература

1. В России будут учиться 965 студентов из Вьетнама. URL: https://vogazeta.ru/articles/2019/3/28/quality_of_education/6819-v_rossii_budut_uchitsya_965_studentov_iz_vietnama

2. Золочевская Е.Ю., Скидан А.В., Мельниченко А.М. Особенности привлечения иностранных студентов в российские вузы: региональный аспект // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2019. С. 117–122.

3. Национальный проект образование. URL: https://edu.gov.ru/national-project/

4. Обучение иностранных граждан в образовательных организациях высшего образования Российской Федерации: Статистический сборник. URL: http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=548

5. Плетнева Ю.Э., Очирова Г.Н. Влияние пандемии COVID-19 на положение иностранных студентов в России // Научное обозрение. 2020. № 3. С. 147–155.

6. Рашидов Х. Образовательная миграция и непрерывное образование. URL: https://docplayer.ru/175593-Obrazovanie-cherez-vsyu-zhizn.html

7. Рязанцев С.В., Письменная Е.Е. Образовательная и трудовая миграция вьетнамцев в Россию: тенденции и потенциал. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovatelnaya-i-trudovaya-migratsiya-vietnamtsev-v-rossiyu-tendentsii-i-pote

8. Соколов А.А. Современная образовательная миграция из Вьетнама: возможности и вызовы // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2017. № 35. С. 184–205.

9. Студентам грозит дистанционное проживание. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4292688

10. Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683-ФЗ «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/743474b198a4e9a6e9e181d9451aafc27185f735/

11. Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204-ФЗ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». URL: http://kremlin.ru/events/president/news/57425

12. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/

13. Чесноков А.С. Вьетнамская диаспора в России: история и современность // Известия Уральского федерального университета. 2009. № 3. С. 40–46.

14. Better Life Index. The Russian Federation. OECD. 2017. URL: http://www.oecdbetterlifeindex.org/countries/russian-federation/

15. Embassy supports 6,500 students in Russia amidst COVID-19 outbreak. URL: https://vietnamtimes.org.vn/embassy-supports-6500-students-in-russia-amidst-covid-19-outbreak-18483.html

16. Viet Nam national Education for All 2015 review. 2015. UNESCO. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000232770

17. WHOQOL: Measuring Quality of Life. World Health Organization. URL: https://www.who.int/healthinfo/survey/whoqol-qualityoflife/en/

References

1. 965 students from Vietnam will study in Russia. URL: https://vogazeta.ru/articles/2019/3/28/quality_of_education/6819-v_rossii_budut_uchitsya_965_studentov_iz_vietnama

2. Zolochevskaya, E.Yu., Skidan, A.V., Melnichenko, A.M. Features of attracting foreign students to Russian universities: regional aspect. *State and municipal management.* Scholarly notes. 2019. P. 117–122.

3. National project education. URL: https://edu.gov.ru/national-project/

4. Teaching foreign citizens in educational institutions of higher education of the Russian Federation: Statistical collection. URL: http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=548

5. Pletneva, Yu.E., Ochirova, G.N. The impact of the COVID-19 pandemic on the situation of foreign students in Russia. *Scientific Review. 2020.* No. 3. P. 147–155.

6. Rashidov, Kh.. Educational migration and lifelong education. Education throughout life. URL: https://docplayer.ru/175593-Obrazovanie-cherez-vsyu-zhizn.html

7. Ryazantsev, S.V., Pismennaya, E.E. Educational and labor migration of Vietnamese to Russia: trends and potential. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovatelnaya-i-trudovaya-migratsiya-vietnamtsev-v-rossiyu-tendentsii-i-pote

8. Sokolov, A.A. Modern educational migration from Vietnam: opportunities and challenges. *South-East Asia: topical development problems.* 2017. No. 35. S. 184–205.

9. Students are threatened with distance living. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4292688

10. Decree of the President of the Russian Federation "On the National Security Strategy of the Russian Federation" dated December 31, 2015, No. 683-FZ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/743474b198a4e9a6e9e181d9451aafc27185f735/

11. Decree of the President of the Russian Federation "On national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024" dated 07.05.2018, No. 204-FZ/ URL: http://kremlin.ru/events/president/news/57425

12. Federal Law "On Education in the Russian Federation" dated December 29, 2012, No. 273-FZ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/

13. Chesnokov, A.S. The Vietnamese Diaspora in Russia: History and Present. *News of the Ural Federal University.* 2009. No. 3. P. 40–46.

14. Better Life Index. The Russian Federation. OECD. 2017. URL: http://www.oecdbetterlifeindex.org/countries/russian-federation/

15. Embassy supports 6,500 students in Russia amidst COVID-19 outbreak. URL: https://vietnamtimes.org.vn/embassy-supports-6500-students-in-russia-amidst-covid-19-outbreak-18483.html

16. Viet Nam national education for All 2015 review. 2015. UNESCO. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000232770

17. WHOQOL: Measuring Quality of Life. World Health Organization. URL: https://www.who.int/healthinfo/survey/whoqol-qualityoflife/en/

О.В. Сорокин,
канд. социол. наук, старший научный сотрудник
Институт социально-политических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук (ИСПИ ФНИСЦ РАН)
e-mail: ov.sorokin@gmail.com

УДК 316.6-057.8
DOI 10.20339/AM.11-20.029

СМЫСЛОЖИЗНЕННЫЕ ЦЕННОСТИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕГУЛЯЦИИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Исследована роль традиционных институтов образования в регуляции девиантного поведения молодежи. В социальной реальности молодежи акты отклоняющегося поведения наделяются новым смысловым содержанием. Однозначно осуждаемые ранее в обществе поведенческие акты, связанные с отношением к учителю, отношениями в школьном коллективе и системе образования в целом в современных условиях трактуются в молодежной среде неоднозначно. Между тем базовые основания общезначимых норм, основанные на смысложизненных ценностях российской культуры, продолжают воспроизводиться в социальных практиках российской молодежи, благодаря механизмам саморегуляции, в основе которых находятся ментальность, архетипы, габитусы. Тем самым отношение к объектам сферы образования, понимание смысла их предназначения, функций, выполняемых в обществе, тесно связаны с теми ключевыми потребностями, которые носители культурного кода на протяжении долгого времени вкладывали в данные объекты. Именно поэтому в социальной реальности современной молодежи начинают сосуществовать гибридные формы смыслового отношения к общезначимым нормам. Молодые люди все чаще сами определяют для себя, какие поведенческие акты считать должными, а какими отклоняющимися в сфере образования.

Ключевые слова: *молодежь, ценности, нормы, сфера образования, культура, жизнедеятельность, девиантное поведение, ментальность.*

LIFE PURPOSE VALUES IN SOCIO-CULTURAL REGULATION OF DEVIANT BEHAVIOR OF YOUNG PEOPLE IN THE SPHERE OF EDUCATION

O.V. Sorokin is Cand. Sci. (Sociology), Senior Researcher at Institute of Socio-Political Research — Branch of Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of Russian Academy of Sciences (ISPR FCTAS RAS)

Researched is the role of traditional educational institutions in regulation of deviant behavior of young people. In social reality of young people, acts of deviant behavior are endowed with new semantic content. Previously unambiguously condemned behavioral acts associated with attitude towards the teacher, the relationship in the school team and the education system as a whole in modern conditions are interpreted ambiguously in youth environment. Meanwhile, basic foundations of universally significant norms, based on life-meaning values of the core of Russian culture, continue to be reproduced in social practices of Russian youth, thanks to mechanisms of self-regulation, that are based on mentality, archetypes, and habitus. The theme itself, the attitude to objects of education, understanding the meaning of their purpose, functions that they perform in society, are closely related to those key needs, that carriers of the cultural code have long invested in these objects. That is why in the social reality of young people hybrid forms of semantic relationship to universally significant norms begin to coexist. Young people more and more often determine for themselves, that behavioral acts should be considered appropriate for themselves, and which are deviating in the field of education.

Key words: *youth, values, norms, education, culture, life activity, deviant behavior, mentality.*

Постановка проблемы

В современной социологии и педагогике изучение проблемы регуляции девиантного поведения молодежи затруднено в силу нескольких причин.

Во-первых, в обществе размываются некогда однозначные трактовки в понимании нормативного поведения и нормативного порядка в целом. Обусловлено это в большей степени изменением социокультурных оснований самих норм, которые отвечают за регуляцию поведения индивида. Именно поэтому социологи и педагоги все чаще ведут дискуссии вокруг проблемы девиантного поведения, обращаясь к концептам деструкции нормативности, мультиморальности и нормализации аномии [1; 2; 9].

Во-вторых, результатом пересмотра роли традиционных норм в регуляции девиантного поведения становится постепенное стирание границ между нормативным и отклоняющимся поведением в обществе.

В-третьих, нормы морали и нравственности переосмысливаются в социальной реальности молодежью, вследствие чего изменяется исходный смысл, который вкладывался в данные нормы моралистами, законодателями и другими «хранителями» нормативного порядка. Это, в свою очередь, приводит к тому, что молодые люди начинают сами определять для себя, что есть норма поведения, а что есть отклонение от этой нормы.

Изменения оснований общезначимых норм становятся возможны благодаря переменам в механизме ценностно-нормативной регуляции. Особенно данные процессы заметны в сфере образования. Перемены обусловлены изменением прежней роли семьи, школы в процессах воспитания и социализации. Социальные взаимодействия родителей и детей, учителей и учеников в современном обществе все больше подвергаются процессам демократизации. В этой связи ослабляются прежние механизмы контроля за процессом воспитания индивида, что приводит к росту попустительства учителей и родителей к проявлениям отклоняющегося поведения обучаемых.

Вместе с тем на систему образования продолжают возлагать функцию этического воспитания детей и молодежи. Однако в конкурентную борьбу за влияние на молодые умы включаются глобализационные тренды, образцы которых расширяют социальную реальность молодежи. Образцы глобализационный культуры зачастую выступают как антиподы или как отклонения от локальных, традиционных норм этического поведения. Подобные тенденции порождают появление гибридных форм взаимодействий в социальной реальности молодежи в сфере образования. Данные формы совмещают в себе прежние, традиционные и современные образцы. Складывание гибридных форм социальных взаимодействий становится значимым основанием для пересмотра в молодежной среде статуса норм и переосмысления их исходного смысла.

Размышления о ядре культуры

С точки зрения феноменологической социологии в основе отношения к объектам сферы образования (учителю, сверстникам, знанию в целом) в социальной реальности молодежи лежат скрытые культурные элементы, которые определяют отношение индивида к объектам социальной реальности, в том числе к общезначимым нормам, образцам поведения как способам достижения целей деятельности. Культура в механизме регуляции социальных взаимодействий отвечает за выработку общих критериев и стандартов поведения. Цель регуляции заключается в направлении деятельности индивида, малых групп, общностей в конструктивное русло, отвечающее интересам общественного развития [8. С. 118].

Таким образом, движущими силами социокультурного механизма регуляции и саморегуляции поведения выступают ценности в форме нравственных требований и нормы как средства социальной регуляции поведения. Культура направлена на воспроизводство такой модели личности, в которой заложены эталоны, образцы должного поведения, ценности, отражающие смыслы добра и зла, в том числе отношения к актам отклоняющегося поведения. Девиантное поведение при таком подходе рассматривается в контексте отклонения от общезначимых норм и ценностей, которые выступают базовыми элементами ядра культуры.

Идея выделения ядра культуры концептуально представлена в размышлениях исследователя-антрополога К. Гирца, который разделял этические (эстетические) и гносеологические аспекты культуры: первые он относит к понятию «этос» культуры, а вторые к понятию «картина мира» [4. С. 149]. И этос, и картина мира, по замыслу мыслителя, определяют базовые основания отношения индивида, включенного в определенную социокультурную среду, к объектам социальной действительности. «Этос того или иного народа — это тип, характер и стиль его жизни, отличительные особенности его этики и эстетики, картина мира данного народа — это его представления

о формах, в которых существует объективная реальность, его понимание природы, человека, общества», — отмечает автор в работе «К интерпретации культур» [7. С. 149].

Исследователь доказывает существование смысловых взаимосвязей между ценностями, которыми обладает народ, и способами познания мира данным народом. Данную взаимосвязь между ценностями и способами познания, по мнению исследователя, выстраивает религия. Например, в русской православной культуре смысложизненные ценности тесно связаны с пониманием мироустройства, где такие общезначимые нормы, как милосердие, добродетель, справедливость, честь, совершенствование, выступают высшими ориентирами человеческой жизни.

Нравственные ориентиры, определяемые религией, находят свое воплощение в понимании природы реальности в форме священных символов. Потребность в конструировании священных символов, которые гармонизируют отношения между этосом и мироустройством, в социальной реальности выполняют помимо религии идеология и искусство. Данные формы культуры участвуют в нормативной регуляции поведения человека посредством обоснования существования определенных моральных и нравственных ценностей и их отражении в мировосприятии и способах осмысления человеком объективной действительности.

Смысложизненные нормы и ценности ядра культуры выступают как регуляторы повседневной жизни субъекта. В общественной жизни человека данные регуляторы выступают в форме нравственных ценностных ориентиров, которые сформировались в лоне национальной культуры. Они определяют общую направленность деятельности конкретного индивида, группы людей — носителей данного культурного кода. В иерархии духовных регуляторов жизни человека смысложизненные нормы и ценности находятся на фундаментальном, высшем уровне, поскольку определяют общие ориентиры личности и критерии отношения к объектам социальной действительности. Человек в своем отношении к объектам социальной действительности посредством данных норм определяет, насколько данные объекты отвечают его потребностям. С помощью данных духовных регуляторов человек классифицирует объекты по их значимости и степени предпочтительности. По сути, смысложизненные нормы и ценности задают цели деятельности и выступают в форме идеалов этой деятельности.

Важной особенностью общезначимых норм является их взаимосвязанность и созависимость. Подобный результат является отражением преобладания на протяжении длительного времени в культурном пространстве определенного народа устойчивых характеристик коллективного сознания, которые связаны с определенными географическими, социально-политическими условиями проживания, т.е. общим историческим опытом конкретного народа. В этом случае отношение к объектам социальной действительности основывается на бессознательных структурах человеческой психики — архетипах и ментальности. Исторический опыт, отражаясь в архетипических и ментальных структурах, влияет на содержание смысложизненных ценностей [5. С. 164].

Архетипы, будучи структурными элементами психики, которые скрыты в коллективном бессознательном, участвуют в конструировании образцов и закреплении их в коллективном бессознательном определенного народа благодаря воспроизводству в его коллективной памяти. Благодаря историческому опыту в коллективной памяти в саморегуляции культурного пространства субъекта участвуют только те первообразы, которые прошли через фильтры истории и нашли свое применение в текущей, актуальной деятельности субъекта. Сегодня их присутствие в коллективном бессознательном россиян можно обнаружить благодаря фольклору в форме мифов, поговорок, сказок [7. С. 194].

Взаимосвязанность смысложизненных ценностей выражается в форме и ментальных структур. По мере развития общественного устройства архетипичные образцы в коллективном бессознательном конкретного народа приобретают общие способы восприятия и оценки людьми социальной действительности. Ментальные образцы способствуют упрощению понимания между участниками коммуникации, которые принадлежат к одной культуре. Целостность менталитета В.И. Чупровым, Ю.А. Зубок и Н.А. Романович обеспечивается благодаря образной форме мышления представителей одной культуры [7. С. 199]. Таким образом, архетипы и менталитет выполняют регулятивную функцию, наполняя смысловым содержанием базовые нормы и ценности ядра национальной культуры.

Архетипичные и ментальные черты находят свое отражение в национальном характере. Национальный характер отражает воспроизводство доминирующего типа поведения человека в рамках определенной культуры у определенного народа. Обобщенный тип поведения, в свою очередь, воспроизводился в жизненных ситуациях из исторического прошлого [7. С. 190]. По мнению К. Касьяновой, национальный характер есть «общество

внутри нас», существующее в виде однотипных для людей одной и той же культуры реакций на привычные ситуации в форме чувств и состояний [6. С. 28]. Вместе с типом поведения, как отмечено выше, воспроизводится и отношение к объектам социальной реальности. Так закладываются базовые аспекты отношения в сфере образования по отношению к педагогу, знаниям, к межличностным отношениям. Черты национального характера, отражающие смысложизненные ценности ядра культуры, меняются по мере смены типов общества крайне медленно.

К. Касьянова полагает, что политические и экономические кризисы приводят зачастую к утрате некоторых культурных черт национального характера, что становится причиной разрушения основных жизненных связей, важных для человека, а при более сильном давлении обстоятельств ведут к распаду самой личности, ее деморализации. Однако попытка искусственного навязывания новых черт национальной культуре посредством насаждаемых инородных политических и экономических институтов обречена на провал, поскольку социальные институты приспосабливаются к чертам национального характера, а не наоборот [6. С. 4].

Смысложизненные ценности и нормы, благодаря архетипам и ментальным чертам, закрепляются в форме образцов в коллективном бессознательном, т.е. в форме общезначимых норм поведения. В культурном пространстве данные ценности сохраняются в ядре культуры и воспроизводятся в дальнейшем из поколения в поколение в коллективной памяти. Таким образом, складываются базовые основания отношения к объектам социальной реальности с позиции смысложизненных ценностей. Чтобы данное отношение трансформировалось в конкретные социальные практики, необходимы определенные социальные условия, в которых данные практики становятся востребованными, например в условиях социально-экономического развития или, наоборот, в условиях кризисных ситуаций, когда вера в данные смысложизненные ценности позволяют превозмочь социальные невзгоды.

Преобразование базовых оснований в конкретные социальные практики становится возможным благодаря прочно приобретенным предрасположенностям (габитусам), которые организуют практики на достижение определенных результатов. Согласно концепции П. Бурдье, габитус порождается социальной средой, условиями существования, поэтому он связан с позицией индивида в социальном пространстве, т.е. с его статусом [3. С. 35]. К другим значимым характеристикам габитуса относятся:

- способность преобразовывать внутренние структуры в систему внешних действий;
- способность связывать прошлое, настоящее и будущее, внутреннее единство, непрерывность и упорядоченность.

Таким образом, социокультурный механизм регулирования нормативного поведения индивида, группы тесно связан с преобразованием архетипичных и ментальных характеристик бессознательного в осознанные форме отношения к конкретным смысложизненным ценностям.

Осмысленное отношение к универсальным ценностям ядра культуры невозможно, если бы индивид не осознавал свое социальное положение, характер включенности в межличностную и групповую коммуникацию, актуальные проблемы, которые требуют его участия в их разрешении, наконец, не осознавал, адекватность выбранных им способов решения данных проблем. Подобное отношение к объектам социальной реальности становится возможно благодаря рефлексивности, которая в социологии понимается как «способность социальных субъектов осознавать и поддерживать постоянное теоретическое понимание оснований (причин) своей деятельности, т.е. адекватно реагировать на изменение внешних условий и взаимное влияние друг на друга» [7. С. 284].

Вступая в социальные взаимодействия, индивид по мере своего становления как личности в течение жизни изменяет собственные представления в самом себе о значимости тех или иных объектов, понимания их первопричин и истинных функций. Это становится возможным благодаря жизненному опыту человека и знаниям, которые он накапливает в течение своей жизни. Знания, полученные в процессе выполнения функций в сферах образования, труда, семьи, досуга, расширяют его представления о сути происходящих событий. По мере приближения к социальной зрелости человек проникает мысленно в суть происходящих вокруг него процессов. Данное обстоятельство позволяет ему более осмысленно понимать суть значимых объектов социальной реальности. Глубоко осмысленное отношение к ценностям ядра культуры становится возможным только по мере накопления теоретических знаний и богатого жизненного опыта.

Смысложизненные ценности отражают смысложизненные критерии оценки правовых, моральных норм, которые регулируют поведение и деятельность человека и находят выражение в общезначимых нормах. Соответ-

ственно природа девиантного поведения индивида заложена на глубинном уровне и связана в первую очередь с отклонениями от первоначальных смыслов, которые были заложены в смысложизненные нормы. Поэтому для изучения социокультурных оснований девиантного поведения российской молодежи очень важно отобрать и проанализировать смысложизненные ценности российской культуры.

Смысложизненные ценности ядра культуры представлены в социальной реальности молодежи в форме смыслов, которые, как отмечено выше, изменяются по мере включения молодежи в новые социокультурные пространства. В роли социокультурных пространств для молодежи выступают территориальные пространства, о чем свидетельствует наличие различий в толковании общезначимых норм у разных народов. Вторым объективным основанием дифференциации молодежного сознания и изменения социальной реальности становится включение в субкультурные пространства. Включение индивида в субкультурное пространство расширяет его социальную реальность, поскольку он усваивает новые знания об объективных условиях жизнедеятельности. По мере сравнения своих собственных представлений о социальной реальности с представлениями и образами других участников у молодого человека складывается уверенность в подлинности и адекватности своей социальной реальности объективным процессам. Именно в субкультуре складывается коллективная идентичность, которая позволяет реализовать общие ожидания участников в конкретных социальных условиях.

За смыслами, складывающимися в рамках субкультур, скрывается комплекс представлений и нравственных убеждений, которые отличаются от исходных смыслов общезначимых норм доминирующей культуры.

В рамках данного исследования весь спектр отношений в сфере образования был разделен на три группы:

1. Отношение к учебе (на примере школьного образования).

2. Отношения, которые складываются в школьном коллективе.

3. Отношение к учителю в средней школе.

Смысложизненные нормы регулируют отклонения в поведении учащегося путем направления его мотивации на учебную деятельность, связанную с освоением передовых знаний, умений и навыков. В основе общезначимых норм отношения к учебе заложены базовые основания понимания смысла и функций образования, которые сложились в рамках российской культуры, где ценность и значимость образования традиционно ценились высоко, а знания, получаемые в школе, считались необходимыми для продвижения в обществе [7. С. 122].

Базовые смыслы образования закладываются в сознании молодого человека сначала в семье, потом в школе. Данные смыслы отражают способность образования удовлетворять коллективные потребности людей, которые закрепились исторически по мере развития российского общества. В России на протяжении долгого времени знаниям, полученным в школе, придавался сакральный характер. Терминальное отношение к знаниям, когда знание само по себе есть цель, а не средство, на протяжении долгого времени отличало отечественное образование от европейского, где инструментализация знаний стала доминирующей мотивацией благодаря распространению протестантизма [7. С. 284].

Отношение к учителю в дореволюционной и советской России предполагало отношение к образованию как носителю передовых знаний. Из этого вытекало то, что учитель заслуживал уважения и послушания, поскольку транслировал передовые знания ученикам. В межличностных отношениях долгое время преобладали, благодаря влиянию православия, такие черты, как смирение, любовь, открытость, а также осуждались гордыня, пренебрежительное отношение к чувству собственного достоинства.

Использованные методы

Материалы, которые легли в основу данной статьи, представляют собой серию фокусированных онлайн-интервью с молодыми людьми, студентами МГУ имени М.В. Ломоносова. Исследование носило характер пилотажа и стало вторым исследованием в рамках разработки проблематики социокультурной саморегуляции молодежи, ключевым элементом которой являются молодежные сообщества.

Информантами выступили студенты младших курсов Высшей школы современных социальных наук (факультет) МГУ им. М.В. Ломоносова. Онлайн-интервью проводились в апреле-мае 2020 г. Всего были проведено 3 фокусированных интервью, участниками которых стали 24 студента-первокурсника. Рекрутинг информантов проводился через педагогические сообщества факультета.

В основе методологии исследования были использованы принципы феноменологичекой социологии. Цель исследования состояла в выявлении понимания молодежью смыслов наиболее распространенных отношений

в сфере образования, а также степень их отклонения от нормативно закрепленных в современном обществе.

Анализ результатов исследования: студенты о школе

Анализ полученных ответов в ходе эмпирического исследования свидетельствует о том, что студенты младших курсов, вчерашние выпускники школ, скорее недовольны качеством содержания школьных образовательных программ. Среди ответов участников встречались следующие:

- «материал, преподаваемый в школе, скучный и малоприменимый в реальности, это одна из проблем современного образования» (*К., юноша, 18 лет*);
- «проблема восприятия информации: слишком большой объем знаний, нет поля для размышления над этим материалом. Недостаточно объясняется в школе, зачем нужны знания и как их потом применить» (*М., девушка, 17 лет*);
- «та система, которая существует сегодня, не соответствует потребностям, ее нужно кардинально менять. Образование интеллектуальное не содержит этических начал» (*А., юноша, 18 лет*).

В социальной реальности молодежи усиливаются процессы, связанные с изменением смысла школьного образования и его функций. Терминальная ценность образования, связанная со значимостью знания, постепенно уступает место практической применимости данного знания, т.е. инструментальной составляющей. При этом в молодежной среде сохраняется запрос на воспитание личности учащегося в школе, связанное не только с трансляцией практикоориентированных знаний, но и формированием его моральных и нравственных качеств.

Респондентам было предложено высказать свое мнение об отношении учеников к учителям в старших классах, а именно, остается ли учитель авторитетом для учеников, необходимо ли сохранять прежнюю дистанцию между учителем и учеником в учебном процессе. Были получены следующие ответы:

- «все субъективно, границы стираются между преподавателем и учеником, но границы должны быть. При этом дружелюбное поведение со стороны учителя нужно» (*А., юноша, 18 лет*);
- «вскоре границы будут стираться, это тенденция в современном обществе» (*Ю., девушка, 18 лет*);
- «учитель остается носителем передовых знаний, люди могут этим воспользоваться» (*И., юноша, 19 лет*);
- «если не будет дистанции и уважения, пропадет формальность отношений, в современном мире необходимо снизить авторитарность учителей, мы должны отходить от патриархальной модели» (*Т., девушка, 18 лет*);
- «авторитарные отношения сохраняются, общество привыкло к авторитарным отношениям во всем, молодежь все это воспринимает резко, и неадекватно на это реагирует» (*Ек., девушка, 18 лет*);
- «отношения основаны на уважении, если этого не будет, контроль будет утерян, контроль должен сохраняться» (*А., девушка, 18 лет*);
- «для российского образования привычна авторитарная модель отношений между учителем и учеником» (*Н., девушка, 18 лет*).

Среди опрошенных распространено мнение, что российская система школьного образования продолжает базироваться на авторитарных принципах управления, и это скорее негативно сказывается на имидже учителя среди учеников. При этом в ответах прослеживается идея о необходимости демократизации отношений в школе между учителем и учениками, однако подобный переход может обернуться дополнительными рисками, например утратой контроля над учебным процессом.

В процессе обсуждения вопроса о межличностных отношениях в школе студентам было предложено рассказать о факторах, которые определяют социальный статус учащегося старших классов. Были получены следующие ответы:

- «материальные ценности меньше играют роль, в тех классах, где я учился, статусными людьми были не круглые отличники, а экстраверты, общительные, веселые, все было основано на личностных характеристиках человека» (*К., юноша, 18 лет*);
- «есть школы, где дети стремятся к чему-то. Там высокий статус, где ребята общительные. А есть школы, где статус определяется включенностью в неформальные сообщества, приветствуется в основном хамское поведение и применение физической силы» (*А., юноша, 18 лет*);
- «оценка идет по внешности, крутые те компании, которые неуважительны к учителям, курят, матерятся. Наши сельские девочки отличаются в одежде, в гаджетах. Крутые девочки — это те, у кого оригинальные вещи (вещи, купленные в магазинах официальных брендов. — *Примеч. авт.*), у них авторитет по внешнему виду. У нас школа подбиралась, мы все были одинакового материального уровня, можно было выделиться только по личным характеристикам» (*Св., девушка, 17 лет*);

- «общительные одноклассники популярны, но хулиганы тоже очень популярны, особенно в классах с высоким уровнем агрессии, они более брутальные, мужественные, это касается даже девочек. К девочкам, которые проявляются агрессию, повышается интерес. Ребята, которые активно занимаются общественной деятельностью, тоже достаточно популярны» (*Ал., девушка, 18 лет*);
- «в моей школе авторитетами были ребята, которые включены в неформальные связи. Лидерами были модники. В школе важно, какой у человека шмот (одежда. — *Примеч. авт.*)» (*Е., юноша, 18 лет*);
- «в школе все зависело от силы, кто сильный, тот и лидер, современное поколение носит более яркий шмот, все крутится вокруг цены за него» (*И., юноша, 18 лет*);
- «я училась в разных школах, все зависит от того, что учителя внедряют в сознание учеников. В частной школе без «понтов» ты никто, в гимназии — это не имеет значения» (*В., девушка, 18 лет*);
- «в моем классе статус определялся, насколько ты социально активен, насколько ты общительный, и умеешь высказывать свою точку зрению, эти люди занимали более выгодные позиции» (*Ю., девушка, 18 лет*).

Таким образом, на основании полученных ответов следует заключить, что в молодежной среде в межличностных отношениях в школьной среде преобладают традиционные представления о статусе молодого человека в школе, например активная социальная позиция и общительность. Успехи в учебе имеют меньшее значение. При этом на первый план выходит включенность в неформальные отношения, связанная с субкультурными стилями, когда оценка человека по его внешнему виду имеет более важное значение, чем его внутренние качества. Участие в агрессивных и хулиганских выходках, в том числе по отношению к учителю, в некоторых учебных коллективах прибавляет дополнительные очки к неформальному статусу учащегося.

Заключение

Таким образом, в современном обществе в социальной реальности молодежи изменяются традиционные смыслы общезначимых норм в сфере образования. Данный процесс обусловлен, с одной стороны, ослаблением влияния традиционных институтов социализации в процессе регуляции духовной жизни молодежи, с другой — усилением влияния глобализационных образцов, связанным с современным представлением о содержании и функциях образования, трансформацией отечественной системы образования.

В этой связи в социальной реальности молодежи наряду с традиционными смыслами, связанными с терминальной ценностью знания, авторитетом роли педагога в образовательном процессе и пренебрежительным отношением к чувству собственного достоинства в межличностных отношениях, начинают соседствовать отклоняющиеся смыслы образования. Таковые отражают потребность в дальнейшей либерализации отношений между учителем и учеником в школе, инструментализацию роли знания и повышения роли субкультурных оснований в межличностных взаимоотношениях в учебном коллективе.

Литература

1. «Нормальная аномия» в России и современном мире. М., 2017.
2. Бауман З. Текучая современность. СПб., 2008.
3. Бурдье П. Практический смысл. СПб., 2001.
4. Гирц К. Интерпретация культур. М., 2004.
5. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Саморегуляция смысложизненных ценностей в культурном пространстве молодежи // Вестник Института социологии. 2019. № 4. С. 164.
6. Касьянова К. О русском национальном характере. М., 2003.
7. Чупров В.И. Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизводства. М., 2014.
8. Чупров В.И., Осипова М.А. Социология управления. Теоретические основы. М., 2011.
9. O'Flaherty, J., Liddy, M., McCormack, O. (2018) The teachers put effort into teaching us about life, and what's right and what's wrong: values and moral education in publicly-managed schools in Ireland // Journal of Beliefs & Valuses-Studies in Religion & Elducation. Vol. 39. No. 1. C. 45–56.

References

1. "Normal anomie" in Russia and in modern world. Moscow, 2017.
2. Bauman, Z. Fluid modernity. St. Petersburg, 2008.
3. Bourdieu, P. Practical meaning. St. Petersburg, 2001.
4. Geertz, K. Interpretation of cultures. Moscow, 2004.
5. Zubok, Yu.A., Chuprov, V.I. Self-regulation of life-meaning values in the cultural space of youth. *Bulletin of Institute of Sociology*. 2019. No. 4. P. 164.
6. Kasyanova, K. On the Russian external character. Moscow, 2003.
7. Chuprov, V.I. Attitude to social reality in Russian society: sociocultural mechanism of formation and reproduction. Moscow, 2014.
8. Chuprov, V.I., Osipova, M.A. Sociology of management. Theoretical foundations. Moscow, 2011.
9. O'Flaherty, J., Liddy, M., McCormack, O. (2018) The teachers put effort into teaching us about life, and what's right and what's wrong: values and moral education in publicly-managed schools in Ireland. Journal of Beliefs & Valuses-Studies in Religion & Elducation. Vol. 39. No. 1. P. 45–56.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

С.Г. Ивченков,
д-р социол. наук, проф., декан социологического факультета
Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н.Г. Чернышевского
e-mail: ivchenkovsg@mail.ru
М.С. Ивченкова,
канд. социол. наук, старший научный сотрудник
Институт социологии ФНИСЦ РАН
e-mail: m.ivchenkova@gmail.com

УДК 316-053
DOI 10.20339/AM.11-20.036

ОСОБЕННОСТИ РЕПРОДУКТИВНЫХ УСТАНОВОК СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ: мнения экспертов и реальность

Представлен анализ результатов социологического исследования репродуктивных установок молодежи в современном российском обществе. Констатируется, что таковые постепенно трансформируются из традиционных в адаптационные. Они в определенной степени регулируются принятыми в обществе нормами, ценностями и собственными установками. Однако они претерпевают изменения. В структуре жизненных ценностей современной молодежи дети оказались на 3-м месте в иерархии значимости (после здоровья, семьи). При сохранении в качестве доминирующей традиционной установки на детство усиливается инструментальная ориентация на ребенка. Только 18% молодежи традиционно в той или иной степени видят радость жизни в детях: 47% – с той или иной категоричностью отвергают традиционные установки на детность как залог личного, семейного счастья; 14% – разделяют либеральные толерантные ценности индивидуализма в репродуктивных установках. Для современного молодого поколения характерна установка на малодетность. Это проявляется в снижении ориентации на двудетность и повышении ориентации на рождение одного ребенка или вообще выбор падает на бездетность. С одной стороны, это свидетельствует о росте ценности самих детей, а с другой – о снижении у молодежи потребности в детях. Выявлена значительная степень фактической дистанцированности установок репродуктивного поведения от традиционных общепринятых ценностей и практик в данной сфере жизни, их индивидуализация и рационализация. Девушки и юноши, ориентированные на двух-трех детей, имеют лишь одного ребенка, либо не имеют вовсе, особенно в молодых категориях, когда жизненная стратегия в большей степени направлена на учебу, профессиональную самореализацию, достижение материального комфорта. По мнению молодежи, рождение ребенка привносит в жизнь больше трудностей, чем позитивных изменений, что провоцирует рационализм и прагматизм индивидуальных репродуктивных установок молодого поколения. Неготовность завести детей способствует росту контрацептивной культуры. Однако развитие контрацептивных установок, связанных с репродуктивной сферой, происходит медленно, что провоцирует проблему абортов, «случайных» «нежеланных» детей. Распределение способов принятия решений о рождении детей и их числе, а также ответственность за наступление беременности уже стали приобретать характер асимметрии, смещенной в сторону женщины.

Ключевые слова: *молодежь, репродукция, репродуктивные установки молодежи, ценности, желаемое, ожидаемое и реальное число детей.*

FEATURES OF MODERN YOUTH REPRODUCTIVE ATTITUDES: expert opinions and reality

S.G. Ivchenkov is Dr.Sci. (Sociology), Prof., Dean of Sociological Faculty at Saratov National Research State University n.a. N.G. Chernyshevsky; and **M.S. Ivchenkova** is Cand.Sci. (Sociology), Senior Scientific Researcher at Institute of Sociology FCTAS RAS

Presented is analysis of results of sociological research of reproductive attitudes of young people in modern Russian society. The article states, that they are gradually transforming from traditional to adaptive ones. Reproductive attitudes are regulated partly by common norms and values and partly by personal reproductive views. However, they are changing. In the structure of life values of modern youth, children were ranked on the 3rd place in the hierarchy of importance (after health, family). While having a child is still dominant attitude, instrumental orientation to the child is strengthened. Only 18% of young people traditionally see the joy of life in children to some extent; 47% — categorically reject traditional attitudes to childhood as a guarantee of personal and family happiness; 14% — share liberal tolerant values of individualism in their reproductive attitudes. The modern young generation is characterized by an orientation towards having few children. This is manifested in a decrease in the orientation to have two children and an increase in the orientation to have only one child, or to be childfree. From one hand, that indicates the growing value of children themselves, from other hand that shows a reduction of having children among young people. A significant degree of actual distancing of reproductive behavior attitudes from traditional values and practices in this sphere of life, their individualization and rationalization are revealed. Young people who would like to have 2 or 3 children has only one especially among younger groups when their life strategy is more orientated on study, professional self-development and achievement economical comfort life. According to youth opinion the birth of a child brings more difficulties to life than positive changes, which provokes rationalism and pragmatism of individual reproductive attitudes of the younger generation. Unwillingness to have children contributes to the growth of contraceptive culture. Although, the development of contraceptive attitudes related to the reproductive sphere is slow, that provokes the problem of abortions or "accidental" "unwanted" children. Distribution of methods of making decisions about the birth of children and their number, as well as responsibility for the onset of pregnancy have already begun to acquire the character of asymmetry, shifted towards the woman.

Key words: *youth, reproduction, youth reproductive attitudes, values, desired, expected and actual number of children.*

Введение

В условиях современного демографического кризиса повседневные события влияют на принятие конкретного решения о рождении ребенка. В то же время, если число детей в семье соответствует потребностям супругов, никакое улучшение экономической ситуации не способно привести к рождению новых детей. Лишь в тех случаях, когда данная потребность неудовлетворена, улучшение условий жизни может способствовать прибавлению семейства.

За последние годы в системе ценностей российских женщин и мужчин произошли значительные изменения. Многие эксперты отмечают, что женщины вышли из области частной жизни, отдали приоритет не семье, а самообразованию, профессиональной деятельности [17]. Социум задает молодежи новую систему координат, которая меняет ее ролевые функции и репродуктивные установки.

Репродуктивные установки молодежи — предвестник определенного репродуктивного поведения, связанного с поиском брачного партнера, созданием семьи и воспитанием детей. Именно репродуктивные установки в конечном итоге определяют картину воспроизводства населения и его качество. В этой связи на сегодняшний день актуальным и востребованным направлением экспертного исследовательского поиска является изучение установок молодого поколения на родительство, семью и детность.

Установки на репродуктивное самоопределение

Репродуктивное поведение представляет собой целостную систему действий, отношений и состояний личности, семьи, социальной группы, направленных на рождение или на отказ от рождения ребенка в браке или вне брака. По мнению В.А. Борисова, оно обладает своей структурой, включающей установки на детность [7. С. 201]. А.И. Антонов добавляет в основные структурные элементы репродуктивного поведения репродук-

тивные нормы и ценности, а также семейные ситуации и условия жизни, способствующие или препятствующие реализации потребности в детях, процесс избирательного оценивания условий реализации этой потребности. А.И. Антонов также подчеркивает, что изменение одного из элементов вызывает преобразование в остальных компонентах при сохранении устойчивости репродуктивных установок в целом [1. С. 81].

Обращаясь к российской истории, можно увидеть, что в дореволюционной России рожали в среднем пять-семь детей. Многодетность была некоей нормой и ценностью, рождение детей было естественным следствием супружеской жизни. Именно эта патриархальная социальная установка оказывала доминирующее влияние на репродуктивное поведение [10. С. 23–27].

Однако рождение большого числа детей постепенно утратило свое значение. Удлинение периода социализации детей и изменение социальной роли ребенка усилило экономическую зависимость детей от родителей и ослабило репродуктивную мотивацию. Снизились экономические и социальные мотивы многодетности. Ослаблению установки на многодетность содействовало постепенное уменьшение детской смертности, а также возможности вмешательства в репродуктивный цикл женщины. Снятие запрета с применения контрацепции и абортов привело к дальнейшей переоценке ценностей, углублению диссонанса между всеми элементами в прошлом сбалансированной системы социального поощрения высокой рождаемости [23. С. 174–175].

Установки современных россиян формируются из потребности в детях в естественном диапазоне от нуля до двух детей. Это позволяет родителям сочетать удовлетворение потребности в родительстве с реализацией других жизненных ориентиров [7. С. 187, 190].

По мнению А.И. Антонова, «репродуктивная установка — это предрасположенность индивида к рождению определенного числа детей» [23. С. 203]. Условия жизнедеятельности, внося определенные коррективы, влияют на репродуктивные установки в пределах норм детности и потребности в детях [11].

Впервые о значении потребности в детях как фактора рождаемости и необходимости изучения вопросов формирования этой потребности писал М.Я. Сонин [22]. В.А. Борисов, А.Г. Вишневский подчеркивают, что потребность в детях является важнейшей характеристикой репродуктивного поведения [8; 12]. Сегодня потребность в детях традиционно интерпретируется как осознанное или неосознанное свойство индивида, проявляющееся в том, что без наличия детей и подобающего их числа индивид испытывает дискомфорт как личность [1].

Процесс осознания собственных репродуктивных потребностей, установок, мотивов и их соотнесение с индивидуальными возможностями (биологическими и социальными), а также содержанием и требованиями родительских ролей (материнства, отцовства) изучается экспертами как репродуктивное самоопределение.

Результатом репродуктивного самоопределения молодежи является не только рождение детей, но и предупреждение беременности или ее прерывание. Степень профессиональной успешности, брачный статус, репродуктивная стратегия брачного партнера, трансформация нравственных ориентиров и установок — все находит отражение в личной репродуктивной стратегии. Но прежде всего ее построение зависит от мировоззрения, ценностных ориентиров человека, его уровня репродуктивной культуры.

Возможности механизма формирования репродуктивной стратегии, в частности репродуктивных установок, локальны, ограничены зоной действия социального опыта и ситуации межгруппового, ролевого восприятия. Смысловое содержание установок репродуктивного поведения во многом зависит от социокультурного контекста и определяется желанием «дотянутся» до определенного социально заданного стандарта, исходящего из потребности социума и личности.

Наиболее эффективными инструментами изучения репродуктивных установок молодежи выступают несколько индикаторов.

1. Желаемое число детей (число детей, которых индивид предпочел бы иметь в своей семье), именно этот индикатор наиболее близко характеризует индивидуальную потребность в детях.

2. Ожидаемое, планируемое число детей характеризует реальные намерения, репродуктивные планы людей и семей, с учетом конкретных обстоятельств их жизни, и конкуренции репродуктивных планов с другими жизненными планами.

3. Идеальное число детей — представление индивида об идеальном числе детей в семье без учета конкретной жизненной ситуации и личных предпочтений.

Репродуктивная мотивация раскрывает качественную сторону потребности в детях и побуждает индивида к достижению целей через рождение определенного числа детей. Степень ее реализации отражается через индикаторы реального числа детей. Такой подход позволяет не только определить влияние личности на репродуктивный процесс вообще, но и конкретизировать реальные ре-

продуктивные установки молодежи в условиях демографического кризиса в нашей стране.

Репродуктивные установки лежат в основе репродуктивной культуры, которая представляет собой систему знаний, умений, ценностей, регулирующих репродуктивное поведение человека, направленное на рождение детей или избегание этого события [6]. Во многом это зависит от того, какие ценности разделяет молодежь. Можно согласиться с экспертами в том, что именно изучение ценностных ориентаций выступает основой прогнозирования репродуктивного поведения населения, поскольку эти ориентации (наряду с условиями жизни) относятся к числу его основных детерминант [3. С. 15].

Анализ данных социологического исследования

С целью изучения репродуктивных установок молодежи на региональном уровне в сентябре 2019 г. в городе Саратове было проведено социологическое исследование методом анкетирования.

В ходе опроса были проанкетированы 480 юношей и девушек по вероятностной квотно-территориальной выборке. Среди принявших участие в исследовании возрастное распределение респондентов следующее: 18–19 лет — 20%; 20–21 год — 17%; 22–23 года — 8%; 24–25 лет — 11%; 26–27 лет — 19%; 28–29 лет — 10%; 30 лет и старше 15%. Распределение по полу: 60% — девушки, 40% — юноши, что обусловлено естественным преобладанием женщин в генеральной совокупности. Кроме того, в ходе исследования были использованы электронные базы данных Выборочного всероссийского наблюдения репродуктивных планов населения, проведенного Росстатом в 2017 г.[1]

В ходе авторского опроса была выявлена структура жизненных ценностей молодежи. Так, ответы на вопрос о распределении ценностей по баллам распределены следующим образом:

1	здоровье	44,4%	5	карьера	4%
2	семья	37,1%	6	работа	3,2%
3	дети	29,8%	7	религия и развлечения	по 1,6%
4	деньги	5,6%	8	престиж	0,8%

[1] Выборочное всероссийское наблюдение репродуктивных планов населения. 2017. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/RPN17/index.htm

Итак, в структуре жизненных ценностей современной молодежи дети занимают не первое место. Ведущее место занимают здоровье, семья и дети, а наименее важное — религия и развлечения. Эти данные подтверждаются результатами экспертов [18].

Репродуктивная культура прививает индивиду присущие ей ценности и принятые в обществе нормы детности. Данные нормы превращаются в обычаи и традиции в связи с устойчивостью их в ряде поколений с длительным сохранением даже после изменения вызвавших их обстоятельств и условий жизни. Они действуют прямо и косвенно в форме законов, религиозных предписаний, народных обычаев и традиций. Таким образом, потребность в детях — самая консервативная часть репродуктивных установок. В русле патриархальности материнство — базисная основа родительства, которое ведет молодежь к личностному росту[2].

В нашем исследовании большинство молодежи отметили, что ребенок — цель (60,5%), смысл (14,5%) их семейной жизни. Иными словами, материнство правомерно отнести к базовой ценности. Вместе с тем 6,9% молодежи подчеркнули, что материнство — лишь репродуктивная функция женщины. В то же время значительная доля молодежи выказала инструментальность репродуктивных установок, рассматривая материнство как способ сохранить (12,1%), создать (3,2%) семью, удержать любимого человека (2,4%).

Что касается эмоционального отношения к детям, то 29% молодежи считают, что дети вызывают чувство душевного тепла; 26% — полагают важным проявление любви к малышам; 22% — считают, что дети радуют своим присутствием; 12% — ответили, что общение с детьми вызывает у них душевный подъем; 11% — полагают, что умеют проявить заботу о малышах. Таким образом, молодежь различается как по разнообразию чувств, проявляемых к детям, так и интенсивности выражения свойственных им переживаний. Чем больше чадолюбие, тем больше потребность в детях. Однако настораживает низкая готовность значимой части молодого поколения к заботе о детях.

На вопрос о том, что чем больше детей у человека, тем он больше счастлив: 35% молодежи ответили: скорее нет, чем да; 12% — нет, 11% — скорее да, чем нет; 7% — да,

[2] В работах М. Мид показано, что материнская забота и привязанность к ребенку заложены «в реальных биологических условиях зачатия и вынашивания, родов и кормления грудью, что только очень сложные социальные установки могут полностью подавить их» [19. С. 37]. Экспертами подчеркивается тот факт, что способность к деторождению является значимым проявлением женственности [5].

полностью; 7% — зависит от человека, 2% — все зависит от детей. Затруднилось с ответом 18% респондентов, что можно объяснить отсутствием у многих детей. Иными словами, только 18% молодежи традиционно в той или иной степени видят радость жизни в детях; 47% — с той или иной категоричностью отвергают традиционные установки на детность как залог семейного счастья; 14% — разделяют либеральные толерантные ценности индивидуализма в своих репродуктивных установках.

Детность в ответах молодежи

В ходе исследования установка на детность измерялась через индикаторы идеального, желаемого, ожидаемого и реального числа детей. Идеальное число детей отражает господствующую в обществе социальную норму репродуктивного поведения, желаемое свидетельствует о готовности иметь определенное число детей при наличии всех необходимых условий, ожидаемое говорит об оценках современной жизненной ситуации и ближайших перспективах изменения семьи.

Говоря о желаемой репродукции, преобладающее число опрошенных хотели бы иметь двоих детей (54%), одного ребенка — 32%, троих — 8%, более трех детей — 3%. Никогда не хотят заводить детей 3%. По результатам опроса можно сделать вывод о том, что для большинства респондентов доминирующей репродуктивной ориентацией является рождение 2-х детей (малодетность). Большинство молодых людей считают ожидаемым (57%) и желаемым (68,2%) иметь двоих детей. Одного ребенка ожидают 33% опрошенных; хотели бы иметь — 18%. Выбор за ожидаемое число 3-х детей составляют 7% молодежи. Это почти совпадает с желаемым (7,5%). Ожидают более 3-х детей 3,0% молодых людей, а желали бы — 6,3%. Это в основном совпадает с общероссийскими данными. Еще больше таковых в контексте ожидаемых детей, где двух- и трехдетность снижают свои показатели, а ожидаемая однодетность значимо растет. Среднее число желаемых детей составляет 2,15, среднее число ожидаемых 1,88 (табл. 1).

Степень совпадения желаемых и реальных детей у современных молодых людей невелика, что подтверждается их реальным репродуктивным поведением. Их установки в молодом возрасте пока часто остаются не реализованными. Девушки и юноши, ориентированные на двух-трех детей, имеют лишь одного либо не имеют вовсе. В реальности большинство молодежи, имеющей детей, имеют одного ребенка (75%), два ребенка имеют 22,5%, три ребенка — 2,5%. Следовательно, среди молодых семей преобладает однодетная семья, что говорит о низком уровне репродуктивности.

В ходе опроса 38,1% молодых людей не смогли мотивировать желаемое количество детей. Столь значительная

Таблица 1

Распределение по желаемому и ожидаемому числу детей, в % по полу

Число детей	Девушки		Юноши	
	Желаемое число детей	Ожидаемое число детей	Желаемое число детей	Ожидаемое число детей
0	2,0	3,4	2,3	4,4
1	17,0	25,2	17,4	23,6
2	48,3	44,4	46,3	44,0
3	21,7	13,7	19,7	13,7
4	3,4	2,2	3,3	2,0
5 и более	2,2	0,9	3,4	1,4
Трудно сказать	5,4	10,1	7,4	10,9
Среднее число детей	2,15	1,88	2,16	1,88

Рассчитано по: Выборочное всероссийское наблюдение репродуктивных планов населения. 2017. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/RPN17/index.htm

доля затруднившихся с мотивировкой репродуктивных ориентаций свидетельствует о значительной распространенности среди молодежи иррациональности, случайности формирования репродуктивных установок. 19% указали на комфортное материальное положение как мотив желанного количества детей. Только 14% обосновали свой выбор желаемой двух- и трехдетности потребностью в детях. Видимо, многое может влиять на выбор стратегии, но ключевой фактор, скорее всего, степень значимости ценности детей, уровень ее осознания; степень доступности регулирования деторождения (контрацептивное поведение); характер оценки собственных репродуктивных возможностей. Из данных нашего исследования видно, что *среди определившихся с мотивировкой желаемого числа детей самым распространенным выступают материальные соображения*. Это, видимо, связано с материнским капиталом, что позволяет охарактеризовать эти установки как инструментальные.

В реальности только 40% опрошенных до 30 лет имеет детей. 33% бездетных молодых людей отметили возрастные характеристики (слишком молоды) как основную причину отсутствия детей в данный момент. Другие причины бездетности распределились так: 26% — семейное положение; 22% —учеба; 14% — материальное положение; 3% — отсутствие партнера, желающего иметь детей; 2% — неготовность иметь ребенка. Это подтверждается и данными экспертов [16].

Вместе с тем поведение личности в значительной мере зависит от социального окружения. Обычаи, привычки, традиции старших поколений оказывают значительное влияние на формирование установок в отношении деторождения. В нашем исследовании 60% бездетных молодых людей в соответствии с традициями намерены в будущем иметь двух детей; 19% — одного ребенка, более двух — 9,5%; 17,1% опрошенных отметили, что это зависит от материального положения, а 14,6% указали на потребность в детях.

В современном российском социуме рождение ребенка для молодежи — следствие социально ориентированного рационального выбора репродуктивных целей и средств их достижения. Рациональность проявляется в постоянном присутствии элементов планирования, прогнозирования, оценивания ситуации с учетом уже достигнутых целей, меняющихся возможностей и др.

Исследуя репродуктивные ориентации молодежи, респондентам был задан блок вопросов, выявляющих степень важности планирования детей. Большинство респондентов считают правыми тех, кто планирует детей (59%); 18% респондентов считают, что планирование детей правильно, но не для них; 17% — не согласны с тем, что нужно планировать детей; 3% — считают, что все зависит от ситуации. Это показывает рациональное серьезное отношение молодежи к такому жизненно важному шагу, как решение завести ребенка. Этому может способствовать пропаганда среди населения различных центров планирования семьи и детей, а также забота о здоровье будущих детей. Однако 18,4% полагают, что к ним это не относится. Еще 17,3% считают, что это не нужно.

Так инструментальная модель репродуктивного поведения молодежи постепенно замещается рациональной моделью, переход к которой закономерен: он обусловлен возрастающей ролью индивидуализации ценностей, личностных компонентов мотивации, связывающих каждый поступок человека с его внутренними, личными, индивидуальными переживаниями, стремлениями, целями.

Традиции и реальность

Молодые люди не всегда ставят намерение обзавестись детьми в зависимости от регистрации или нерегистрации брака. Девушки не опасаются разводов и готовы воспитывать детей без поддержки отца. Положение матери-одиночки расценивается как «трудное», но во многих отношениях даже предпочтительное [24]. Можно сказать, что существовавший ранее патриархальный стереотип места и роли женщины в социальном пространстве трансформировался в гендерную установку ответственности за деторождение. Распределение, способы принятия решений о желаемом числе детей и промежутках их рождения, а также ответственность за наступление беременности приобрели характер асимметрии, смещенной в сторону женщины, так как «материнство», а следовательно, беременность, роды, контрацепция — «естественное» предназначение женщины.

В молодежной среде продолжает транслироваться традиционная установка на рождение ребенка в первый год после вступления в брак вне зависимости от обстоятельств (учеба, работа, карьера, состояние здоровья). Лишь после рождения первого ребенка супруги начинают прилагать усилия к тому, чтобы не допустить рождения следующего ребенка или отсрочить наступление беременности до «лучших» времен [2. С. 83].

Эксперты, по результатам исследований 2010–2015 гг., полагают, что от трети до двух третей студентов считают: детей надо рожать на первом-втором годах брака или через несколько лет после вступления в брак, как правило, в воз-

расте 20–25 лет [21]. Треть студенток хотели бы создать семью и родить ребенка во время обучения в вузе [20].

Однако сегодня, как показывают общероссийские данные, контрацепцию почти половина юношей и девушек используют задолго до рождения первенца. Это свидетельствует об ослаблении установки на детность в молодежной среде, рационализацию установок, особенно в молодых категориях, когда жизненная стратегия молодежи в большей степени ориентирована на учебу, карьеру, достижение материального комфорта. После рождения первенца доля молодежи, использующей контрацептивы, растет более чем в 2 раза (табл. 2).

Таблица 2

Доля использовавших контрацепцию до рождения первого ребенка, в % по возрастным группам

Возраст (лет)	Девушки	Юноши
до 25	48,8	47,1
25–29	38,0	37,9

Рассчитано по: Выборочное всероссийское наблюдение репродуктивных планов населения. 2017. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/RPN17/index.htm

Поскольку в России женская социализация определяется по типу «сильная женщина», большинство девушек заинтересованы в праве на контроль своей репродуктивной функции [4]. В то же время сохраняется доля тех девушек, которые находятся под воздействием социокультурного стереотипа о материнстве как естественном и важнейшем предназначении женщины, транслируемом нормами традиционной морали и представлениями обыденного сознания, а также социальными институтами. В силу этого проблема репродуктивного выбора часто встает перед девушками в виде конфликта между своими желаниями и предпочтениям и тем, что общественное сознание и социальные институты рассматривают как социально значимое и одобряемое [15].

Конфликтность ситуации репродуктивного выбора в значительной степени детерминируется социальным движением childfree (свободный от детей), «абортной культурой» — распространенностью аборта как главного средства регулирования деторождения [9]. Это проявляется в росте абортов, которые с возрастом девушек увеличиваются более чем в 1,5 раза[3]. Можно констатировать рост контрацептивной культуры в репродуктивных установках молодежи, однако нельзя назвать эту культуру высокой в силу значительной доли абортированности. Это подтверждается и данными других исследователей [12].

Большая часть молодежи на вопрос о том, готовы ли они завести детей, не ответила (35%). Скорее всего, этот вопрос поставил в тупик многих молодых людей: они еще не задумывались об этом. О той или иной степени готовности к рождению детей заявили 33% респондентов; «нет» ответили 32%. Таким образом, 67% молодежи субъективно не готовы обзавестись детьми.

Исследуя репродуктивные установки, нами задавался вопрос, с помощью которого можно определить оптимальный возраст для рождения первого ребенка. Получены следующие результаты: возраст 24–25 лет является модальным значением и составляет 44%; 20% респондентов считают оптимальным возраст 20–21 год; возраст 22–23 года — 18% респондентов; 26–27 лет — 9%; 28–29 лет — 5%; 18–19 лет — 2%; 30 лет и старше — 2%. Оптимальным возрастом для рождения первого ребенка, по мнению молодежи, является период, когда человек завершил обучение, устроился на работу, определился со своей жизненной стратегией.

В ходе опроса респондентам предлагалось по 5-балльной шкале (5 — максимальная оценка, 1 — минимальная) оценить эмоции, вызываемые фактом рождения ребенка. На 1-м месте оказалась эмоция «с радостью» — 67% респондентов оценили эту характеристику на 4 и 5 баллов. На 2-м месте оказалась «надежда на будущее» — 59% респондентов оценили эту характеристику на 4 и 5 баллов. На 3-м месте оказалась эмоция «помощник в доме, опора в старости» — 54% опрошенных оценили эту характеристику на 4 и 5 баллов. Характерно, что на 4-м месте оказалось деятельностное проявление репродуктивной установки молодежи «возможность проявить свою нежность и заботу» — 52% опрошенных оценили эту характеристику на 4 и 5 баллов. На 5-м месте — «новые впечатления» — 29,3% опрошенных оценили эту характеристику на 4 и 5 баллов.

Проблема негативных последствий рождения ребенка — на 1-е место выходит «необходимость оставить работу» — ответили 27,8% опрошенных, преимущественно девушек. На 2-е место выходят материальные затруднения — ответили 19,3% опрошенных респондентов, и на 3-м месте оказалось «напряжение в семье» — ответили 15,1% респондентов. Анализ общероссийских данных показал, что большинство молодежи с появлением

[3] Выборочное всероссийское наблюдение репродуктивных планов населения. 2017. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/RPN17/index.htm

ребенка ожидают уменьшение своих личных доходов. Особенно девушки (56,1% против 43,3% у юношей) ожидают ухудшения материального положения семьи (59,9% против 54,8% у юношей). Кроме того, 41% девушек и 37,7% юношей ожидают сокращение возможностей полноценного отдыха.

Однако большинство молодых людей считают, что рождение ребенка никак не повлияет на профессиональный рост, общение с друзьями, здоровье, отношения с супругом(ой)/партнером(шей), возможность полноценно отдыхать, отношение родственников, окружающих. Таким образом, по мнению молодежи, рождение ребенка привносит в жизнь больше трудностей, чем позитивных изменений, что провоцирует рационализм и прагматизм индивидуальных репродуктивных установок молодого поколения. Это подтверждается данными других исследователей [13].

Репродуктивные установки включают также ориентацию на счастливую семью. 28% считают, что для счастливой семейной жизни более всего необходимо взаимопонимание между супругами. Не менее важным является наличие детей: так считают 25% молодежи. За ними следует материальное благополучие (23%) уверенность в прочности брака (9,4%), отдельная квартира (8,7%), желательное образование (3,1%). По 1,3% опрошенных считают, что необходим интересный досуг в семье, круг друзей, свобода действий и хорошее положение на работе. В результате вероятные условия счастливой семейной жизни логически разделились на следующие группы:

- хорошие материальные условия;
- благополучные семейные отношения;
- внесемейные условия, включая статусные;
- условия независимого существования супругов.

Заключение

Проведенный анализ позволил выделить три условные социальные модели репродуктивных установок молодежи:

- антидетную (примерно каждый десятый молодой человек), проявляющуюся в признании неготовности заботиться о детях, осознанном добровольном отказе от родительства и рождения детей, рассматриваемую как тяжелая обуза, во многом препятствующая реализации профессионального и творческого потенциала;
- традиционно-ценностную (каждый пятый молодой человек), основывающуюся на отношении к детям как важнейшей базовой ценности;
- конформно-компромиссную (самую распространенную и противоречивую), когда декларируемая установка на двух-трехдетность соединяется с прагматизмом, рационализацией, отложенным родительством, не реализуемую на практике, сводясь минимум к однодетности, максимум двухдетности. Эта модель доминирует в молодежной среде.

Литература

1. Антонов А.И. Социология рождаемости: (теоретические и методологические проблемы). М., 1980.

2. Антонов А.И., Медков В.М., Архангельский В.Н. Демографические процессы в России XXI века. М., 2002.

3. Архангельский В.Н. Методологические вопросы исследования детерминации демографических процессов // Детерминация демографических процессов. М., 2012.

4. Баллаева Е.А. Что стоит за цифрами: репродуктивные права женщин в России и задачи женского движения // Репродуктивные права граждан в России: реальность и ожидания. М., 1996. С. 7–11.

5. Батуев А.С. Психофизиологическая природа доминанты материнства // Детский стресс. Мозг и поведение. СПб., 1996. С. 3–4.

6. Беляева М.А. Педагогическое осмысление понятия «репродуктивная культура» // Понятийный аппарат педагогики и образования. М., 2007. С. 273–285.

7. Борисов В.А. Демография. М., 2001.

8. Борисов В.А. Перспективы рождаемости. М., 2015.

9. Борисов В., Синельников А., Архангельский В. Аборты и планирование семьи в России: правовые и нравственные аспекты (опрос экспертов) // Вопросы статистики. 1997. № 3. С. 75–80.

References

1. Antonov, A.I. Sociology of birth (theoretical and methodological problems). Moscow, 1980.

2. Antonov, A.I., Medkov, V.M., Arkhangelsky, V.N. Demographic processes in Russia in 21st century. Moscow, 2002.

3. Arkhangelsky, V.N. Methodological problems of research of determination of demographic processes. In: *Determination of demographic processes*. Moscow, 2012.

4. Ballaeva, E.A. What is behind figures: reproductive rights of women in Russia and tasks of women movement. In: *Reproductive rights of citizens in Russia: reality and waitings*. Moscow, 1996. P. 7–11.

5. Batuev, A.S. Psycho-physiology nature of dominant of motherhood. In: *Child stress. Brain and behavior*. St. Petersburg, 1996. P. 3–4.

6. Belyaeva, M.A. Pedagogical cognition of the meaning "reproductive culture". In: *Meaning apparatus of pedagogy and education*. Moscow, 2007. P. 273–285.

7. Borisov, M.A. Demography. Moscow, 2001.

8. Borisov, V.A. Perspectives of birth-rate. Moscow, 2015.

9. Borisov, V., Sinelnikov, A., Arkhangelsky, V. Abortions and planning of family in Russia: law and moral aspects (questionnaire of experts). *Problems of statistic*. 1997. No. 3. P. 75–80.

10. Вишневский А.Г. Воспроизводство населения и общество: История, современность, взгляд в будущее. М., 1982.

11. Вишневский А.Г. Демографическая революция меняет репродуктивную стратегию Homo sapiens. URL: https://doi.org/10.17323/demreview.v1i1.1825

12. *Вишневский А.Г., Сакевич В.И., Денисов Б.П.* Контрацептивная революция в России // *Демографическое обозрение*. 2017. № 1. С. 6–34.

13. Волченкова Е.В. Особенности репродуктивных установок современной молодежи // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. С. 21–25.

14. Выборочное Всероссийское наблюдение репродуктивных планов населения. 2017. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/RPN17/index.htm

15. Груздева Е.Б., Чертихина Э.С. Положение женщин в обществе: конфликт ролей // Общество в разных измерениях. М., 1990. С. 147–167.

16. Елисеева И.И. Рождения и нерождения // Петербургская социология сегодня. 2018. Вып. 10. С. 204–223.

17. Женщина в меняющемся мире. М., 1992.

18. Зарипов А.Я., Зарипов М.А. Либеральные ценности и традиционные установки общества в процессе личностной идентификации // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований. 2014. Т. 1. С. 50–55.

19. Мид М. Мужское и женское. Исследование полового вопроса в меняющемся мире. М., 2004.

20. Осыкина А.С., Шкатова Е.Ю., Еловикова О.Н. Репродуктивные установки студенток // Международный журнал экспериментального образования. 2015. № 12-1. С. 57–58.

21. Пятунина О.И., Шубина О.А. Формирование традиционных семейных ценностей у современной студенческой молодежи // Педагогика и современность. 2016. № 1(21). С. 71–74.

22. Сонин М.Я. О некоторых аспектах изучения закономерностей движения населения и демографической политики // Демографическая политика. М., 1974. С. 93–96.

23. Социология семьи. М., 2005.

24. Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В. Социальная защищенность городской монородительской семьи // Мир России. 2004. № 2. С. 66–95.

10. Vishnevsky, A.G., Sakevich, V.I., Denisov, B.P. Contraceptive revolution in Russia. *Demographic survey*. 2017. No. 1. P. 6–34.

11. Vishnevsky, A.G. Reproduction of population and society: History, modernity, look into the future. Moscow, 1982.

12. Volchenkova, E.V. Features of reproductive directives of modern youth. *Vestnik of Vyatka state humanitarian university*. 2014. P. 21–25.

13. Chosen All-Russian survey of reproductive plans of population. 2017. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/RPN17/index.htm

14. *Vishnevsky, A.G. Demographic revolution changes reproductive strategy of Homo sapiens. URL: https://doi.org/10.17323/demreview.v1i1.1825*

15. Gruzdeva, E.B., Chertykhina, E.S. State of women in society: conflict of roles. In: *Society in various dimensions*. Moscow, 1990. P. 147–167.

16. Eliseeva, I.I. Born and Non-born. *Petersburg sociology today*. 2018. Iss. 10. P. 204–223.

17. Woman in changing world. Moscow, 1992.

18. Zaripov, A.Ya., Zaripov, M.A. Liberal values and traditional views of society in the process of personal identification. *Modern society: problems of theory, methodology, methods of social researches*. 2014. Vol. 1. P. 50–55.

19. Mead, M. Masculine and female. Research in gender problem in changing world. Moscow, 2004.

20. Osykhina, A.S., Shubina, E.Yu., Elovikova, O.N. Reproductive views of students. *International journal of experimental education*. 2015. No. 12-1. P. 57–58.

21. Pyatunina, O.I., Shubina, O.A. Formation of traditional family values in vodern student youth. *Pedagogy & modernity*. 2016. No. 1 (21). P. 71–74.

22. Sonin, M.Ya. On some aspects of study of regularities of movement population and demographic policy. In: *Demography policy*. Moscow, 1974. P. 93–96.

23. Sociology of family. Moscow, 2005.

24. Yarskaya-Smirnova, E.R., Romanov, P.V. Social security of city mono-parental family. *The world of Russia*. 2004. No. 2. P. 69–95.

Т.К. Ростовская,
д-р социол. наук, профессор,
заместитель директора
Института демографических исследований ФНИСЦ РАН;
профессор кафедры МГТУ «СТАНКИН»
e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru
О.В. Кучмаева,
д-р экон. наук, профессор,
главный научный сотрудник
Института демографических исследований ФНИСЦ РАН; профессор кафедры
Экономического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова
e-mail: kuchmaeva@yandex.ru
В.Н. Архангельский,
канд. экон. наук,
руководитель отдела Института демографических исследований ФНИСЦ РАН;
НИИ организации здравоохранения и медицинского менеджмента
Департамента здравоохранения города Москвы
e-mail: archangelsky@yandex.ru

УДК 316.36
DOI 10.20339/AM.11-20.045

ПОКОЛЕНЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ БРАЧНОГО ПОВЕДЕНИЯ РОССИЯН: социологический анализ[1]

Исследована проблема брачного поведения россиян, в котором происходят существенные изменения: повышается возраст вступления в первый брак, все чаще откладывается его регистрация. Доля состоящих в незарегистрированном браке продолжает повышаться. Данные всероссийских переписей населения и его микропереписей, выборочных обследований позволяют выявить изменения брачного поведения россиян, достаточно ярко проявляющиеся от поколения к поколению. Анализ результатов переписей населения и выборочных обследований населения позволяет сделать вывод об изменении брачного поведения россиян в сторону снижения ценности обязательно зарегистрированного брака.

Ключевые слова: *брачное поведение, возраст вступления в брак, окончательное безбрачие, отношение к браку.*

GENERATION CHANGES IN MARITAL BEHAVIOR OF RUSSIANS: sociological analysis

T.K. Rostovskaya is Dr.Sci. (Sociology), Prof., Deputy Director at Institute of Demographic Researches of FCTAS RAS; Prof. at MGTU "STANKIN"; **O.V. Kuchmaeva** is Dr.Sci. (Economy), Chief Researcher at Institute of Demographic Researches of FCTAS RAS; Prof. of Economic faculty at Lomonosov Moscow State University; and **V.N. Arkhangelsky** is Cand. Sci. (Economy), Head of Departament at Institute of Demographic Researches of FCTAS RAS, Research Institution of Organizing of Health Care and Medical Management of Department of Health Saving of Moscow

Analyzed are significant changes, taking place in marital behavior of Russians, i.e. age of first marriage is increasing, and registration is being postponed more and more often. The percentage of those, who are married without registration continues to increase. Data from all-Russian population censuses and micro-censuses, as well as sample surveys of population, allow to identify changes in marital behavior of Russians, which are quite clearly manifested from generation to generation. Analysis of results of population censuses and sample surveys of population allows us to conclude, that marital behavior of Russians has changed in direction of reducing the value of mandatory registered marriage.

Key words: *marital behavior, age of marriage, final celibacy, attitude to marriage.*

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 20-18-00256 «Демографическое поведение населения в контексте национальной безопасности России».

Введение

Модернизационные процессы, которые происходят в современном обществе, затрагивают все сферы жизнедеятельности индивидов и групп, в том числе сферу брачно-семейных отношений. Характерной чертой современной демографической ситуации в России выступают существенные изменения в брачном поведении. Эти изменения касаются возраста вступления в брак, порой отказа от вступления в брак вообще, сменой отношения к допустимости различных моделей брачного отношения.

За последние несколько десятилетий регулирующее воздействие ранее установленных в обществе и закрепленных в общественном сознании норм и стандартов брачно-семейного поведения значительно ослабло, следствием чего стали изменения в добрачном поведении молодых людей. Произошедшие изменения способствуют формированию нового образа брака в представлениях молодежи. Данные изменения произошли не в один момент, сложившаяся ситуация является следствием изменений, происходящих на протяжении ряда лет.

Логично предположить, что брачное поведение различных поколений россиян в разной степени затронули происходящие изменения. В то же время сохранение и укрепление института семьи и брака по-прежнему является одной из приоритетных задач государства, его социальной и демографической политики.

Цель статьи состоит в выявлении поколенческих различий в брачном поведении россиян: насколько масштабны эти изменения, можно ли их проследить от поколения к поколению или они носят характер флуктуаций. Кроме того, статья преследует еще и методическую задачу: выявление индикаторов, на основе которых можно проводить анализ различий в брачном поведении; использование как взаимодополняющих различных источников информации — данных переписей населения и социологических исследований.

Тенденции брачного поведения

Анализ данных социально-демографического исследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РиДМиЖ) показывает, что имеет место рост доли людей, которые никогда не состояли в зарегистрированном браке. Кроме того, получают распространение неформальные союзы, тем самым заменяя повторные официально регистрируемые браки. Идет увеличение среднего возраста жениха и невесты [1]. Этот рост не является уникальным ввиду происходящего в европейских странах повышения возраста регистрации брака. Среди причин этой тенденции отмечены рост продолжительности обучения и уровня образования в целом, распространение сожительств. Вступление в брак в возрасте до 25 лет уже не является нормой для большей части населения.

Результаты Российского мониторинга экономики и здоровья, проводимого НИУ ВШЭ, легли в основу построения эконометрической модели [2] для изучения процессов брачности. В результате проведенного анализа выявлено, что такие показатели, как возраст, пол, статус занятости, по-прежнему оказывают значимое влияние на вероятность вступления в брак.

Основные тенденции в изменении **модели брачного поведения** могут быть описаны концепцией «второго демографического перехода».

Так, А.Г. Вишневский [3] рассматривает происходящие в течение последних лет изменения института семьи, которые связаны с концепцией «второго демографического перехода». Эту концепцию сформулировали Р. Лестэг и Д. ван де Каа в 1986 г. [4]. Автор подчеркивает, что изменение брачных отношений исходит из самой структуры демографического поведения. К демографическому поведению Вишневский относит семейные нравы, статус и формы брака и семьи, социальные роли родителей. Среди признаков, характерных для «второго демографического перехода», отмечены следующие:

- широкое распространение незарегистрированных браков;
- рост числа вступающих в повторные браки;
- увеличение числа неполных семей;
- распространение внебрачного рождения детей.

В статье [5] рассматривается изменение брачного поведения, которое авторы связывают с концепцией «второго демографического перехода». Основными характеристиками данного перехода служат откладывание момента официальной регистрации брачных отношений или же полное отсутствие желания вступать в брак.

Результаты исследований свидетельствуют о происходящих изменениях в брачном поведении. Важным представляется выяснить, насколько изменения носят длительный характер, возможно ли проследить на основе имеющейся информационной базы поколенческие изменения в отношении к браку.

Источники и методы

Информационной базой для исследования выступили как данные Всероссийских переписей населения 2002

и 2010 гг., микропереписи 2015 г., текущего статистического учета браков (официальная статистика), так и материалы Всероссийского социологического исследования «Демографическое самочувствие россиян», проведенное с участием авторов в 2020 г. на территории 10 субъектов РФ: Ивановской, Московской, Вологодской, Волгоградской, Нижегородской и Свердловской областей, а также Ставропольского края, республик Башкортостан и Татарстан и города Москвы.

Объем выборочной совокупности составил 5616 человек в возрасте от 18 до 50 лет.

Для проверки исследовательских гипотез были использованы методы социологического, демографического и статистического анализа. Выводы сделаны на основе расчета дескриптивных статистик, анализа рядов распределений и таблиц сопряженности, а также использования непараметрических критериев проверки гипотез о различиях в распределениях показателей, характеризующих брачное поведение россиян.

В качестве основных индикаторов брачного поведения были рассмотрены:

- брачная структура населения;
- доля никогда не состоящих в браке;
- доля состоящих в незарегистрированном браке;
- возраст вступления в первый брак;
- отношение к незарегистрированным бракам.

Характеристики брачного поведения россиян

В брачном поведении россиян происходят существенные изменения: повышается возраст вступления в первый брак, все чаще откладывается его регистрация.

О повышении среднего возраста вступления в первый брак свидетельствует значительное увеличение доли никогда не состоявших в браке в возрастном интервале 20–34 года по данным переписи населения 2010 г. по сравнению с результатами переписи населения 2002 г. Этот показатель вырос за межпереписной период в возрастных группах:

- 20–24 года — женщины: с 52,6 до 57,2%; мужчины: с73,6 до 77,5%;
- 25–29 лет — женщины: с 21,8 до 26,3%; мужчины: с 34,8 до 40,3%;
- 30–34 года — женщины: с 10,9 до 14,7%; мужчины: 16,8 до 21,1%.

При этом доля состоящих в браке сократилась по зарегистрированным бракам в возрастных группах:

- 20–24 года — с 34,3 до 28,9% у женщин, с 18,6 до 14,4% у мужчин;
- 25–29 лет — с 56,1 до 52,8% у женщин, с 48,6 до 43,7% у мужчин;
- 30–34 года — с 62,3 до 58,6% у женщин, с 61,5 до 57,6% у мужчин.

В то же время доля состоящих в незарегистрированном браке по переписи населения 2010 г. возросла по сравнению с данными переписи населения 2002 г. по возрастным группам:

- 20–24 года — с 8,0 до 10,2% у женщин, с 5,2 до 6,9% у мужчин;
- 25–29 лет — с 9,3 до 11,1% у женщин, с 9,0 до 10,6% у мужчин;
- 30–34 года — с 8,3 до 11,3% у женщин, с 9,3 до 11,4% у мужчин [6].

Можно говорить об откладывании на более поздний возраст регистрации первого брака.

Доля состоящих в незарегистрированном браке продолжила повышаться и в последующие годы. Это видно по микропереписи населения 2015 г., по сравнению с переписью населения 2010 г. по возрастным группам:

- 20–24 года — возросла с 10,2 до 12,2% у женщин, с 6,9 до 8,3% у мужчин;
- 25–29 лет — возросла с 11,1 до 11,8% у женщин, с 10,6 до 11,3% у мужчин.

В возрастной группе 30–34 лет доля состоящих в незарегистрированном браке по микропереписи населения 2015 г. была несколько меньше, чем по переписи населения 2010 г. [7].

Впрочем, при сравнении данных о доли состоящих в незарегистрированном браке по данным переписи населения 2010 г. и микропереписи населения 2015 г. следует иметь в виду возможное влияние различия между ними в постановке вопроса о брачном состоянии. При переписи населения 2010 г. сначала отмечалось, что человек состоит в браке, а потом тех, у кого была поставлена такая отметка, спрашивали, зарегистрирован ли брак [8].

В Инструкции о порядке проведения Всероссийской переписи населения 2010 г. и заполнения переписных документов сказано: «“Состою в браке” отмечается тем, кто состоит в браке в настоящее время независимо от того, зарегистрирован брак в органах ЗАГС или нет. После того как проставлена метка “Состою в браке”, необходимо задать подвопрос “Зарегистрирован ли ваш брак?” и в зависимости от ответа нанести метку, соответствующую подсказу “да” или “нет”» [9]. Таким образом, если человек сразу отвечал, что в браке он не состоит (можно

предположить, что понятие «брак» у значительной части населения до сих пор связано с регистрацией в ЗАГСе), то вопрос о том, нет ли у него в настоящее время незарегистрированных супружеских отношений, вероятно, не задавался. В опросном листе микропереписи населения 2015 г. вопрос формулировался по-другому: «Ваше состояние в браке (супружеском союзе)», что сразу давало понять, что речь не идет обязательно о зарегистрированном браке. Варианты ответов начинались с «состою в браке (супружеском союзе): зарегистрированном; незарегистрированном» [8].

Если говорить о вступлении в брак вообще, независимо от его регистрации, то данные микропереписи населения 2015 г. не свидетельствуют о повышении возраста вступления в первый брак у женщин, так как по сравнению с результатами переписи населения 2010 г. доля никогда не состоявших в возрастном интервале от 20 до 35 лет сократилась (но была выше, чем по переписи населения 2002 г.): 20–24 года — с 57,2 до 53,9%; 25–29 лет — с 26,3 до 24,1%; 30–34 года — с 14,7 до 13,6%.

У мужчин доля никогда не состоявших в браке увеличилась в возрастах 25–29 лет — с 40,3 до 41,3% и 30–34 года — с 21,1 до 22,1%, а в 20–24 года, наоборот, сократилась с 77,5 до 76,3% [7].

Следует, конечно, иметь в виду некоторую несопоставимость данных переписи населения 2010 г. и микропереписи населения 2015 г., так как микроперепись охватила лишь 1,5% населения. При этом субъекты РФ оказались представлены в выборочной совокупности микропереписи населения не в той же пропорции, как в генеральной совокупности.

Об этом пишут Е.М. Андреев и С.В. Захаров: «Учитывая не столь большой, как прежде, размер выборки, Росстат был вынужден варьировать процент отбора женщин для опроса от территории к территории с учетом численности их населения. К тому же женщины с разной частотой соглашались отвечать на вопросы микропереписи. В результате, если сравнить итоги микропереписи с расчетной численностью женщин в возрасте 18–59 лет на 1 октября 2015 г., то окажется, что опрошенные в Москве женщины составляли 0,39% женщин города, а опрошенные в Республике Алтай — 7,8%» [10].

Чтобы устранить влияние этого фактора, рассмотрим изменения в брачной структуре населения по данным микропереписи населения 2015 г. по сравнению с результатами переписи населения 2010 г. по 10 субъектам РФ, в которых проводился социологический опрос 2019–2020 гг. Результаты представлены в следующем виде (табл. 1).

Свидетельствующее о повышении возраста вступления в брак увеличение доли никогда не состоявших в браке в возрастном интервале от 20 до 35 лет по микропереписи населения 2015 г., по сравнению с переписью населения 2010 г., у мужчин имело место в Республике Башкортостан, Волгоградской, Вологодской и Ивановской областях, Москве. В Ставропольском крае и Нижегородской области оно произошло только в возрастных группах 25–29 лет и 30–34 года, а в Московской области только в 30–34 года. В Республике Татарстан и Свердловской области доля никогда не состоявших в браке среди мужчин по микропереписи населения 2015 г. была ниже по сравнению с данными переписи населения 2010 г. во всех этих возрастах.

Таким образом, в отношении Республики Башкортостан, Ставропольского края, Волгоградской, Вологодской, Ивановской и Нижегородской областей, Москвы, вероятно, можно говорить о повышении в среднем возраста вступления в первый брак у мужчин в период между переписью населения 2010 г. и микропереписью населения 2015 г.

В отношении женщин такой вывод нельзя сделать применительно ни к одному из регионов. В некоторых из них доля никогда не состоявших в браке по микропереписи населения 2015 г., по сравнению с результатами переписи населения 2010 г., повысилась лишь в отдельных возрастных группах в интервале от 20 до 35 лет (Вологодская область 20–24 и 30–34 года, Волгоградская область 20–24 года, Московская область и Москва 25–29 лет, Республика Башкортостан и Нижегородская область 30–34 года). Это, конечно, не может свидетельствовать о повышении в них среднего возраста вступления женщин в брак.

Учитывая отмеченные выше различия в формулировке вопроса о брачном состоянии при переписи населения 2010 г. и микропереписи населения 2015 г., можно предположить, что снижение доли никогда не состоявших в браке у женщин и отчасти у мужчин в какой-то мере обусловлено тем, что состоящие в незарегистрированном браке при микропереписи населения 2015 г. чаще отмечали, что состоят в браке, чем при переписи населения 2010 г. В этом случае более сопоставимы показатели доли состоящих в зарегистрированном браке. Их более низкая величина по данным микропереписи населения 2015 г., по сравнению с переписью населения 2010 г., свидетельствовала о повышении возраста регистрации брака.

В целом по России у мужчин в 2015 г. доля состоящих в зарегистрированном браке была немного ниже,

Таблица 1

Доля никогда не состоявших в браке и состоящих в зарегистрированном браке в возрасте от 20 до 35 лет (%; по данным переписи населения 2010 г. и микропереписи населения 2015 г.)[1]

Субъект Российской Федерации	Возраст (лет)	Никогда не состоявшие в браке				Состоящие в зарегистрированном браке			
		Мужчины		Женщины		Мужчины		Женщины	
		перепись 2010 г.	микроперепись 2015 г.	перепись 2010 г.	микроперепись 2015 г.	перепись 2010 г.	микроперепись 2015 г.	перепись 2010 г.	микроперепись 2015 г.
Ивановская область	20–24	77,7	79,4	57,6	54,2	13,8	11,9	27,8	30,9
	25–29	40,0	42,1	25,4	22,4	42,5	41,5	52,3	54,4
	30–34	21,4	23,8	15,0	13,9	55,0	56,3	56,5	57,0
Московская область	20–24	82,1	76,8	61,4	57,8	12,2	13,9	27,3	28,1
	25–29	44,2	44,0	27,5	28,3	42,5	39,9	54,0	52,7
	30–34	21,0	21,7	14,3	13,7	60,2	59,3	61,2	62,2
Москва	20–24	82,5	83,3	70,1	68,7	11,7	8,8	20,9	17,3
	25–29	48,3	49,8	35,6	36,0	38,2	30,8	46,7	41,1
	30–34	24,2	26,3	18,1	16,8	56,0	50,8	57,0	54,8
Вологодская область	20–24	75,7	76,3	55,5	56,8	13,9	14,1	27,3	24,1
	25–29	37,7	40,1	25,9	23,3	43,2	43,5	51,4	58,1
	30–34	20,8	21,5	16,1	16,4	55,6	57,7	56,0	62,4
Волгоградская область	20–24	77,0	78,0	55,0	55,1	14,7	13,6	30,4	30,4
	25–29	39,6	39,8	24,3	23,0	44,0	44,9	53,3	57,9
	30–34	20,6	22,6	13,5	11,5	56,7	61,9	58,1	63,0
Ставропольский край	20–24	80,1	77,9	58,3	53,4	13,8	14,7	30,2	32,9
	25–29	40,6	41,5	24,9	23,0	45,8	45,1	55,2	57,3
	30–34	19,8	20,4	12,6	9,8	60,7	62,7	61,2	65,0
Республика Башкортостан	20–24	77,4	78,2	58,0	57,0	15,9	15,4	30,5	32,1
	25–29	38,0	40,2	24,2	22,3	48,3	47,0	56,8	60,1
	30–34	20,8	22,2	13,1	13,7	59,9	62,7	62,1	63,1
Республика Татарстан	20–24	80,2	78,0	63,1	58,2	14,4	15,5	27,4	30,2
	25–29	40,7	39,1	27,6	22,5	46,6	49,9	54,8	61,4
	30–34	21,2	19,3	14,9	13,1	60,2	64,8	60,7	64,4
Нижегородская область	20–24	77,3	76,0	57,2	56,3	15,6	15,6	30,5	29,6
	25–29	38,9	40,5	25,0	24,9	46,7	45,1	55,1	54,9
	30–34	20,1	23,4	13,6	13,9	59,3	58,6	60,0	60,3
Свердловская область	20–24	74,9	73,7	54,5	49,5	13,9	14,4	27,2	30,6
	25–29	38,1	36,6	26,1	21,7	42,1	43,4	49,8	54,9
	30–34	20,8	20,7	15,8	13,0	54,7	58,2	55,4	61,9

[1] Рассчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Т. 2. Возрастно-половой состав и состояние в браке. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol2/pub-02-01.pdf; Итоги микропереписи населения 2015 года. Раздел 1. Возрастно-половой состав населения, принявшего участие в микропереписи, и состояние в браке. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html)

чем в 2010 г., в возрастных группах 20–24 года (соответственно 14,2 и 14,4%) и 25–29 лет (42,6 и 43,7%) и, наоборот, выше в возрасте 30–34 года (58,1% в 2015 г. и 57,6% в 2010 г.) [7; 8]. Среди регионов, в которых проводился социологический опрос в 2019–2020 гг., такие же изменения имели место в Республике Башкортостан и Ивановской области. В Московской области у мужчин доля состоящих в зарегистрированном браке по микропереписи населения 2015 г., по сравнению с переписью населения 2010 г., снизилась в возрастных группах 25–29 лет и 30–34 года, но повысилась в 20–24 года. В Нижегородской области в 20–24 года показатель не изменился. В Волгоградской области снижение имело место только в возрасте 20–24 года, а в Ставропольском крае в 25–29 лет. В Москве она снизилась во всех возрастах в интервале от 20 до 35 лет, а в Республике Татарстан, Вологодской и Свердловской областях, наоборот, во всех возрастах несколько повысилась. О некотором повышении возраста регистрации брака у мужчин приведенные данные косвенно в той или иной мере позволяют судить в отношении Республики Башкортостан, Ивановской, Московской и Нижегородской областей, Москвы.

В отличие от мужчин, у женщин доля состоящих в зарегистрированном браке в целом по России по микропереписи населения 2015 г. была выше, чем по результатам переписи населения 2010 г. во всех возрастах в интервале от 20 до 35 лет (20–24 года, соответственно, 28,9 и 30,3%, 25–29 лет — 52,8 и 54,3%, 30–34 года — 58,6 и 60,9%) [7; 8] Повышение этого показателя в этих возрастах в той или иной степени имело место в большинстве регионов, в которых проводился опрос 2019–2020 гг. В Московской области у женщин доля состоящих в зарегистрированном браке, по данным микропереписи 2015 г., снизилась по сравнению с переписью 2010 г. только в возрасте 25–29 лет, в Вологодской области только в 20–24 года. В Нижегородской области снижение имело место в возрастах 20–24 года и 25–29 лет. Только в Москве величина этого показателя снизилась во всех возрастах в интервале от 20 до 35 лет. Следовательно, о повышение возраста регистрации брака, судя по этим данным, можно говорить только в отношении Москвы и Нижегородской области.

Данные текущей статистики показывают небольшое повышение среднего возраста женщин при регистрации первого брака в период после переписи населения 2010 г. По расчетам С.В. Захарова на основе данных Росстата, средний возраст при регистрации первого брака был среди зарегистрировавших его в возрасте до 50 лет, в 2016 г. по сравнению с 2011 г. выше на 0,34 года у женщин и на 0,40 — у мужчин. Средний возраст при регистрации первого брака в:

- 2011 г. составил 24,97 года у женщин и 27,38 года у мужчин;
- 2012 г. — 25,06 и 27,50 соответственно;
- 2013 г. — 25,17 и 27,62;
- 2014 г. — 25,26 и 27,77;
- 2015 г. — 25,24 и 27,72;
- 2016 г. — 25,31 и 27,78 [11].

В 2017 г. средний возраст регистрации первого брака составил 25,44 года у женщин и 27,84 года у мужчин; в 2018 г. соответственно 25,46 и 27,80, в 2019 г. — 25,55 и 27,82[1]. Он значительно выше, чем был, например, в 1995 г. (21,99 года у женщин и 24,18 года у мужчин)[2].

Поколенческие изменения брачного поведения россиян по данным всероссийского социологического исследования

Результаты первой волны Всероссийского социологического исследования «Демографическое самочувствие России», проведенного в конце 2019 — начале 2020 г. под руководством доктора социологических наук, профессора Т.К. Ростовской[3], показали повышение в более молодых поколениях среднего возраста вступления в первый брак у женщин (табл. 2).

Таблица 2

Средний возраст вступления в первый брак (социологический опрос 2019–2020 гг.)

Год рождения	Женщины	Мужчины
1969 и ранее	21,89 (N = 82)	27,44 (N = 43)
1970–1974	21,96 (N = 328)	24,61 (N = 253)
1975–1979	22,22 (N = 311)	24,36 (N = 270)
1980–1984	23,62 (N = (348)	25,02 (N = 355)
1985–1989	23,18 (N = 342)	24,26 (N = 315)
1990–1994	21,87 (N = 189)	23,46 (N = 166)
1995 и позднее	19,59 (N = 106)	20,78 (N = 66)

[1] Рассчитано по данным Росстата.

[2] С 1997 по 2010 г. в России не было необходимой статистической информации для корректного расчета среднего возраста регистрации брака.

[3] Опрошены 5616 человек — представители различных поколений в возрасте от 18 до 50 лет в Центральном, Северо-Западном, Южном, Северо-Кавказском, Приволжском и Уральском федеральных округах.

Сразу следует оговориться, что эти данные не вполне сопоставимы с приведенными выше статистическими показателями среднего возраста. В текущей статистике отражаются только зарегистрированные браки и, следовательно, речь может идти о среднем возрасте регистрации первого брака. В табл. 2 представлен средний возраст вступления в первый брак, полученный на основе ответов респондентов о дате (месяц и год) вступления в первый брак (и дате рождения респондента) независимо от того, когда он был зарегистрирован и был ли зарегистрирован вообще.

У женщин средний возраст вступления в первый брак повышается с 21,89 года у родившихся в 1969 г. и ранее до 23,62 года в поколении 1980–1984 гг. рождения. В более молодых поколениях он ниже, но, конечно, следует иметь в виду то, что в первый брак вступили еще далеко не все их представительницы (если среди женщин 1969 г. рождения и ранее доля никогда не состоявших в браке составляет 2,3%; 1970–1974 г.р. — 6,4%; 1975–1979 г.р. — 7,9%, то в поколении 1980–1984 г.р. — 13,3%; 1985–1989 г.р. — 19,8%; 1990–1994 г.р. — 34,5%; 1995 г.р. и позднее — 83,2%) и по мере того, как они будут это делать, средний возраст вступления в первый брак будет повышаться.

У мужчин, по данным этого исследования, нет столь выраженной, как у женщин, поколенческой динамики среднего возраста вступления в первый брак. В отношении поколений 1970-х г.р. вообще скорее можно говорить о некотором его снижении. И только в поколении 1980–1984 г.р. средний возраст вступления в первый брак выше, чем у родившихся в 1970-е гг. У более молодых мужчин, как и у женщин, он пока ниже, но доля никогда не состоявших в браке в этих поколениях еще выше (1969 г.р. и ранее ни одного опрошенного мужчины, никогда не состоявшего в браке; 1970–1974 г.р. — 7,3%; 1975–1979 г.р. — 12,5%; 1980–1984 г.р. — 10,3%; 1985–1989 г.р. — 26,6%; 1990–1994 г.р. — 49,0%; 1995 г.р. и позднее — 88,3%), чем у женщин, так как они в среднем позже вступают в брак, и средний возраст вступления в первый брак у них существенно возрастет.

В более молодых поколениях не только повышается возраст вступления в первый брак, но и меняется отношение к его регистрации. Но, как и в отношении возраста вступления в первый брак, это проявилось главным образом у женщин (табл. 3).

Проверка наличия различий в распределениях по отношению к намерению зарегистрировать брак в зависимости от года рождения с помощью критерия Краскелла-Уоллиса для независимых выборок показала наличие раз-

Таблица 3

Намерения зарегистрировать первый брак у собирающихся вступить в него (%; социологический опрос 2019–2020 гг.)

Год рождения	Собираетесь ли вы вступить в брак? Если «да», то предполагаете ли вы зарегистрировать его?				
	нет, не предполагаю ни при каких условиях	да, предполагаю прежде, чем начать жить вместе	да, предполагаю сразу же, как начнем жить вместе	да, предполагаю, но сначала надо пожить вместе год-два и проверить свои чувства, а затем регистрировать	да, предполагаю, но только, если должен будет родиться ребенок
Женщины					
1985–1989 (N = 53)	–	47,2	11,3	39,6	1,9
1990–1994 (N = 53)	3,8	24,5	11,3	58,5	1,9
1995 и позднее (N = 337)	0,6	15,7	18,1	64,1	1,5
Мужчины					
1985–1989 (N = 41)	2,4	4,9	12,2	75,6	4,9
1990–1994 (N = 81)	1,2	17,3	18,5	55,6	7,4
1995 и позднее (N = 291)	1,7	15,5	8,6	69,8	4,5

личий в распределениях для мужчин и женщин (уровень значимости 0,05).

В табл. 3 были учтены ответы только тех респондентов, кто ответил, что собирается вступить в брак (без учета варианта ответа «трудно сказать») и у кого этот брак будет первым (т.е. на вопрос о состоянии в браке ответили, что никогда не состояли), так как отношение к регистрации первого и повторного брака может существенно различаться.

В более молодых поколениях у женщин существенно снижается доля намеревающихся зарегистрировать брак прежде, чем начать жить вместе (1985–1989 г.р. — 47,2%; 1990–1994 г.р. — 24,5%; 1995 г.р. и позднее — 15,7%), и повышается доля предполагающих регистрировать брак после того, как поживут вместе год-два и проверят свои чувства (1985–1989 г.р. — 39,6%; 1990–1994 г.р. — 58,5%; 1995 г.р. и позднее — 64,1%).

У мужчин, наоборот, доля намеревающихся зарегистрировать брак прежде, чем начать жить вместе, в поколениях 1990–1994 г.р. (17,3%) и 1995 г.р. и позднее (15,5%) выше, чем в поколении 1985–1989 г.р. (4,9%). А доля предполагающих регистрировать брак после того, как поживут вместе год-два и проверят свои чувства, у мужчин 1985–1989 г.р. (75,6%) выше, чем в поколениях 1990–1994 г.р. (55,6%) и 1995 г.р. и ранее (69,8%).

Отношение к незарегистрированным бракам в более молодых поколениях становится все более лояльным (табл. 4).

Проверка наличия различий в распределениях по отношению к незарегистрированным бракам в зависимости от года рождения с помощью критерия Краскелла-Уоллиса для независимых выборок показала наличие различий в распределениях для мужчин и женщин (уровень значимости 0,05).

У женщин в более молодых поколениях существенно повышается доля тех, кто в целом одобряет незарегистрированные браки. Если в поколении 1970–1974 г.р. таковых 21,1%, то у родившихся на 10 лет позже (1980–

Таблица 4

Отношение к незарегистрированным бракам (%; социологический опрос 2019–2020 гг.)

Год рождения	Как вы относитесь к незарегистрированным бракам, созданию семьи без регистрации супругов?				
	категорически против	в целом не одобряю	в целом одобряю	полностью поддерживаю такую организацию семейной жизни	другое
Женщины					
1969 и ранее (N = 88)	18,2	61,4	9,1	–	11,4
1970–1974 (N = 360)	15,6	46,4	21,1	11,4	5,6
1975–1979 (N = 364)	13,7	48,4	28,0	4,1	5,8
1980–1984 (N = 415)	13,5	40,2	34,9	7,0	4,3
1985–1989 (N = 434)	10,6	41,2	33,6	7,1	7,4
1990–1994 (N = 297)	9,4	36,4	40,1	9,4	4,7
1995 и позднее (N = 669)	7,3	35,6	40,8	6,7	9,6
Мужчины					
1969 и ранее (N = 51)	19,6	74,5	–	3,9	2,0
1970–1974 (N = 278)	16,2	43,9	31,7	3,6	4,7
1975–1979 (N = 317)	14,5	40,4	37,5	1,9	5,7
1980–1984 (N = 419)	11,2	39,6	33,4	9,3	6,4
1985–1989 (N = 459)	11,8	37,3	35,7	7,8	7,4
1990–1994 (N = 354)	14,4	27,4	42,9	8,8	6,5
1995 и позднее (N = 701)	9,8	27,7	46,6	8,6	7,3

1984 г.р.) 34,9%. А у родившихся в 1990-е и в начале 2000-х гг. доля одобряющих незарегистрированные браки превышает 40%, и таковых больше, чем неодобряющих их. Доля в целом неодобряющих незарегистрированные браки, наоборот, существенно снижается у более молодых женщин: 1970–1974 г.р. – 46,4%; 1980–1984 г.р. – 40,2%; 1990–1994 г.р. – 36,4%. Одновременно существенно сокращается доля женщин, которые категорически против незарегистрированных браков.

У мужчин 1990-х и начала 2000-х гг. рождения доля в целом одобряющих незарегистрированные браки, как и у женщин, превышает долю неодобряющих их. Причем это превышение более существенно, чем у женщин. В поколении 1990–1994 г.р. доля мужчин, в целом одобряющих незарегистрированные браки, составляет 42,9%, а не одобряющих – 27,7%; у мужчин 1995 г.р. и позднее – 46,6 и 27,7% соответственно. Для сравнения, в поколении 1970–1974 г.р. в целом одобряют незарегистрированные браки 31,7%, а не одобряют – 43,9%.

Заключение

Анализ таких индикаторов, как брачная структура населения, доля никогда не состоящих в браке, доля состоящих в незарегистрированном браке, возраст вступления в первый брак, отношение к незарегистрированным бракам, позволяет выявить изменение моделей брачного поведения россиян. Имеют место существенные поколенческие изменения в отношении к незарегистрированным бракам, необходимости вступления в брак. Данные переписей населения и представительных выборочных обследований позволяют получить представление об изменении отношения населения к браку: в перспективе доля людей, не вступающих в брак, окладывающих создание семьи, будет увеличиваться.

Литература

1. Захаров С.В. Куда движется супружество в России? // Демоскоп Weekly. 2013. № 545–546.

2. Рощин С.Ю., Рощина Я.М. Заключение и расторжение брака в современной России: микроэкономический анализ // Мир России. 2007. № 4. С. 113–147.

3. Вишневский А.Г. Демографическая революция меняет репродуктивную стратегию вида Homo sapiens // Демографическое обозрение. 2014. № 1. С. 6–33.

4. Lesthaeghe R., Van de Kaa D.J. (1986). Twee demografische transities? // D.J.van de Kaa, R. Lesthaeghe, eds. Bevolking: Groei en Krimp. Deventer: Van Loghum Slaterus: 9–24.

5. Mogi Ryohei, Canudas-Romo Vladimir. Expected years ever married // Demographic Research. 2018. Vol. 38. P. 1423–1456.

6. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Т. 2. Возрастно-половой состав и состояние в браке. URL: http://www.perepis2002.ru/index.html?id=31

7. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Т. 2. Возрастно-половой состав и состояние в браке. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol2/pub-02-01.pdf

8. Итоги микропереписи населения 2015 года. Возрастно-половой состав населения, принявшего участие в микропереписи, и состояние в браке. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html

9. Приказ Министерства экономического развития РФ Федеральной службы государственной статистики от 23.03.2010 № 128 «Об утверждении документов Всероссийской переписи населения 2010 года». URL: http://docs.cntd.ru/document/902215247

10. Андреев Е.М., Захаров С.В. Микроперепись – 2015 ставит под сомнение результативность мер по стимулированию рождаемости. URL: http://demoscope.ru/weekly/2017/0711/tema01.php

11. Население России 2016: двадцать четвертый ежегодный демографический доклад. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/ns_r16/acrobat/nr16.pdf

References

1. Zaharov, S.V. Where moving is conjugal state in Russia? *Demoskop Weekly.* 2013. No. 545–546.

2. Roshchin, S.Yu., Roshchina, Ya.M. Conclusion of marriage and divorce if it in contemporary Russia: micro-economic analysis. *Mir Rossii*. 2007. No. 4. P. 113–147.

3. Vishnevsky, A.G. Demography revolution changes reproduction strategy Homo sapiens. *Demograficheskoe obozrenie*. 2014. No. 1. P. 6–33.

4. Lesthaeghe, R., Van de Kaa, D.J. (1986). Twee demografische transities? D.J.van de Kaa, R. Lesthaeghe, eds. Bevolking: Groei en Krimp. Deventer: Van Loghum Slaterus: 9–24.

5. Mogi, Ryohei, Canudas-Romo, Vladimir. Expected years ever married. Demographic Research. 2018. Vol. 38. P. 1423–1456.

6. Results of all-Russian census of population in the year of 2002. Vol. 2. Age and gender composition and state in marriage. URL: http://www.perepis2002.ru/index.html?id=31

7. Results of all-Russian census of population in the year of 2010. Vol. 2. Age and no-gender composition and state in marriage. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol2/pub-02-01.pdf

8. Results of micro-census of population in the year of 2015. Age and gender composition of population, taking part in micro-census, being in marriage. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html

9. Order by Ministry of economic development of the Russian Federal servoce of statistic from 23 march 2010 No. 128 "On adaption documents of all-Russian census of the year 2010". URL: http://docs.cntd.ru/document/902215247

10. Andreev, E.M., Zakharov, S.V. Micro-census 2015 states under doubt results of measures as to stimulation birth-rate. URL: http://demoscope.ru/weekly/2017/0711/tema01.php

11. Population of Russia, 2016: Tventy fourth quaternary year-book demographical report. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/ns_r16/acrobat/nr16.pdf

ЭТНОПОЛИТИКА

Е.А. Кублицкая,
канд. филос. наук, ведущий научный сотрудник,
руководитель
Центра социологии религии
и социокультурных процессов
ИСПИ ФНИСЦ РАН
e-mail: eakubl@yandex.ru

УДК 172-054.7
DOI 10.20339/AM.11-20.054

ПРОБЛЕМА ТОЛЕРАНТНОСТИ В ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ
(на примере мониторинга столичного мегаполиса)[1]

Представлено аналитическое исследование, посвященное актуальной проблеме толерантности в межнациональных и межконфессиональных отношениях с учетом роста неконтролируемых процессов миграции. Автор использует результаты мониторинговых социологических опросов Института социально-политических исследований РАН в столичном мегаполисе.

Ключевые слова: *толерантность, миграционные процессы, межнациональная напряженность, этноконфессиональное взаимодействие.*

THE PROBLEM OF TOLERANCE IN ETHNO-CONFESSIONAL INTERACTION
(on example of monitoring Capital metropolis)

E.A. Kublitskaya is PhD in Philosophical sciences, Leading Scientific Researcher, Head of Center for Sociology of Religion and Socio-Cultural Processes at ISPR FCTAS RAS

Presented is analytical research, devoted to actual problem of tolerance in inter-ethnic and inter-faith relations, taking into account the growth of uncontrolled migration processes. The author uses results of monitoring sociological surveys of Institute of socio-political research of Russian Academy of Sciences in the Metropolitan area.

Key words: *tolerance, migration processes, interethnic tension, ethno-confessional interaction.*

[1] Основной эмпирической базой мониторинга являются социологические исследования 2014–2020 гг. в Москве (с использованием результатов КСИ 1992–2012 гг.), которые проводились в ИСПИ РАН на основе репрезентативной квотной выборки со связанными параметрами. Объем выборочной совокупности ежегодно составлял до 900 ед. Использование стандартизированной методики измерений и сопоставимых индикаторов и показателей позволило фиксировать тенденции изменений массового сознания в рамках последних лет.

Важной сферой межнациональных и межконфессиональных отношений выступают межличностные отношения. Направленность, уровень отношения основной части населения к различным идеологическим теориям, моральным и религиозным взглядам, людям разных национальностей и конфессий определяют в значительной степени общественно-политическую стабильность в регионах России и, в частности, в Москве.

Вполне закономерно предположить, что на межнациональный климат в субъекте Федерации оказывает влияние комплекс проблем, имеющих различные под собой основания: исторические, социальные, языково-культурные и др. «Риски» и «угрозы» межнациональных отношений в Москве, как показывают мониторинговые исследования ИСПИ РАН и МИСКП с 1992 г. [1], очень велики. Они свидетельствуют о том, что этническая и конфессиональная структуры мегаполиса серьезно усложнились.

Ракурс нашего исследования был сконцентрирован на изучении характера и степени проявления толерантности / интолерантности в этноконфессиональном взаимодействии коренного и некоренного населения мегаполиса. Речь идет о том, насколько выражена в межличностных отношениях так называемая «культура этноконфессиональной толерантности».

Культура толерантных этноконфессиональных отношений в наибольшей степени зависит от уровня терпимости и уважительных отношений населения к различным религиозным взглядам, конфессиям, национальностям и др. Для изучения этноконфессионального взаимодействия использовалась система показателей, характеризующая:

- факторы, препятствующие развитию толерантных отношений;
- уровень межнациональной напряженности в городе;
- отношение к религии и религиозным организациям (конфессиям);
- отношение к национальностям;
- отношение к межконфессиональным и межнациональным бракам.

Динамика межнациональной напряженности

Актуальность проблемы напряженности межнациональных отношений зафиксирована в ходе многолетних мониторинговых опросов экспертов и населения города. Результаты доказывают, что состояние межнациональных отношений в столице имеет достаточно выраженный конфликтный потенциал [2].

В мегаполисе этническая структура претерпела серьезные изменения: в настоящее время в Москве проживают до 150 национальностей и этносов. Идет резкая интенсификация притока переселенцев из регионов России, стран СНГ при одновременном естественном сокращении численности коренных жителей. По подсчетам экспертов, в Москве и Московской области находится более половины всех иммигрантов (на ЦФО приходятся примерно 68%) [3]. По сравнению с советским периодом демографической ситуации, например, численность представителей кавказских народов в Москве выросла в 20 раз.

Несмотря на то что Москва традиционно интернациональный российский город, демографическая проблема с ростом нерусского населения (армянских, грузинских, азербайджанских, чеченских, таджикских и многих других среднеазиатских и кавказских диаспор) вышла в разряд наиболее актуальных. Широкомасштабность миграционных потоков создает атмосферу, во-первых, нетерпимости, неприязни между различными этническими группами, во-вторых, противостояния между «коренными» москвичами и приезжими. Эти явления подтверждаются эмпирическими данными социологических опросов населения мегаполиса последнего десятилетия.

К этноконфессиональным факторам, дестабилизирующим социально-политическую ситуацию и провоцирующим рост межнациональной напряженности, можно отнести прежде всего:

- быстрое изменение этнической структуры мегаполиса;
- низкую степень развитости двуязычия «коренных» и «приезжих» этнических групп;
- несовместимость этнокультурных и конфессиональных традиций и обычаев коренных жителей и приезжих;
- различия социально-экономических укладов коренного населения и мигрантов из дальних регионов России и стран СНГ.

Резкое изменение национального состава за счет легальных, а по большей части нелегальных, мигрантов неизбежно привело к утрате интернациональных и добрососедских отношений со стороны коренной национальности при осознании, что ее этнический статус русских обесценивается. Проблема «русского вопроса» в условиях недоработанной национальной политики, в частности в области контроля за миграционными процессами, продолжает оставаться одной из самых актуальных в межнациональных отношениях.

Кроме того, уровень толерантности / интолерантности этих отношений напрямую связан с отражением в массовом сознании реалий повседневной жизни. Опрошенные москвичи считают, что в результате роста миграционных потоков ухудшается весь спектр жизнедеятельности: социально-бытовые условия, трудоустройство, сфера обслуживания,

образование, здравоохранение, транспортные передвижения и культурно-духовные запросы населения. Демографы доказывают, что *в столице России к концу XXI в. поколение коренных жителей, сохраняющих культурно-бытовые, исторические традиции города, возможно, практически не останется*. Действительно, социокультурные ассимиляционные возможности мегаполиса находятся на пределе.

Москвичи в рейтинге так называемых основных негативных миграционных факторов, препятствующих развитию толерантных отношений, в первую очередь указывают на *неуважительное отношение мигрантов к нормам и традициям московской культуры*. За последние годы прослеживается усиление этого негативного показателя (46% опрошенных в 2016 г. и 49% — в 2020 г.), а также на *хулиганские действия и другие нарушения общественного порядка на национальной почве, которые вносят напряженность в национальные отношения*. Так считают более трети москвичей: 36% в 2016 г., 35% — в 2020 г. Сложная криминогенная ситуация нередко приобретает этническую окраску.

Вполне закономерно, что *неприязненное отношение к мигрантам, приезжающим на работу и на постоянное место жительства в Москву,* выросло с 31% в 2016 г. до 45% в 2020 г.

Из вышесказанного можно сделать однозначный вывод: в рейтинге факторов, препятствующих развитию толерантных отношений в этноконфессиональной сфере (по оценкам населения), первое место занимают проблемы, обусловленные миграционными потоками. Закономерно, что в таких условиях Москва продолжает оставаться «лидером» межнациональной напряженности по сравнению с другими субъектами РФ.

Если сравнивать недовольных межнациональной ситуацией в Москве внутри социальных групп, то таких респондентов, естественно, больше среди коренных жителей столицы по сравнению с приезжими среди мужчин, по сравнению с женщинами, в группе молодых по сравнению с пожилыми людьми. Таким образом, можно составить **социальный портрет москвича**, *испытывающий крайнюю степень неудовлетворения состоянием межнациональных отношений в городе:* это коренной москвич, русский, мужчина от 19 до 33 лет из групп материально обеспеченных. **Социальный портрет москвича,** *считающего, что в городе спокойная межнациональная обстановка,* это некоренная москвичка, русская, старше 50 лет, с невысоким уровнем материального дохода (табл. 1).

С 2007 до 2020 г. в выборочную совокупность опросов «попадало» примерно от 46 до 60% коренных москвичей и от 40 до 54% приезжих. Обычно разница составляла 10% «в пользу» коренного населения. Тем не менее «степень укорененности» приезжих в Москве падает: если количественные показатели проживания мигрантов в 2007 г. (более 5 лет назад и менее 5 лет назад) составляли в сумме 13%, то через десять лет этот показатель составил 31%. К 2020 г. он увеличился еще на 5% (табл. 1). Конечно, это приблизительная закономерность, но тенденция интенсивного роста миграции очевидна.

Результаты социологических опросов показывают, что подавляющее число москвичей согласны с тем, что «приток мигрантов следует резко сократить».

Признавая пользу от трудовой деятельности мигрантов, москвичи тем не менее считают, что они значительно отягощают бюджет города. Отметим: среди коренных москвичей почти в два раза более респондентов полностью или частично согласны с этим мнением по сравнению с приезжими. Кроме того, очень высок удельный вес респондентов, согласных с тем, что «мигранты ухудшают криминальную ситуацию в городе». Среди коренных москвичей эта цифра достигает 70%! Эмпирические показатели, характеризующие *неприязненное отношение коренного населения к людям других национальностей, приезжающих на работу и постоянное местожительство*, постепенно снижаются, но продолжают оставаться высо-

Таблица 1

Время проживания некоренных жителей в столице (в % от всех опрошенных социальной группы приезжих в 2014–2020 гг.)

Временные периоды	Мигранты					
	2014	2015	2016	2017	2018	2020
Более 20 лет назад	35	39	51	39	39	37
Более 10 лет назад	29	27	30	30	34	27
Более 5 лет назад	16	17	9	13	16	13
Менее 5 лет назад	19	17	10	18	10	23

Источник: Центр социологии религии и социокультурных процессов ИСПИ РАН

ками. В 2007 г. 52% москвичей сталкивались с подобными фактами, в 2020 г. — 44% (табл. 2).

Представим показатели интолерантности в этноконфессиональном взаимодействии коренных жителей столицы и приезжих групп населения (рис.).

С хулиганскими действиями и другими нарушениями общественного порядка на национальной почве приходилось сталкиваться около половине горожан: 56% опрошенного населения в 2007 г. и 35% — в 2020 г. Возможные «взрывные точки межнациональной напряжен-

Таблица 2

Показатели интолерантности в этноконфессиональном взаимодействии коренных жителей столицы и приезжих групп населения (в % от всех опрошенных и типологических групп), 2018–2020 гг.

	ТЕЗИСЫ	Население		Коренные москвичи		Приезжие	
		2018	2020	2018	2020	2018	2020
1	В настоящее время имеет место ущемление прав некоторых национальностей за счет расширения прав других национальностей	40	45	42	47	40	42
2	Приходилось в повседневной жизни сталкиваться с фактами вытеснения коренных жителей с рабочих мест	24	17	29	20	19	13
3	Приходилось в повседневной жизни сталкиваться с фактами неуважительного отношения мигрантов к нормам и традициям московской культуры	56	48	59	51	51	44
4	Есть национальности, к которым я испытываю неприязнь	31	30	33	33	26	25
5	Есть религии и религиозные организации, к которым я испытываю неприязнь	29	25	30	27	27	22
6	У меня отрицательное отношение, если кто-то из моих близких родственников желает вступить в брак с человеком другой национальности	11	12	12	14	9	9
7	У меня отрицательное отношение, если кто-то из моих близких родственников желает вступить в брак с человеком другого вероисповедания	15	17	15	19	16	15

Источник: Центр социологии религии и социокультурных процессов ИСПИ РАН

Рис. Показатели интоллерантности (в % от опрошенных в типологических группах) в 2020 г.

ности»: это рынки, магазины, городской транспорт, сфера обслуживания.

Следует отметить, что ряд факторов, влияющих на неприязненное отношение коренных жителей к мигрантам, постепенно теряют свою актуальность, так как идет их снижение в количественных показателях:

- назначение на руководящие или престижные должности по национальному признаку;
- прием на работу (учебу) по национальному признаку;
- использование религии и чувств верующих для возбуждения вражды между людьми других национальностей.

Важными факторами интолерантности в этноконфессиональном взаимодействии москвичей остаются (см. сводную табл. 2) «неуважительное отношение мигрантов к нормам, традициям московской культуры», т.е. ментальности коренного населения (за 14 лет этот показатель не изменился и остался на уровне 48%, значительная разница по этому вопросу между коренными жителями и мигрантами 59 и 44% соответственно), а также то, что «в повседневной жизни сталкиваются с фактами вытеснения коренных жителей с рабочих мест». 20% коренных москвичей отметили данную позицию и только 13% мигрантов согласны с этим мнением.

Заканчивая краткую характеристику межнациональной обстановки мегаполиса, отметим, что основной причиной межнациональной напряженности в мегаполисе является прежде всего *нарушение сложившихся норм и традиций проживания со стороны мигрантов, чем «врожденное» чувство национальной нетерпимости коренных жителей*.

Этноконфессиональная толерантность / интолерантность

Отметим главное: население Москвы продолжает оставаться достаточно терпимым к различным религиозным взглядам и религиям [4]. Уровень межконфессиональной толерантности жителей города с 2014 по 2020 г. колеблется между 70 и 75%.

Исследование в 2020 г. показало, что «испытывают неприязнь к некоторым религиям и религиозным организациям» 25% москвичей. Уровень межнациональной интолерантности населения города несколько выше: «испытывают неприязнь к некоторым национальностям» 30%.

Следует учитывать при сравнительном анализе изучаемых групп, что ***специфика взаимодействия конфессионального и национального*** *напрямую связана с ущемлением прав какой-либо национальности, с очевидной угрозой (потере) ее национальной самобытности и риском уничтожения культурного менталитета: культурных традиций и обычаев этого народа.*

Около половины коренных жителей столицы считают, что «в настоящее время имеет место ущемление прав некоторых национальностей за счет расширения прав других национальностей». Среди мигрантов таковых 42%.

Вполне закономерно, что в указанных типологических группах («коренные москвичи» и «приезжие») фиксируется различие по степени толерантности в этноконфессиональном взаимодействии. В сводной табл. 2 представлены показатели уровня интолерантности типологических групп на основании оценок тезисов и утверждений, связанных с миграционными процессами, национальными и религиозными отношениями. Эмпирические данные в таблице доказывают, что первая группа по показателям интолерантности имеет более скептические характеристики по сравнению со второй группой:

- испытывают неприязнь к некоторым религиям и религиозным организациям (27 и 22% соответственно);
- испытывают неприязнь к некоторым национальностям (33 и 25% соответственно).

Отношение населения к межконфессиональным и межнациональным бракам

В целом по массиву в 2020 г. лишь 17% населения отметили крайний этноцентристский показатель. «Отрицательно отнесусь, если кто-то из моих родственников желает вступить в брак с человеком другого вероисповедания», а 12% указали, что «отрицательно отнесутся, если кто-то из родственников пожелает вступить в брак с человеком другой национальности».

Установки на этноцентризм, национальную исключительность и конфессиональную исключительность (приверженность к мононациональным и моноконфессиональным бракам) также присущи в чуть большей степени коренным жителям столицы, *пытающимися сохранять менталитет, культурные традиции и обычаи москвичей* (см. сводную табл. 2).

Заключение

Подводя общий итог, отметим, что только при длительном опыте межэтнического общения приобретаются

знания об особенностях культуры, религиозных традиций, социально-этических норм поведения *других* конфессиональных и этнических групп. Эти знания способствуют развитию навыков межэтнического и межконфессионального взаимодействия.

Существующие стереотипы мышления представителей различных этносов и конфессий постепенно сглаживаются, ассимилируются. Объективно процесс межэтнической интегрированности некоренных жителей столицы (мигрантов) в условиях включенности в систематическое межличностное общение и длительного проживания на ограниченной территории должен привести к росту толерантности и взаимного уважения в этноконфессиональном взаимодействии.

Литература

1. Кублицкая Е.А., Кузнецова А.В. Москвичи об актуальных проблемах города (по результатам социологических исследований). М., 2003.

2. Кублицкая Е.А. Социальное самочувствие населения мегаполиса в социально-экономической сфере (социологический мониторинг) // Россия: Центр и регионы. 2018. № 26. С. 76–100.

3. Социальные факторы консолидации российского общества. М., 2010. С. 212.

4. Кублицкая Е.А. Проблема толерантности в межнациональных и этноконфессиональных отношениях (опыт социологических исследований в столичном мегаполисе) // Государство. Религия. Церковь. 2010. № 4. С. 97–104.

References

1. Kublitskaya, E.A., Kuznetsova, A.V. Moscow citizens about actual problems of the city (on results of sociological research). Moscow, 2003.

2. Kublitskaya, E.A. Social general state of population of megapolis in social-economic sphere (sociological monitoring). *Russia: Center and Regions*. 2018. No. 26. P. 76–100.

3. Social factors of consolidation of Russian society. Moscow, 2010. P. 212.

4. Kublitskaya, E.A. The problem of tolerance in inter-national and ethno-confessional relations (experience of sociological research in the Capital in Megapolis). *State. Religion. Church*. 2010. No. 4. P. 97–104.

А.М. Хатухов,
канд. биол. наук, доц.,
Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова
e-mail: bsk@kbsu.ru
Ф.Ж. Берова,
д-р экон. наук., вед. науч. сотрудник
Институт информатики и проблем регионального управления Кабардино-Балкарского научного центра РАН
e-mail: berova@list.ru

УДК 35-9
DOI 10.20339/AM.11-20.060

БАССЕЙНОВЫЙ ПРИНЦИП АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ДЕЛЕНИЯ КАК АЛЬТЕРНАТИВА СОВРЕМЕННОМУ РАССЕЛЕНИЮ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ

На основе комплексного (историко-демографического, эколого-географического и экономического) подхода обсуждена проблема административно-территориального деления (АТД) одной из национальных республик Северного Кавказа — Кабардино-Балкарской Республики. Использованы данные переписи населения разных лет, научные труды по обсуждаемой теме и собственные материалы авторов по геоэкологии и демографии КБР. Показана архаичность АТД КБР по этнополитическому принципу, утверждается, что такое деление территории республики является наследием колониальной политики России на Северном Кавказе в XIX в. и командно-административной системы советского периода XX в. С опорой на исторические сведения освещены истоки расчленения предшественницы КБР — исторической Кабарды (до 1922 г.) по этнополитическому принципу как одного из инструментов решения военно-стратегической задачи ее ослабления и «умиротворения». Отторжение и заселение русскими колонистами равнинной части Кабарды и перераспределение колониальной администрацией оставшейся территории между двумя этническими группами (кабардинцами и балкарцами) с ущемлением одной стороны и поощрением другой создало «трехэтажную» противоречивую конструкцию: одни на равнине, другие в предгорье, третьи в горах. Такое деление окончательно утвердилось в результате территориальной реформы 1920-х гг., продолжая до сих пор составлять формальную основу АТД КБР. Этот факт, а также закрепление искусственного раздела Кабарды в двойном названии Кабардино-Балкария периодически становится поводом демонстрации показных сепаратистских настроений. Результаты данного исследования свидетельствуют, что к концу XX в. вследствие перераспределения населения и интеграционных процессов этническая карта КБР пришла в противоречие с АТД по этнополитическому принципу. С учетом этого как альтернатива предлагается и обосновывается новый вариант АТД КБР по бассейновому принципу, снимающему порожденные прежним делением межэтнические противоречия и гарантирующему устойчивое развитие республики. Актуальность исследования обусловлена тем, что несовершенство АТД Кабардино-Балкарской Республики как причина межэтнических противоречий до сих пор не стала предметом специ-ального исследования. Принятие бассейнового принципа за основу АТД КБР с учреждением 5 районов вместо 10 нынешних, снимая созданные этнополитическим делением проблемы, будет способствовать ее устойчивому развитию и сохранению уникальной природы одного из горных курортов страны.

Ключевые слова: *Северный Кавказ, Кабардино-Балкарская Республика, этническая карта, административно-территориальное деление, бассейновый принцип, устойчивое развитие.*

RIVER BASIN PRINCIPLE OF ADMINISTRATIVE TERRITORIAL DIVISION AS AN ALTERNATIVE FOR MODERN SETTLEMENT OF ETHNIC GROUPS OF POPULATION IN KABARDINO-BALKARIA

A.M. Khatukhov is Cand.Sci. (Biology), Ass. Prof. at Kabardino-Balkarian State University n.a. H.M. Berbekov; and **F.Zh. Berova** is Dr.Sci. (Economics), Leading Researcher at Institute of Informatics and Problems of Regional Management of Kabardino-Balkarian Scientific Center of RAS

Discussed is the problem of complex (historical-demographical, ecological-geographical and economical) administrative-territorial division (ATD) of one of national republics of the North Caucasus, i.e. Kabardino-Balkaria Republic (KBR), based on a comprehensive approach. Data on population censuses of different years, scientific works on discussed topic and the authors own materials on geo-ecology and demography of KBR were used. The archaic character of ATD of the region according to ethnopolitical principle is shown, and it is argued, that such a division of the republic's territory is a legacy of Russia's colonial policy in the North Caucasus in the 19th century, and the command and administrative system of the Soviet period in the 20th century. Based on historical information, sources of dismemberment of the predecessor of the KBR, i.e. Kabarda (the name up to 1922) on ethno-political principle as one of the tools for solving the military-strategic task of weakening and "appeasing" are highlighted. Rejection and occupation by Russian colonists of the plain part of Kabarda and redistribution by colonial administration of remaining territory between two indigenous ethnic groups (Kabardins and Balkars) with infringement of one side and encouragement of other created a "three-story" contradictory structure: one on the plain, others on the foothills, others on the foothills in the mountains. Such a division was finally established as a result of administrative-territorial reform of the 1920s and continues to form the formal basis of ATD of KBR. This fact, as well as consolidation of artificial division of Kabarda in the double name of the republic (Kabardino-Balkaria) periodically becomes occasion for demonstration of ostentatious separatist sentiments. Results of this study indicate, that by the end of the 20th century, due to redistribution of population and integration processes, the ethnic map of KBR came into conflict with the ATD on ethno-political basis. With this in mind, a new version of ATD of KBR, based on basin principle is proposed and justified, removing interethnic contradictions, generated by previous division and guaranteeing sustainable development of the republic. Relevance of the study is in the imperfection of ATD of the Kabardino-Balkarian Republic, as the cause of interethnic contradictions has not yet become the subject of a special study. Thus, adoption of the basin principle as the basis of the ATD with establishment of 5th districts instead of the current 10th would remove problems, created by ethno-political division and contribute to sustainable development and preservation of unique nature of one of mountain resorts of the country.

Key words: *North Caucasus, Kabardino-Balkaria Republic, population, ethno-political fragmentation, administrative-territorial division, basin principle, sustainable development.*

Введение

Несовершенство принципа национально-территориального федерализма признается общегосударственной проблемой РФ, а ее решение видится в постепенном отказе от национально-территориального административного устройства, проведении политики административного укрупнения субъектов РФ и уточнении возможности национально-культурной автономии [1]. Приложение национального принципа устройства территории к такому небольшому субъекту РФ, как Кабардино-Балкарская Республика (КБР), создает массу разнообразных, порой трудноразрешимых проблем.

Данная тема в Кабардино-Балкарии актуальна тем, что она лейтмотивом проходит через всю жизнь титульных народов республики — кабардинцев и балкарцев — вплоть до сегодняшнего дня, вызывая споры (часто на мифологических и волюнтаристских представлениях) по земельным границам и земельной собственности, оценке их прошлого и настоящего состояния [2]. Одна из причин этой постоянно «тлеющей» проблемы — некогда состоявшийся раздел исторической Кабарды (название КБР до 1922 г.) по этнополитическому принципу. Сохраненный в современном административно-территориальном делении (АТД), он подспудно подпитывает межнациональное недоверие и сепаратистские настроения, вызывает соблазн использовать компромиссное советское название республики «Кабардино-Балкария» для отчуждения отдельной «Балкарии». При этом одна сторона объяв-

ляется «истинными» горцами и непосредственными владельцами горной части республики [3].

Трансформация этнической карты населения КБР в наши дни зашла настолько далеко, что не осталось ни причин, ни реальных возможностей возврата к исходным этническим границам, а тем более в новых границах. Как показывают социологические исследования [4], в иерархии ценностей современного кабардино-балкарского общества экономические ценности заняли доминирующее положение, далеко оттеснив этнические и политические.

Современная Кабардино-Балкария окончательно сформировалась как глубоко интегрированная многонациональная республика. Произошла модернизация и унификация образа жизни населения с развитием множества общих черт как адаптация к складывавшимся непростым жизненным обстоятельствам. Знание этапов становления этнической структуры населения и динамики его расселения, приведших к нынешнему состоянию, послужит не только удовлетворению простого любопытства, но и будет весьма полезным практическим руководством для понимания настоящего и заботы о стабильном будущем.

Цель настоящей работы — дать объективную картину расселения этнических групп населения Кабардино-Балкарии в хронологическом аспекте, показать искусственность и архаичность АТД КБР по этнополитическому принципу и актуальность новых организационно-управленческих решений сообразно представлениям об устойчивом развитии.

Материалы и методы исследования. Материалом послужили статистические данные по переписи населения КБР разных лет, научные труды, имеющие отношение к обсуждаемой теме, а также собственные материалы по геоэкологии и демографии территории. Анализ собранного материала проведен на принципах историзма и объективизма с использованием системного подхода. Расчет площадей административных районов осуществлен с использованием компьютерной программы САПР AutoCAD.

Общие сведения о КБР

Республика входит в состав СКФО. Занимаемая площадь 12,5 тыс. кв. км. Численность населения 858 956 человек, в том числе кабардинцев (самоназвание адыгэ, иноназвание черкес) — 490 270 (57,8%), русских — 192 956 (22,46%), балкарцев (самоназвание малкарлары и таулы) — 108 477 (12,63%), прочих — 67 253 (7,83%). Средняя плотность населения 68,72 чел./кв. км. Городское население составляет 52,16%. Административный центр Нальчик с населением 239 040 человек расположен у подножья пояса широколиственных лесов на высоте около 500 м над у. м.

Территория республики лежит в пределах Центрального Кавказа и делится на три геоморфологические зоны: горную (51%), предгорную (16%) и равнинную (33%). Селитебная зона охватывает пределы высот от равнины (150 м) до высокогорья (2144 м над у. м.) с концентрацией населения (более 90%) в наиболее оптимальной для жизнедеятельности предгорно-низкогорной полосе от 200 до 1000 м. В собственно высокогорную зону (выше 2000 м) выходит единственное постоянное поселение Терскол (1200 человек). Практически лишенная естественной гидрографической сети значительная часть равнины (сухостепная зона) также имеет редкие села преимущественно вдоль двух магистральных оросительных каналов. Абсолютное большинство населения сосредоточено в крупных населенных пунктах. Имеются и малые поселения в несколько десятков и сотен человек в виде русских хуторов на равнине и балкарских сел в горах.

Современное АТД деление включает три городских округа (Нальчик, Баксан, Прохладный), 10 неравнозначных как по размерам, так и плотности населения муниципальных районов, 112 сельских и 7 городских поселений.

Истоки фрагментации Кабардино-Балкарии

Экскурс в историю национально-территориального устройства КБР свидетельствует о том, что оно формировалось как навязанная извне силовая конструкция с заложенным в ней национальным изоляционизмом. Расчленение исторической Кабарды по этнополитическому принципу явилось инструментом насильственной ее интеграции в политическую и административную систему Российской империи [5], а не итогом мирного саморазвития территории. Сужение территории расселения кабардинцев с наделением национальными наделами пришлого русского и малоземельного горного балкарского населения, согласно стратегическому плану покорения Кабарды, должно было привести к ее ослаблению и «умиротворению».

Формирование современной сети поселений в Кабарде и появление русского населения в виде казачьих станиц и крестьянских хуторов соотносится с периодом военной (вторая половина XVIII в.) и аграрной (вторая половина XIX в.) колонизациями региона [6]. Пришлое население — казачество и крестьяне из южнорусских и украинских степей — осело на привычном для себя степном

ландшафте равнины под защитой укрепленной «Кавказской линии», которая надолго отделила себя от кабардинских сел, заодно лишившихся в связи с этим своих зимних пастбищ. Отсюда проистекают два изначально «русских» административных района (нынешние Прохладненский и Майский районы).

Процесс интеграции Кабарды в Российскую империю этим не ограничился: он запустил неестественно быстрыми темпами перестройку земельных отношений и перераспределение внутри оставшейся территории туземного населения — самих кабардинцев и «Пяти горских обществ Кабарды», позже известных под собирательным русским названием «балкарцы». В расселении этих обществ с того времени возобладала поощряемая царской администрацией тенденция освоения нижележащих кабардинских земель. Аграрная перенаселенность, усугубленная отменой к тому времени крепостного права и образованием значительного числа безземельных крестьян, в условиях ограниченной емкости мест проживания в разрозненных межгорных котловинах и практическое отсутствие своего зернового хозяйства (пребывание в «мальтузианской ловушке») объективно толкали эту часть населения Кабарды к расширению своего жизненного пространства.

С упразднением централизованной местной власти (1822) и переходом роли распорядителя земельным фондом Кабарды к царской администрации прежние традиционные формы решения проблемы земельного голода горских обществ сменились волюнтаристским подходом. Проведенная царской администрацией поземельная реформа в Кабарде (1863–1869) стала продолжением стеснения кабардинского населения [7].

Примечательно, что земельные приращения балкарской стороне за счет кабардинских земель в царское время имели характер землепользования в пределах единого территориального образования [8]. Однако с наступлением советской эпохи они обрели статус административно закрепленных этнических территорий с консервацией пограничной проблемы. По мнению исследователей [9], придание территориям землепользования этнического статуса в советский период якобы для целей развития северокавказских народов не улучшило, а, наоборот, нарушило и обострило межнациональные отношения.

В Кабарде идеи революции 1917 г. еще более подтолкнули балкарских лидеров к стремлению «уравняться землей с кабардинцами» теперь уже с опорой на Советскую власть для создания собственной автономии [10]. Однако полная экономическая зависимость от кабардинского соседа, изменение уклада хозяйственной жизни балкарцев, сопровождавшееся поощряемым молодым советским государством как решение социально-экономических проблем горцев постепенным их переселением на равнину подвели к единственно возможному варианту решения проблемы, отразившему чаяния обеих сторон.

Земельная дискуссия 1920-х гг. завершилась компромиссным решением — преобразованием ранее созданной Кабардинской автономной области (1921) в Кабардино-Балкарскую автономную область (1922) с «Балкарским районом» [10]. Суть компромисса, в основе которого лежит объективно неустранимая географическая связность территории, состояла во взаимном признании как земельных интересов и нужд балкарского населения, так и исторических прав Кабарды на свою территорию [5]. Балкарский район позже был поделен на 4 района (1936), упраздненных в связи с депортацией балкарцев (1944). Два «балкарских» района были вновь воссозданы в 1994 г.

В плане этнического размежевания заслуживает внимания тот факт, что с созданием в 1922 г. Кабардино-Балкарской автономной области состоялось официальное признание кабардинцев и балкарцев как отдельных народов, повлекшее укрепление этнокультурных границ между ними [11]. Этим уникальным по своей абсурдности актом кабардинцы отсекались от своего всеадыгского (черкесского) этнического массива [12]. Напротив, «Пять горских обществ Кабарды» получили возможность официально заявить о своей коллективной идентичности и предстать как единство, разделяющее общее русское название «балкарцы». Равно возникла как номинативное замещение «Пяти горских обществ Кабарды» этническая категория «Балкария».

На фоне разделительных мероприятий среди туземного населения в отношении колонистов проводилась диаметрально противоположная политика ликвидации этнокультурных границ. Поначалу пришлое население было разнородным в отношении как языковом (русские, украинцы), так и социальном (казаки, крестьяне, «иногородние», отставные военные и прочие). Однако этническая идентичность (восточные славяне), религиозное единство, общность целевых установок по освоению края, а также жесткая государственная политика в советский период нивелировали исходные различия, унифицировав всех колонистов как русских [11] в противовес местному населению.

Таким образом, путем целенаправленных усилий в русле классического конструктивизма была сформирована вертикальная этническая триада: «горные балкарцы»,

«предгорные кабардинцы» и «равнинные русские». Заданное в период вхождения Кабарды в Российскую империю, преследовавшее прежде всего военно-политические цели деление окончательно закрепилось в результате административно-территориальной реформы 1920-х гг. в административно-командной системе. Оно продолжает составлять основу современного АТД КБР, хотя многие процессы с трудом вписываются в нее в силу произошедших за прошедшее время подвижек [13].

Современное расселение населения КБР

Демаркация границ традиционного проживания кабардинцев и балкарцев поземельной комиссией в 1864 г., утвержденная на высочайшем уровне, вспоминается лишь как эпизод истории взаимоотношений двух сосуществующих этносов. Она носила, скорее, формальный характер, так как не имела реальных последствий для дальнейшего расселения населения.

Кабардино-Балкария и в советский период оставалась одним из самых динамичных регионов страны в плане миграции и перераспределения населения [14]. Имевшие место значительные преобразования социально-экономического и политического характера оставили глубокий отпечаток на демографические процессы в КБР. Так, депортация балкарцев в 1944 г. и их возвращение в 1957 г. в корне перекроило этническую карту КБР: вернувшиеся на историческую родину балкарцы не стали возвращаться в экстремальное высокогорье, а расселились ниже мест своего прежнего проживания [6]. Более того, по переписи 1989 г., 58,7% балкарцев стали городскими жителями, уступив в этом только русским.

К настоящему времени 44,1% балкарского населения республики разместилось в городском округе Нальчик [15]. В результате на вновь воспроизведенные в 1994 г. два горные «балкарские» района приходится только 38,7% от всего количества балкарцев. При этом плотность населения в этих районах (19,4 и 12,3 чел./кв. км) по сравнению с таковой среднереспубликанской и отдельных районов в разы, а то и на порядок меньше.

В постсоветский период экономические трудности и открывшиеся возможности свободного выбора места проживания и работы дали небывалый всплеск подвижности населения. Во внутриреспубликанской миграции это проявляется в усилении депопуляции гор и бесперспективных сел засушливой равнины. Историческое движение «горных» балкарцев на нижележащие территории, включая и «русскую» равнину, продолжается как масштабная реализация свободы выбора местожительства в КБР.

Если учитывать, что в документах прошлого как граница «Пяти горских обществ Кабарды» обычно указывается «кабардинский лес» (высотный пояс горных лесов) [16], верхний предел которого лежит не ниже 1600–1700 м [17], на сегодня в исходном «балкарском» ареале остались всего 6772 человека (0,91% населения КБР). Если даже принять их всех за балкарцев, то это составляет лишь 6,24% балкарского населения КБР. По сути, речь не идет о давлении избыточной массы балкарского населения и расширении балкарского ареала, а об исходе балкарцев с «территории предков». Произошел своеобразный «размыв» территории проживания балкарцев [14]. При такой подвижности населения пытаться конструировать нечто вечное в виде этнических границ, выводить право собственности на ту или иную часть КБР из одного факта проживания на ней вряд ли оправдано.

Знание истинного хода совсем недавних по историческим меркам демографических процессов, а также современных тенденций расселения населения навсегда снимает вопрос об этнических границах в КБР [18; 19]. При этом возможность автономии балкарского общества никогда не ставилась под сомнение, а по современным канонам демократии не должна ставиться в зависимость от его экономической состоятельности. Однако переселение балкарцев на территорию проживания своего соседа можно трактовать не иначе как их добровольный выбор (так оно и есть) и желание жить вместе с кабардинцами, русскими и представителями других народов в едином территориальном образование КБР.

В основе депопуляции гор лежит объективная причина, а именно неспособность традиционных систем природопользования и производства товаров потребления в горах конкурировать с современными инновационными технологиями урбанизированных равнин. Удельный вес промышленной продукции горной части в общем объеме промышленного производства КБР еще до его нынешнего упадка составлял всего 6,9% [20]. Реорганизация сельского хозяйства привела к опустению горных пастбищ, и львиная доля животноводческой продукции сегодня производится за счет пашни, почти целиком лежащей в равнинно-предгорной зоне.

Для республик Северного Кавказа, где горы составляют более половины территории, а доля их участия в экономическом балансе не превышает 1–5%, отток населения гор является общей закономерностью [21].

Так, в соседней Осетии (РСО-Алания) в горах остались всего 2% населения, еще меньше процент вырабатываемого там совокупного валового продукта [22]. В этой республике население гор с 1914 по 2006 г. сократилось почти в 4,5 раза: с 47 613 до 10 700 человек [23]. В соседней республике (Карачаево-Черкесии) наблюдается аналогичная картина: высокогорье испытывает отток населения с ростом его численности в зоне до высоты 700 м [13]. Попытка освоения гор городскими методами в КБР даже в относительно комфортных условиях (теплых и сухих) котловины Северо-Юрской депрессии, находящейся в зоне «дождевой тени» прикрывающих хребтов, закончилась практически безуспешно (опыт бывшего горняцкого города Тырныауз). Формирующаяся в ограниченных межгорных котловинах рекреационная индустрия из-за низкой их емкости также не может стать поводом для широкого возвращения населения в горы.

Наблюдаемый ход депопуляции гор согласуется с общемировой тенденцией: глобальное население Земли локализовано на низких высотах («средний» человек живет на высоте 194 м над у. м.), количество людей экспоненциально уменьшается с увеличением высоты местности [24]. С учетом такой тенденции в развитых странах ставится лишь задача сохранения соответствующей инфраструктуры, культурно-исторических объектов, памятников природы и др. [23]. В этом процессе видится также отражение тенденции развития человеческой популяции в современном мире, направленной на рост уровня благосостояния каждого человека в добровольно выбираемых им местах [25]. Поскольку географический фактор определяет пространственные изменения в уровне реальных доходов и расходов за счет выгодности расположения, ныне большинство людей живет там, где не родилось. Эта глобальная тенденция выбора местожительства по своему желанию, судя по опыту передовых стран, усиливается по мере внедрения новых информационных технологий, производящих высокомобильные ценные товары и услуги вне зависимости от географического фактора.

Характер распределения населения определяется не одним лишь географическим фактором, а воздействием на него целого комплекса таковых [26]. Так, для русского населения КБР советский период отмечен резким скачком численности за счет иммиграции, которая долгие годы оставалась главным фактором роста населения республики [20] и одновременно ускоренной урбанизации [27].

Если в 1920-х гг. доля этой части населения составляла всего около 17%, то в 1970-х она превысила 30%. Советская волна мигрантов, вызванная нехваткой специалистов и квалифицированных рабочих для индустриализации республики, способствовала трансформации русского населения КБР в преимущественно городское население (70%). Вариант этнокультурной границы «городские русские — сельские местные» существовал до урбанизации местного населения. На пике урбанизации 1965–1975 гг. механический прирост превышал естественный в 1,7 раза, составляя в среднем 5,8 и 3,5 тыс. человек соответственно. В итоге за 1959–1979 гг. городское население в КБР при среднегодовых темпах его прироста в 4,4% увеличилось в 2,4 раза преимущественно за счет иммиграции. Русские мигранты того периода оседали не только на равнине и предгорье, но и осваивали горняцкий город Тырныауз и рекреационную зону Приэльбрусья.

Новая картина размещения русского населения республики отличается от исходного состояния. К настоящему времени в изначально «русских» районах (Прохладненский и Майский) проживают 51,1%, при этом преобладающая часть из этого числа (87,33%) в городах-райцентрах (Прохладном и Майском). Более трети (35,78%) живет в г. Нальчик. В Приэльбрусье, включая бывший горняцкий город Тырныауз, а также вышележащую рекреационную зону, проживает 2,7%. Остальная часть расселилась преимущественно в других райцентрах и крупных населенных пунктах, расположенных недалеко от Нальчика.

Индустриализация республики ускорила урбанизацию и коренного населения, так что к 1979 г. впервые городское население превысило сельское, достигнув в 1991 г. 61,5%. Участие небольших городов-райцентров в процессе урбанизации было весьма скромным по сравнению с явно доминирующей ролью столичного города Нальчик. Тяготение всех этнических групп населения к промышленному и культурному центру — столице республики (около 30% населения на 2019 г.) продолжает сохраняться. В постсоветский период этому способствует в том числе существенное снижение спроса на трудовые ресурсы в сельском хозяйстве вследствие смены формы хозяйствования и внедрения все более совершенных технологий.

Таким образом, заложенное еще в XIX в. прежнее «поэтажное» высотное расслоение трех основных этнических групп КБР сменилось их преимущественно совместным проживанием (более 90% населения) с тенденцией дисперсного расселения в наиболее благоприятной природно-климатической высотной зоне 200–1000 м (табл. 1).

Таблица 1

Распределение населения КБР по высотным поясам

Параметр	Высота над уровнем моря, м					
	150–200	200–500	500–1000	1000–1500	1500–2000	2144
Численность, *человек*	15 110	67 4422	134 391	28 261	5634	1138
Доля, *в процентах*	1,76	78,52	15.64	3,26	0,66	0,13

При этом свыше 80% населения разместились до высоты около 500 м, что, судя по данным [26], совпадает с общемировым трендом. Вектор сгущения населения (60,81%) всегда был направлен к предгорью — переходной полосе на стыке равнины и гор (300–700 м), где представлены благоприятные для многоотраслевой экономики условия и разместился культурный и экономический центр Нальчик с перспективой преобразования в городскую агломерацию. Здесь плотность населения с конца XIX в. увеличилась более чем в 9 раз [6], достигнув 162,34 чел./кв. км к настоящему времени (Урванский район). Эта полоса в центре республики всегда оставалась зоной стабильного роста численности населения и ядром формирования полиэтнического массива с нарастающим притоком мигрантов сверху, снизу и извне.

Напротив, периферия (засушливая равнина и горы) подвержена депопуляции. Доля населения равнины (1,76%) до высоты 200 м и горной зоны выше 1000 м (около 4%) по сравнению с 1889 г. в наши дни сократилась в 1,6 и 3 раза соответственно. Депопуляция периферии сопровождается такими ее признаками, как увеличение среднего возраста населения и сокращение доли возрастной группы 0–14 лет. Так, средний возраст в горах составляет около 36 лет, на засушливой равнине доходит до 36–38 лет, в то время как в предгорье (зона оптимума) он равен 33–34 годам. Доля указанной возрастной группы в первых двух пунктах равна около 19 и 20% соответственно, а в предгорье превышает 22%.

В депопуляции гор видится определенный положительный аспект с позиции сохранения экологии гор как очагов и рефугиумов биоразнообразия — источника необходимого качества среды обитания. Как известно, чрезмерное присутствие населения и его хозяйственная деятельность выступают мощным стресс-фактором для уязвимой природы гор. Так, возвращение в 1957 г. части депортированного в 1944 г. балкарского населения в высокогорье значительно сократило численность эндемичного кавказского тура, возросшую было за время его отсутствия [28]. Поэтому, сохраняя пастбищную функцию для традиционного отгонного животноводства и развивая новую рекреационную индустрию общегосударственного значения в рамках экологически дозволенного, целесообразно учредить среднегорье-высокогорье КБР как зону резерва экологической стабильности.

В связи с этим целесообразно ограничить селитебную территорию до высоты ниже 1000 м, как она и складывается в последнее время. Нет сомнения, что в перспективе социально-экономическое преуспевание республики во многом будет определяться рациональным использованием ее горной части.

Бассейновый принцип АТД как альтернатива

Некогда заданная национально-территориальная фрагментация Кабардино-Балкарии по градиенту высоты местности перестала соответствовать современной этнической карте республики и изжила себя в связи с исчерпанием вызвавших ее проблем. Кроме того, несовершенство современного административно-территориального устройства КБР по этнополитическому принципу все отчетливее вырисовывается в связи распространением системного подхода в вопросах природопользования и осознанием необходимости совместного решения экономических и экологических проблем. Однако окончательному принятию этих очевидных фактов мешает номинально сохраняющееся этническое межевание территории.

К формальным недостаткам АТД КБР можно отнести диспропорцию районов с кратным различием по площади (в 6 раз), численности и плотности населения (2,5 и 13 раз соответственно). С другой стороны, фрагментация территории с национальной окраской отдельных ее частей препятствует восприятию КБР как единого жизненного пространства и формированию у населения ответственного отношения за экологическое благополучие всего ее ландшафтного покрова. К примеру, отмечены случаи избавления горных сел от твердых бытовых и иных отходов жизнедеятельности сплавлением их вниз по бурным рекам.

Фантом этнических границ может вести к рецидиву и старых проблем. В частности, он может стать, как это было в 1920-е гг., поводом для односторонних притязаний на высокогорные пастбища традиционного отгонного животноводства по причине простого соседства с ними (теперь со ссылкой на Федеральный закон от 06.10.2003 № ФЗ-131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской федерации»).

Между тем, история освоения этих пастбищ слишком далека от современности, чтобы из реалий сегодняшнего дня судить о «настоящих» их хозяевах. Еще во II тысячелетии до н.э. сложился общекавказский тип отгонного животноводства, дошедший до наших дней как одно из главных направлений освоения человеком высокогорных районов и классический образец единства хозяйственной жизни горных и равнинных территорий Кавказа [29]. Десять современных районов стали избыточны в связи с утратой прежней основной роли районного звена управления как организатора деятельности десятка колхозов, ушедших ныне в историю в связи со сменой форм хозяйствования. Все это побуждает к поиску новых стабилизирующих форм общежития в русле общегосударственных тенденций. Особой заботой при этом должно стать сохранение среды обитания как непременного условия существования народа КБР. Будущее «малых» народов видится не столько в «абсолютном суверенитете», сколько в достойном экономическом и экологическом обеспечении жизни этих народов [30].

Действенным механизмом снятия клубка противоречий, порожденных этнополитическим делением КБР, и обеспечения дальнейшего устойчивого развития мог бы стать переход на адекватный сложившимся реалиям бассейновый принцип АТД республики [31–33]. По ряду показателей КБР является идеальным полигоном для такого перехода. Субширотно простирающиеся параллельные горные хребты, прорезанные субмеридионально ориентированными глубокими ущельями рек, создают экологический каркас республики, естественным образом поделенный на бассейны основных ледниковых рек — притоков Терека. При этом все основные реки от истока до устья лежат целиком в пределах КБР (максимальная длина самой протяженной из них составляет всего 210 км). Этим жестким географическим фактором определяются расселение населения и размещение его хозяйственной деятельности по долинам основных рек республики.

Показательно, что все группы населения, включая казачество, позиционируют себя по бассейнам рек, различаясь «речными» диалектами как отражение былого единства бассейновой жизни. Действительно, историческая Кабарда территориально была организована по бассейновому принципу [34]. Группа деревень, расположенных в долине одной реки и ее притоков, называлась «псыхо» (речная долина), а ряд псыхо составлял удельное княжество. И таких уделов в Кабарде XVIII в., по сути экономических и управленческо-структурных единиц, насчитывалось всего пять в отличие от 10 современных районов. Сегодня, когда искусственно созданные этнические барьеры реально устранились, отход от формального этнического деления территории и возврат к бассейновому принципу АТД КБР стал возможен.

Ниже приведены схемы существующего и предлагаемого АТД КБР, а также сведения о распределении площадей и населения при новом делении (рис., табл. 2).

Таблица 2

АТД КБР по бассейновому принципу с распределением площади и населения

Районы, городские округа (Г/о)	Площадь		Численность		Плотность, чел./кв. км
	кв. км	%	человек	%	
Баксанский	2781,0	22,25	101 053	11,77	36,34
Малкинский	2358,8	18,87	73 710	8,58	31,25
Чегемский	1871,0	14,97	100 410	11,68	53,67
Черекский	3165,0	25,32	128 403	14,95	40,57
Терский	1965,5	15,72	73 765	8,59	37,53
Г/о Нальчик	143,7	1,15	264 753	30,81	1842,40
Г/о Баксан	180,0	1,44	58 980	6,87	327,67
Г/о Прохладный	35,0	0,28	57 882	6,74	1653,77
ИТОГО	**12 500,0**	**100,00**	**858 956**	**100,00**	**68,72**

Рис. Современное (А) и предлагаемое (Б) АТД КБР

На рис. А просматривается фрагментация бассейнов горных рек на «верхние», «средние» и «нижние» административные районы, а на рис. Б такая искусственная градация устранена, и каждый бассейн — самостоятельная административная единица. Границы четырех реальных горных районов проведены по водоразделам главных рек. Все эти районы имеют выход на равнину к основным транспортным узлам, смыкаясь с одним сугубо равнинным районом. Последний охватывает среднее течение транзитной реки Терек с устьевыми участками тех же горных рек — притоков Терека вместе с ирригационной системой.

Предлагаемое АТД лишено тех резких контрастов по распределению площадей и населения, что свойственно существующему районированию. Некоторые различия «новых» районов можно объяснить специфическими особенностями природопользования. К примеру, низкая плотность населения Малкинского района обусловлена тем, что в него вошли обширные никогда не заселяемые горные пастбища традиционного отгонного животноводства.

Предложенный принцип АТД КБР ложится в русло современных представлений об экосистемной организации природы и требований учета экосистемных ограничений при внедрении хозяйственного механизма в естественные природные структуры. Такое районирование соответствует оправдавшей себя и законодательно закрепленной в конце XIX — начале XX в. в западных странах концепции комплексного развития речного бассейна. Согласно данной концепции хозяйственное освоение речного бассейна должно быть единым и многоплановым, а хозяйственные мероприятия — иметь положительные последствия для всего бассейна в целом и его населения [35].

Концепция речного бассейна, зародившаяся как водная проблема XVIII в., в связи с развитием научных знаний в XIX в. и принятием речного бассейна как естественной территориальной единицы, стала инструментом обоснования административных и политических границ [36]. Еще в 1870-е гг. Дж.У. Пауэлл (John Wesley Powell) рекомендовал использовать бассейны крупных рек как административные единицы в западной части США [37]. Речные бассейны использовались с 1930-х гг. во многих странах для планирования и управления развитием территорий [38]. В настоящее время речной бассейн остается в качестве подходящей единицы для анализа и управления водными ресурсами [39].

В отечественной географии и смежных науках в настоящее время бассейновый подход получил широкое распространение. Принято, что речной бассейн — особая пространственная единица (геосистема), которая наиболее перспективна для многоаспектного изучения природы и управления окружающей средой [40]. Так, для моделирования динамики эколого-экономического состояния региона его территорию необходимо разбить на участки, связанные сетью путей миграции загрязняющих веществ и ресурсов, что возможно осуществить на бассейновом принципе — по бассейнам основных рек региона [32].

Именно водные бассейны стали первыми объектами имитационного моделирования экологических систем [41]. Убедительно показаны преимущества бассейнового подхода в достижении оптимального землеустройства при сельскохозяйственном природопользовании в условиях усиливающегося антропогенного воздействия на земельные ресурсы [42]. Главным требованием такого подхода является переход от традиционного АТД устраиваемой

территории к рассмотрению ее как совокупности природных комплексов — речных бассейнов с хорошо выраженными естественными рубежами. Несовпадение границ речных водосборов (естественных структур) с границами административных районов (искусственных образований) становится главным неудобством, возникающим при бассейновом подходе в землеустройстве территории. Однако эта проблема может быть разрешена совмещением указанных границ.

Заключение

Основа современного территориального устройства КБР была заложена еще в XIX в. в период вхождения исторической Кабарды в орбиту Российского государства, суть которой состояла в ее расчленении по этнополитическому принципу. В XX в. в стране, несмотря на радикальную смену государственного строя, тенденции в политике трансформации АТД, заложенные в имперской России, получили свое продолжение [43]. В КБР сегодня это проявляется в сохранении АТД по этническому принципу, которое приобрело формальный характер и существует как дань традиции. Переход КБР к бассейновому принципу АТД снимет проблемы, порожденные ее этнополитической фрагментацией, и будет способствовать дальнейшему устойчивому развитию республики.

1. Административно-территориальное деление (АТД) современной Кабардино-Балкарской Республики по этнополитическому принципу — наследие политики национально-территориальной фрагментации исторической Кабарды, начатой в свое время как один из механизмов ускоренного вхождения региона в орбиту Российской империи и окончательно завершенной в советский период формирования командно-административной системы.

2. Некогда заданная национально-территориальная триада — «горные» балкарцы, «предгорные» кабардинцы и «равнинные» русские — перестала соответствовать современной этнической карте КБР и изжила себя в связи с исчерпанием вызвавших ее проблем и интеграционными процессами внутри республики.

3. На фоне свершившейся трансформации в размещении этнических групп, когда национальная идентичность необратимо отодвинута экономической и экологической целесообразностью, сохранение национального принципа АТД КБР анахронизм, препятствующий формированию гражданской идентичности, нарушающий принцип устойчивого развития региона и провоцирующий беспочвенные споры о мнимых национальных границах.

4. Принятие бассейнового принципа за основу АТД КБР с учреждением 5 районов вместо 10 нынешних, снимая созданные этнополитическим делением проблемы, будет способствовать ее устойчивому развитию и сохранению уникальной природы одного из горных курортов страны.

Литература

1. Государственная политика вывода России из демографического кризиса. М., 2007.

2. Каров. А.Х. Из истории земельных отношений и поземельного устройства кабардинцев и балкарцев в первой половине XVIII — последней четверти XIX в. Нальчик, 2014. С. 8–23.

3. Зумакулов Ф.М., Кучуков М.М. Национальная политика России: содержание и результаты. Нальчик, 2006. С. 3–6.

4. Кушхабиев А.В., Улаков М.З., Алхасов М.М., Табаксоев И.А. Трансформация системы ценностей населения Кабардино-Балкарии в современных условиях. Нальчик, 2019.

5. Кажаров А.Г. Кабарда и Балкария в процессе административно-территориального переустройства Северного Кавказа (1918 — первая половина 1922-х гг.). Нальчик, 2001.

6. Зеленская А.Е. Эволюция расселения в Кабардино-Балкарской Республике. Ставрополь, 2010.

7. Территория и расселение кабардинцев и балкарцев в XVIII — начале XX веков: сборник документов. Нальчик, 1992.

8. Дзамихов К.Ф., Думанов Х.М., Калмыков Ж.А., Кажаров А.Г. Этнотерриториальная и административно-территориальная структура Кабардино-Балкарии в XVIII–XX вв. Нальчик, 2010. С. 348–375.

References

1. State police of exclusion of Russia from demographic crisis. Moscow, 2007.

2. Karov, A.Kh. From history of land relations and land organization of Kabardines and Balkarians in the first half of 18th into last quarter of 19th centuries. Nalchik, 2014. P. 8–23.

3. Zumalulov, F.M., Kuchumov, M.M. National policy of Russia: content and results. Nalchic, 2006. P. 3–6.

4. Kushkhabiev, A.V., Ulakov, M.Z., Alkhasov, M.M., Tabaksoev, I.A. Transformation of value systems of population of Kabardino-Balkaria under modern conditions.

5. Kazharov, A.G. Kabarda and Balkaria in the process of administrative territorial reformation of the North Caucasus (1918 and first half of 1922 years). Nalchik, 2001.

6. Zelenskaya, A.E. Evolution of settling in the Kabardine-Balkar Republic. Stavropol, 2010.

7. Territory and settling of kabardins and balkars in 18th and beginning of 20th centuries (collection of documents). Nalchik, 1992.

8. Dzamikhov, K.F., Dumanov, Kh.M., Kazharov, A.G. Ethno-territorial and administrative-territorial structure of Kabardine-Balkaria in 18–20th centuries. Nalchik, 2010. P. 348–375.

9. Кагиева Т.А. Эволюция земельных отношений в Кабарде во второй половине XVIII — начале XX в. Нальчик, 2011.

10. Кармов А.Х. Выход Балкарии из Горской АССР и создание Кабардино-Балкарской автономной области. Нальчик, 2008. С. 59–76.

11. Тхамокова И.Х. Русское население в Кабардино-Балкарии в XIX — начале XXI в.: динамика этнокультурных границ. Нальчик, 2014.

12. Кушхов Х.С. К проблеме этнической идентичности у черкесов // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2012. № 6 (50). С. 120–125.

13. Гуня А.Н. Динамика освоения горного региона: структурные и институциональные факторы (на примере динамики расселения и землепользования в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкессии). Нальчик, 2008.

14. Бураев Р.А. Социально-экономическая география Кабардино-Балкарии. Нальчик, 2005.

15. Берова Ф.Ж., Сабанчиев А.Х. Региональные особенности процессов урбанизации и дезурбанизации // Пространство экономики. 2010. № 1. С. 210–215.

16. Кудашев В.Н. Исторические сведения о кабардинском народе. Нальчик, 1991.

17. Зонн С.В., Герасимов И.П. Краткий почвенно-географический очерк Кабардинской АССР // Природные ресурсы Кабардинской АССР. М.–Л., 1946. С. 325–362.

18. Хатухов А.М., Берова Ф.Ж. Особенности расселения населения и становление современной этнической карты КБР // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2018. № 6 (86). С. 189–194.

19. Khatukhov A.M. and Berova F.J. Trends in population settlement and the emergence of a modern ethnic map in the Kabardino-Balkaria due to its administrative and territorial structure. *International Journal of Advanced Multidisciplinary Research and Review*. 2019. Vol. 6. Iss. 4.

20. Бураев Р.А. География Кабардино-Балкарии: что, где, когда? Нальчик, 1997.

21. Бясов К.Х. Совершенствование организационного механизма управления инновационным процессом для устойчивого развития горных территорий. Владикавказ, 2007. С. 28–30.

22. Дзагоева Д.М. Проблемы социально-экономического развития горных территорий // Инновационные технологии для устойчивого развития горных территорий. Владикавказ, 2007. С. 63–64.

23. Бадов А.Д., Макоев Х.Х. Основные проблемы горного расселения Северной Осетии на современном этапе // Инновационные технологии для устойчивого развития горных территорий. Владикавказ, 2007. С. 24–25.

24. Cohen, J.E. and Small, Ch. Hypsographic demography: The distribution of human population by altitude. URL: https://www.research gate.net/publication/13459376_Hypsographic_demography_The_distribution_of_human_population_by_altitude

25. Татаркин А.И., Львов Д.С., Куклин, А.А., Мызин А.Л. и др. Моделирование устойчивого развития как условие повышения экономической безопасности территории. Екатеринбург, 1999.

26. Factors, that Affected Population distribution. URL: http://www.yourarticlelibrary.com/population-geography/factors-that-affects-population-distribution/43092

27. Берова Ф.Ж., Беров А.З., Думанова А.Х. и др. Процессы урбанизации и ее особенности на Северном Кавказе к концу XX века // Автоматизация управления и интеллектуальные системы и среды. Красная поляна, 2011. С. 42–47.

9. Kagieva, T.A. Evolution of land relations in Kabarda in second half of 18th and beginning of 20th centuries. Nalchik, 2011.

10. Karmov, A.Kh. Exit of Balkaria from Mount ASSR and creation of Kabardine-Balkaria autonomous region. Nalchik, 2008. P. 59–76.

11. Tkhamokova, I.Kh. Russian population in Kabardine-Balkaria in 19th and beginning of 21st centuries: dynamic of ethno-cultural borders. Nalchik, 2014.

12. Kushkhov, Kh.S. On the problem of ethnic identity of Circassians. *Izvestia of Kabardine-Balkarian scientific center of RAS*. 2012. No. 6 (50). P. 120–125.

13. Gunya, A.N. Dynamic of assimilation of mount region: structure and institutional factors (example of dynamic of settling and land using in Kabardine-Balkaria and Karachaevo-Cherkassia). Nalchik, 2008.

14. Buraev, R.A. Social economical geography of Kabardine-Balkaria. Nalchik, 2005.

15. Berova, F.Zh., Sabanchiev, A.Kh. Regional features of processes of urbanization and dis-urbanization. *Space of economy*. 2010. No. 1. P. 210–215.

16. Kudashev, V.N. Historical information about Kabardine people. Nalchik, 1991.

17. Zonn, S.V., Gerasimov, I.P. Brief soil-geographic survey of Kabardine ASSR. In: *Natural resources of Kabardine ASSR*. Moscow-Leningrad, 1946. P. 325–362.

18. Khatukhov, A.M., Berova, F.Zh. Features of settling of population and formation of modern ethnic map of KBR. *Izvestia of Kabardine-Balkar scientific center of RAS*. 2018. No. 6 (86). P. 189–194.

19. Khatukhov A.M. and Berova F.J. Trends in population settlement and the emergence of a modern ethnic map in the Kabardino-Balkaria due to its administrative and territorial structure. *International Journal of Advanced Multidisciplinary Research and Review*. 2019. Vol. 6. Iss. 4.

20. Buraev, K.Kh. Geography of Kabardine-Balkar: what, where, when? Nalchik, 1997.

21. Byasov, K.Kh. Perfection of organizational mechanism of management of innovative process for stable development of mount territories. Vladikavkaz, 2007. P. 28–30.

22. Dzagoeva, D.M. Problems of social-economic development of mount territories. In: *Innovative technologies for stable development of mount territories*. Vladikavkaz, 2007. P. 63–64.

23. Badov, A.D., Makoev, Kh.Kh. Principal problems of mount settling of South Osetia on modern stage. In: *Innovative technologies for stable development of mount territories*. Vladikavkaz, 2007. P. 24–25.

24. Cohen, J.E. and Small, Ch. Hypsographic demography: The distribution of human population by altitude. URL: https://www.research gate. net/publication/13459376_Hypsographic_demography_The_distribution_of_human_population_by_altitude.

25. Tatarkin, A.I., Lvov, D.S., Kuklin, A.A., Myzin, A.L. and oths. Modeling of stable development as condition of raising economic safety of territory. Ekaterinburg, 1999.

26. Factors, that Affected Population distribution. URL: http://www.yourarticlelibrary.com/population-geography/factors-that-affects-population-distribution/43092

27. Berova, F.Zh., Berov, A.Z., Dumanova, A.Kh. and oths. Processes of urbanization and its features in North Caucasus to the end of 20th century. In: *Automation of management and intellectual systems and environments*. Krasnaya polyana, 2011. P. 42–47.

28. Zalikhanov, M.Ch. Tours in Kabardine-Balkar. Nalchik, 1967.

28. Залиханов М.Ч. Туры Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1967.

29. Крупнов И.Н. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957.

30. Иванов П.М. Устойчивое развитие: концепция, модель управления, стратегия. Нальчик, 2016.

31. Хатухов А.М. Адекватное административно-территориальное деление Кабардино-Балкарской Республики как один из путей достижения компромисса между экономикой и экологией на региональном уровне // Вестник КБГУ. 2009. Вып. 10. С. 63–64.

32. Хатухов А.М. Объекты, территории конфликтного природопользования в Кабардино-Балкарской Республике // Стратегия развития Кабардино-Балкарской Республики до 2030 года. Нальчик, 2011. С. 255–260.

33. Хатухов А.М. Экологический аспект перспективного экономического развития Кабардино-Балкарии в свете новой парадигмы устойчивого развития // Проблемы рационального природопользования и охраны окружающей среды в Кабардино-Балкарской Республике. Нальчик, 2012. С. 37–38.

34 Налоева Е.Д. Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-политической истории. Нальчик, 2015.

35. White, G.F. A Perspective of River Basin Devolopment. URL: https://scholarship.law.duke.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2711&context=lcp

36. Molle F. River-basin planning and management: The social life of a concept. URL: https://www.academia.edu/879075/River-basin_planning_and_management_The_social_life_of_a_concept

37. River Basin Planning. URL: www.water encyclopedia.com/Re-St/River-Basin-Planning.html

38. Barrow, Ch.J. River basin development planning and management: Critical review. URL: https://www.researchgate.net/publication/222474737_River_Basin_Planning_and_Development_A_Critical_Review_World_Development.

39. Bandaragoda D.J. Institutional analysis for water resources management in a river basin context. URL: http://s3-us-west-2.amazonaws.com/ucldc-nuxeo-ref-media/1879445d-f360-4d26-835a-0a29a88900c8

40. Корытный Л.М. Бассейновая концепция в природопользовании. Иркутск, 2001.

41. Жданов Ю.А., Горстко А.Б. Экономико-биологические системы // Наука и человечество (международный ежегодник). М., 1980. С. 305–317.

42. Немыкин А.Я. Ландшафтно-бассейновый подход к территориальному землеустройству Воронежской области. Воронеж, 2005.

43. Лебедева Е.Б. Влияние политического режима на трансформацию административно-территориального деления в России. М., 2012.

29. Krupnov, I.N. Ancient history and culture of Kabarda. Moscow, 1957.

30. Ivanov, P.M. Stable development: conception, model of management, strategy. Nalchik, 2016.

31. Khatukov, A.M. adequate administrative territorial division of Kabardine-Balkar Republic as one of ways for achieving compromise between economy and ecology on regional level. *Vestnik KBGU*. 2009. Iss. 10. P. 63–64.

32. Khatukov, A.M. Object, territories of conflict nature use in Kabardine-Balkar Republic. Strategy for development of Kabardine-Balkar Republic up to the year of 2030. Nalchik, 2011. P. 255–269.

33. Khatukov, A.M. Ecological aspect of perspective economic development of Kabardine-Balkar in the light of new paradigm of stable development. In: Problems of rational nature use and preserving of nature environment in Kabardine-Balkar Republic. Nalchik, 2012. P. 37–38.

34. Naloeva, E.D. Kabarda in the first half of 18th century: genesis of adygh feudal society and problems of social-political history. Nalchik, 2015.

35. White, G.F. A Perspective of River Basin Devolopment. URL: https://scholarship.law.duke.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2711&context=lcp

36. Molle F. River-basin planning and management: The social life of a concept. URL: https://www.academia.edu/879075/River-basin_planning_and_management_The_social_life_of_a_concept

37. River Basin Planning. URL: www.water encyclopedia.com/Re-St/River-Basin-Planning.html

38. Barrow, Ch.J. River basin development planning and management: Critical review. URL: https://www.researchgate.net/publication/222474737_River_Basin_Planning_and_Development_A_Critical_Review_World_Development.

39. Bandaragoda D.J. Institutional analysis for water resources management in a river basin context. URL:http://s3-us-west-2.amazonaws.com/ucldc-nuxeo-ref-media/1879445d-f360-4d26-835a-0a29a88900c8

40. Koritny, L.M. River basin conception in nature use. Irkutsk, 2001.

41. Zhdanov, Yu.A., Gorstko, A.B. Economic-biological systems. In: *Science and mankind (international yearbook)*. Moscow, 1980. P. 305–317.

42. Nemykin, A.Ya. Landscale basin approach to territorial land-tenure regulation in Voronezh region. Voronezh, 2005.

43. Lebedeva, E.B. Influence of political regime on transformation of administrative territorial division in Russia. Moscow, 2012.

В.Ю. Леденева,
д-р социол. наук, доц., руководитель отдела
Института демографических исследований ФНИСЦ РАН;
профессор кафедры
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
e-mail: vy.ledeneva@yandex.ru

УДК 325
DOI 10.20339/AM.11-20.072

ОПЫТ УЧАСТИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РАБОТЕ ПО СОЦИАЛЬНОЙ И КУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Анализируется системное взаимодействие органов региональной и муниципальной власти и общественных организаций в работе по социальной адаптации и интеграции мигрантов. Подчеркивается социально-демографическая востребованность мигрантов и в то же время необходимость их адаптации и интеграции, поскольку мигранты привносят свою культуру поведения, традиции и обычаи, зачастую противоречащие ценностям принимающих обществ. В настоящее время вопросы адаптации и интеграции мигрантов выходят на передний план миграционной политики РФ в связи с возросшими миграционными потоками, высокими рисками проявлений экстремизма и терроризма в миграционных процессах и ростом незаконной миграции. В решении этих вопросов может оказать существенную помощь конструктивная деятельность национально-культурных автономий (НКА) и других общественных организаций, содействующих адаптации и интеграции мигрантов. Автором выявлены основные факторы, негативно влияющие на характер взаимодействия органов местного самоуправления и общественных организаций, сделан акцент на отсутствии нормативно-правовой базы, регламентирующей распределения полномочий между федеральным центром и субъектами, отсутствие единого представления в отношении категорий мигрантов, которым требуется интеграция и адаптация. В силу данных проблем региональные власти, муниципалитеты и общественные организации по-разному видят задачи адаптации и интеграции мигрантов и действуют, сообразуясь с собственными представлениями об этих процессах. В статье рассматривается опыт наиболее успешных социальных практик общественных организаций в регионах России, который может заинтересовать федеральные и региональные органы исполнительной власти, а результаты могут быть использованы в выработке единого подхода и методическом обеспечении деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ для повышения эффективности государственного регулирования данного направления.

Ключевые слова: *мигранты, адаптация, интеграция, НКА, органы власти, общественные организации.*

EXPERIENCE OF PARTICIPATION OF PUBLIC ORGANIZATIONS IN WORK OF SOCIAL AND CULTURAL ADAPTATION AND INTEGRATION OF FOREIGN CITIZENS IN SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

V.Yu. Ledeneva is Dr.Sci. (Sociology), Ass. Prof., Head of Departament at Institute of Demographic Researches of FCTAS RAS and Professor at Financial University under the Government of the Russian Federation

Analyzed is systemic interaction of regional and municipal authorities and public organizations in work of social adaptation and integration of migrants. Socio-demographic demand for migrants and, at the same time, the need for their adaptation and integration is emphasized, since migrants bring their own culture of behavior, traditions and customs, that often contradict values of host societies. At present, issues of adaptation and integration of migrants are coming to the fore in migration policy of the RF in connection with increased migration flows, high risks of extremism and terrorism in migration processes and the growth of illegal migration. In addressing these issues, constructive activity of national-cultural autonomies and other public organizations, that promote adaptation and integration of migrants, could be of significant help. The author identifies the main factors that negatively affect the nature of interaction between local self-government bodies and public organizations, emphasizes the lack of regulatory framework, governing distribution of powers between the federal center and constituent entities, the lack of unified understanding of categories of migrants, who need integration and adaptation. Due to these problems, regional authorities, municipalities and public organizations have different views on tasks of adaptation and integration of migrants and act in accordance with their own ideas about these processes. The article examines experience of the most successful social practices of public organizations in regions of Russia, that might be of interest to federal and regional executive bodies, and results could be used in developing unified approach and methodological support for activities of executive bodies of constituent entities of the RF to improve efficiency of state regulation in this direction.

Key words: *migrants, adaptation, integration, national and cultural autonomies, authorities, municipality, public organizations.*

Введение

На протяжении ряда лет Российская Федерация входит в пятерку стран-реципиентов миграционных потоков. Это связано с неблагоприятной демографической ситуацией и, следовательно, необходимостью восполнения нехватки трудовых ресурсов.

По данным МВД России, в 2019 г. на миграционный учет поставлено свыше 19,5 млн иностранных граждан и лиц без гражданства. Из них в целях осуществления трудовой деятельности 5,5 млн человек, получения образования — 681,9 тыс., с целью туризма — 4,2 млн человек.

Среди въехавших доминируют выходцы из стран Центрально-Азиатского региона и Закавказья. Так, число трудовых мигрантов составило: из Узбекистана — 2,1 млн человек; Таджикистана — 1,2 млн; Киргизии — 453,7 тыс.; Украины — 435,5 тыс.; Армении — 210,5 тыс.; Азербайджана — 195 тыс.; Белоруссии — 163,4 тыс.; Казахстана — 136,2 тыс. человек[1].

В РФ процесс социализации иностранных граждан условно делят на два этапа: адаптация прибывших в страну (на период временного проживания) и их интеграция в российское общество (на период длительного проживания и/или получения гражданства).

Как показывает мировая практика, ключевым фактором успешной социализации иностранных граждан является владение языком принимающей страны. Важное значение имеет также религиозная составляющая, зачастую обусловливающая глубокие ментальные различия. В то же время в государствах ЦАР и Закавказья последовательно сокращается сфера использования русского языка, национальные алфавиты переводятся на латиницу (Казахстан), ограничивается российское информационное присутствие.

Одним из перспективных путей разрешения проблемы противоречий и различий, возникающих как следствие и результат глобальных миграционных процессов, является деятельность по всесторонней адаптации и интеграции мигрантов, успех каковой зависит от координирующей роли государства, соответствующего финансирования, а также активного участия институтов гражданского общества.

Состояние законодательной базы

С 2014 г. правом осуществления деятельности по социальной и культурной адаптации мигрантов наделены национально-культурные автономии. Согласно абз. 1 ст. 1 Федерального закона от 17.06.1996 № 74-ФЗ (ред. от 04.11.2014) «О национально-культурной автономии» одной из целей национально-культурной автономии как общественного объединения является социальная и культурная адаптация мигрантов [1].

Одной из основных проблем в работе национально-культурных автономий (НКА) и других общественных организаций с иммигрантами является отсутствие четкого понимания представителями этих организаций смысловых значений терминов «адаптация иммигрантов» и «интеграция иммигрантов», установление различий между этими понятиями. Если спросить представителей НКА, да и государственных структур, что они понимают под данными процессами, то у многих возникнут затруднения с ответом.

Такое положение дел имеет массовый характер, потому что это обусловлено весомой причиной. Не только чиновники или представители НКА не знают, что такое адаптация и интеграция мигрантов и чем отличаются эти понятия, но и ученые до настоящего времени не пришли к единому мнению в отношении данных понятий, нет четких научных разграничений между ними.

Данное обстоятельство негативно сказывается на общих результатах совместной работы: существенно тормозятся адаптационные и интеграционные процессы на территориях России и, как следствие, пополняются ряды незаконных мигрантов, увеличиваются риски проявлений экстремизма и терроризма в миграционных процессах.

В настоящее время в вопросах интеграции мигрантов особое значение имеет изучение опыта, наработанного общественными организациями в российских регионах. Однако парадокс состоит в том, что сейчас вообще нет нормативно-правового регулирования социокультурной адаптации мигрантов [2]. Отсутствие законодательно определенного понятийного аппарата и распределения полномочий между федеральным центром и субъектами РФ создает трудности в реализации функций по адаптации и интеграции мигрантов не только для общественных организаций, но и региональных и муниципальных органов власти.

По данным информационного портала Министерства юстиции РФ о деятельности некоммерческих организаций, на настоящий момент в России зарегистрированы 20 общероссийских национально-культурных автономий; 292 региональные национально-культурные автономии; 896 местных национально-культурных автономий [3]. Однако реально действующих НКА, работающих с соотечественниками, немного. В основном НКА работают с соотечественниками, которые уже долгое время проживают в России и являются гражданами России, а деятельность на-

[1] Статистические данные МВД. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya;
Statistics of the Ministry of Internal Affairs. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya

правлена на организацию национальных праздников или участие в общественных общегородских мероприятиях. Членов культурных автономий мало волнуют проблемы рядовых членов общины, а тем более вопросы адаптации и интеграции трудовых мигрантов.

Тем не менее во многих регионах России ведется активная деятельность в данной сфере. Обратим внимание на лучшие региональные практики на этом направлении.

Опыт лучших региональных практик

Анализ положительных практик показывает, что в целях создания необходимых условий для социальной и культурной адаптации мигрантов важно осуществлять взаимодействие региональных органов власти с различными структурами, заинтересованными в формировании необходимых условий для успешного вхождения мигрантов в новое для них сообщество. Такими структурами являются в первую очередь организации, где мигранты осуществляют трудовую деятельность, а также диаспоры, общественные и религиозные организации, занимающиеся проблемами мигрантов.

Важным компонентом в системе данной работы является организация консультативных и других совещательных органов. В состав консультативных органов входят представители национально-культурных и общественных организаций. Успешными практиками можно назвать организацию в регионах работы информационно-консультационных центров для иностранных граждан, прибывших с целью трудовой деятельности, создание электронных информационных ресурсов для помощи трудовым мигрантам, реализацию мероприятий по социально-культурной адаптации детей мигрантов, проведение культурно-массовых мероприятий с участием иностранных граждан и др. [4].

Среди лучших региональных практик и приоритетных направлений деятельности по актуальным вопросам адаптации и интеграции мигрантов можно выделить следующие.

Так, в Рязанской области разработан «Комплекс совместных организационно-практических мероприятий, направленных на усиление контроля за миграционными процессами, привлечением иностранных граждан к трудовой деятельности, условиями их труда и образом жизни», в рамках которого предусмотрены мероприятия:

- проведение встреч и практических мероприятий с религиозными объединениями и представителями национальных диаспор в целях профилактики правонарушений со стороны иностранных граждан и повышения эффективности противодействия терроризму;
- реализация мероприятий по интеграции мигрантов в новую культурную среду путем проведения культурно-массовых и спортивных мероприятий совместно с национальными общественными объединениями в целях создания культурного пространства, условий для развития интереса населения к культурным ценностям других народов;
- размещение в СМИ на официальных сайтах соответствующих муниципальных образований материалов по вопросам гармонизации межнациональных (межэтнических) и межконфессиональных отношений, деятельности национальных общественных объединений, профилактики и пресечению фактов нелегальной миграции.

В Подмосковье создано ГБУ «Единый миграционный центр Московской области». В процессе деятельности ГБУ осуществляется выстраивание эффективной системы межведомственного взаимодействия и взаимодействия органов власти с институтами гражданского общества по приоритетным вопросам реализации государственной национальной политики, проводятся встречи с представителями диаспор по текущим вопросам изменений законодательства в сфере выдачи патентов иностранным гражданам.

В Санкт-Петербурге организована эффективная работа государственной информационной системы мониторинга в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций. В Ленинградской области для прибывающих мигрантов разработано приложение MigrantLenobl, которое доступно для скачивания в сервисе Google play, а также в интернет-ресурсе migrantlenobl.ru.

В Чукотском автономном округе в сфере профилактического внимания находятся молодежные объединения, в том числе спортивного характера. С их лидерами и тренерским составом проводятся рабочие встречи по вопросам недопущения вовлечения молодежи и мигрантов в межнациональные, социальные, политические и религиозные конфликты.

Администрация Краснодарского края оказывает систематическое содействие в проведении мероприятий, направленных на приобщение мигрантов к традициям и культуре народов России. Мигранты, испытывающие различные затруднения, направляются в организации, где им оказывается юридическая, лингвистическая и социальная поддержка. На безвозмездной основе об-

щественными организациями предоставляются услуги переводчиков мигрантам, не владеющим русским языком. К работе по адаптации мигрантов привлекаются авторитетные представители национальных диаспор.

Правительство Иркутской области значительную роль в проведении профилактической работы отводит руководителям национально-культурных объединений и авторитетным членам диаспор. Их возможности используются для оказания влияния на нарушителей правопорядка, проведения воспитательной и адаптационной работы с приезжими, а также с целью профилактики межнациональных и межконфессиональных конфликтов.

В Алтайском крае изданы информационно-методические материалы для руководителей национально-культурных организаций. С участием этнических объединений края впервые составлен сборник «Лучшие практики этнокультурной деятельности в Алтайском крае».

В Республике Коми осуществляют деятельность два центра социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов в г. Сыктывкаре (на базе Дома дружбы народов) и в г. Печоре. Центрами организовано оказание консультационной поддержки приезжим, в том числе юридического характера.

В Челябинской области значительная работа по социокультурной адаптации мигрантов ведется областным государственным бюджетным учреждением культуры «Дом дружбы народов Челябинской области». На его площадке совместно с руководителями областных национально-культурных объединений на постоянной основе организованы и проводятся мероприятия, в том числе национальные праздники, межэтнические турниры и конкурсы, цель которых — поддержание мира и согласия, а также приобщение мигрантов к культурным и духовным традициям народов, проживающих на Южном Урале.

С гражданами стран СНГ, прибывающими в Камчатский край, работают 8 национально-культурных объединений. Проводится работа с руководителями национальных объединений по обеспечению участия мигрантов в культурно-просветительских мероприятиях в соответствии с традициями народов России. На базе Центра преподавателями КГБОУ СПО «Камчатский педагогический колледж» оказываются образовательные услуги. Всего оказано содействие в подготовке к сдаче экзаменов по русскому языку, истории России и основ законодательства РФ 332 иностранным гражданам. Количество обращений и услуг, оказанных в Центре, свидетельствуют о его востребованности среди иностранных граждан. Центр помогает иностранным гражданам сократить время на оформление разрешительных документов и поиск работы, что, в свою очередь, способствует сокращению числа правонарушений в сфере трудовой миграции.

В Приморском крае департаментом внутренней политики проводится разъяснительная работа среди лидеров мусульманских религиозных организаций, отслеживаются процессы, происходящие в мусульманской среде, разъясняются вновь прибывшим мигрантам правила поведения на Приморской земле.

Более подробно рассмотрим опыт нескольких региональных организаций, наиболее успешно реализующих деятельность по адаптации мигрантов, поскольку именно их опыт уже сегодня масштабируется и используется в других регионах России.

Социокультурная адаптация мигрантов в Татарстане

Республика Татарстан является одним из российских регионов, притягивающим наибольшее число иностранных граждан, и лидером по этому показателю в Приволжском ФО. Так, в 2019 г., по данным МВД России, в регион въехали 335 тыс. иностранных граждан (из них 76 тыс. трудовых мигрантов).

Ключевым институтом в Республике Татарстан по направлению социокультурной адаптации иностранных граждан является АБНО «Новый век». В 2015–2018 гг. в рамках выигранного гранта президента России на развитие гражданского общества организация разработала и апробировала «Модель комплексного подхода к социальной адаптации и интеграции трудовых мигрантов». Данная модель получила рекомендации Госдумы РФ к тиражированию в России. Модель состоит из четырех инновационных компонентов:

- социального патронажа в среде мигрантов;
- ориентационных курсов для трудовых мигрантов;
- мобильного приложения для мигрантов M-Help на 7 языках;
- центра помощи мигрантам.

Описание и тиражирование «Модели комплексного подхода к социальной адаптации и интеграции трудовых мигрантов» проходило при методической поддержке ФАДН России. Модель была представлена на 5 обучающих семинарах, организованных при поддержке правительства Республики Татарстан и ФАДН России. На семинарах прошли обучение 92 специалиста государственных и некоммерческих организаций, работающих в сфере миграционной политики из 51 региона России.

За 2018 г. услугами организации было охвачено 14,5 тыс. мигрантов. Реализованный инфраструктурный проект «Модель комплексного подхода к социокультурной адаптации и интеграции трудовых мигрантов» — это инфраструктурный проект, предлагающий устойчивую модель решения вопросов социокультурной адаптации иностранных граждан.

Социокультурная адаптация мигрантов в Пермском крае

Пермский край — многонациональный регион, в котором проживают представители более 132 народов, осуществляют деятельность свыше 30 национально-культурных и 80 религиозных общественных объединений.

Развитие сферы межэтнических и межконфессиональных отношений в регионе характеризуется важными процессами, одним из которых является высокоинтенсивный поток иностранных граждан из стран ближнего зарубежья. По данным МВД России, в 2019 г. в регион въехали 117 тыс. иностранных граждан (из них 27 тыс. трудовых мигрантов).

Ключевой организацией в сфере обеспечения правовой безопасности мигрантов на территории Пермского края является АНО «Многофункциональный миграционный центр по Пермскому краю», функционирующий с 2015 г. В 2018 г. проект организации «Правовая безопасность трудовых мигрантов» стал победителем конкурса на предоставление грантов президента РФ. Ключевой целью реализованного на выделенные из федерального бюджета средства является формирование условий для интеграции в правовое поле РФ иностранных граждан, прибывших на территорию города Перми для трудовой деятельности путем организации работы консультационных кабинетов «Правовая безопасность» с функцией выстраивания индивидуальной траектории правовой адаптации, расположенных в шаговой доступности от мест их компактного проживания и трудоустройства.

На основе анкетирования трудовых мигрантов были выбраны темы, по которым проведены 12 обучающих тематических мероприятий в формате семинаров по вопросам миграционного и трудового законодательства РФ. Каждый посетитель получил информационно-справочный раздаточный комплект с памяткой для трудовых мигрантов и брошюрой, переведенной на таджикский, узбекский, азербайджанский и киргизский языки.

За 11 месяцев работы кабинетов «Правовая безопасность» были проконсультированы 1200 человек, а более 20% человек вернулись за повторными консультациями. Работа кабинетов «Правовая безопасность» получила высокие оценки представителей Администрации города Перми, неоднократно посещавших центр.

Социокультурная адаптация мигрантов в Тюменской области

В 2019 г., по данным МВД России, в регион въехали 198 тыс. иностранных граждан (из них 53 тыс. трудовых мигрантов). В июле 2012 г. по приказу ректора ТюмГУ при университете был создан Центр адаптационных практик и тестирования. В том же году на базе Центра адаптационных практик и тестирования 100 мигрантов из стран Ближнего Зарубежья (Таджикистана, Узбекистана, Кыргызской Республики) прошли обучение по программе «Языковая и культурная адаптация в русскоязычной среде».

В соответствии с распоряжением правительства области от 30.12.2014 № 2421, ТюмГУ является единственным в Тюменской области вузом, уполномоченным проводить тестирование мигрантов на владение ими русским языком, знание истории России и основ законодательства РФ на получения патента в Тюменской области.

В 2017 г. центром был успешно реализовал проект «Технологии языковой и культурной адаптации детей мигрантов из стран СНГ», выполненный в рамках гранта Минобрнауки РФ. Проект направлен на субсидирование мероприятий ФЦП «Развитие образования» на 2016–2020 годы». В ходе реализации проекта были проведены курсы повышения квалификации учителей, работающих в многонациональных классах школ Тюмени и Тюменской области: первая Областная олимпиада по русскому языку для школьников, изучающих русский язык как неродной, открытые лекторий для мигрантов и членов их семей, школа выходного дня «Мы вместе!» для учащихся школ и адаптационные курсы для родителей «Механизмы адаптации детей в российской школе». В мероприятиях приняли участие 70 педагогов, обучающих детей иностранных граждан, 200 мигрантов и 420 учащихся школ Тюменской области.

В 2018 г. в ходе реализации проекта «Механизмы продвижения конкурсных мероприятий по русскому языку и литературе в поликультурных образовательных пространствах», поддержанного в открытом конкурсе Минпрос РФ, ТюмГУ провел обучающие семинары и культурно-просветительские акции для 400 педагогов и учащихся образовательных учреждений Вьетнама и Узбекистана.

В настоящий момент Центр адаптационных практик и тестирования ТюмГУ продолжает разрабатывать новые перспективные проекты для реализации образовательных программ в России и за рубежом.

Заключение

Особенность реализуемых в регионах проектов состоит в комплексном подходе к вопросам адаптации и интеграции мигрантов. Этот подход подразумевает не только оказание помощи приезжающим на территорию РФ гражданам, но также работу в принимающем сообществе.

Социальная адаптация и интеграция — задача не только государства. В рамках сотрудничества с национальными объединениями, общественными и религиозными организациями активно прорабатываются вопросы организации курсов для иностранных граждан по изучению русского языка, основ российского миграционного законодательства, а также традиций отечественной культуры. Последовательное решение обозначенных выше задач позволит сдвинуть с мертвой точки надолго зависший вопрос формирования и реализации государственной политики РФ по адаптации и интеграции мигрантов с привлечением к процессу НКА и других общественных организаций, работающих с мигрантами.

Литература

1. Федеральный закон от 17.06.1996 № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10722

2. Андриченко Л.В., Плюгина И.В. Миграционное законодательство Российской Федерации: тенденции развития и практика применения. М., 2019.

3. Информационный портал Министерства юстиции РФ о деятельности некоммерческих организаций. URL: http://unro.minjust.ru/NKAs.aspx

4. Сборник эффективных практик «Адаптация и интеграция мигрантов». URL: http://migrussia.ru/images/migrantadaptation.pdf

References

1. Federal law “On national cultural autonomy” from 17.06.1996 No. 74-FZ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10722

2. Andrichenko, L.V., Plyugina, I.V. Migration legislation of the Russian Federation: tendencies of development and practice of realization. Moscow, 2019.

3. Information portal of the Ministry of Justice of the RF on activity of non-commercial organizations. URL: http://unro.minjust.ru/NKAs.aspx

4. Collection of effective practices “Adaptation and integration of migrants”. URL: http://migrussia.ru/images/migrantadaptation.pdf

Т.К. Ростовская,
д-р социол. наук, проф., заместитель директора
Института демографических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук
(ИДИ ФНИСЦ РАН)
e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru
А.С. Лукьянец,
канд. экон. наук,
Института демографических исследований
руководитель Лаборатории международных
демографических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук
(ИДИ ФНИСЦ РАН)
e-mail: artem_ispr@mail.ru
Н.С. Рязанцев,
студент
Факультета международных отношений
Московского государственного института
международных отношений (университет) (МГИМО МИД России);
стажер-исследователь
Института демографических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук
(ИДИ ФНИСЦ РАН)
e-mail: ryazantsev080700@ya.ru

УДК 316.36(520)
DOI 10.20339/AM.11-20.078

ОСОБЕННОСТИ И ТЕНДЕНЦИИ КРОССКУЛЬТУРНЫХ БРАКОВ В ЯПОНИИ

Рассматриваются особенности создания и развития кросскультурных браков в современном обществе. Авторы обращают внимание на жизнеспособность кросскультурных браков в Японии, которые составляют около 3% от общего числа регистрируемых браков. Особое внимание уделяется проблемным аспектам жизнедеятельности браков между японскими мужчинами и русскими девушками. Несмотря на существующие проблемы в жизнедеятельности кросскультурных браков, авторы отмечают положительную роль брачно-семейных отношений между супругами в данных браках, которые способны обеспечить не только тесное взаимодействие между представителями различных культур, этносов и религий, но и формировать управленческо-организационные процессы, направленные на улучшение отношений между странами и этносами.

Ключевые слова: *брак, семья, браки с иностранными гражданами, кросскультурные браки, брачный рынок Японии.*

FEATURES AND TRENDS OF CROSS-CULTURAL MARRIAGES IN JAPAN IN SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

T.K. Rostovskaya is Dr.Sci. (Sociology), Prof., Deputy Director for Research at Institute for Demographic Research — Branch of Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of Russian Academy of Sciences (ISPR FCTAS RAS); **A.S. Lukyanets** is Cand. Sci. (Economy), Head of the Laboratory for International Demographic Research at Institute for Demographic Research — Branch of Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of Russian Academy of Sciences (IDR FCTAS RAS); and **N.S. Ryazantsev** is Bachelor Student at Faculty of International Relations of Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) of Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; Intern-researcher at Institute for Demographic Research of Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of Russian Academy of Sciences (IDR FCTAS RAS)

Analyzed are peculiarities of creating and developing cross-cultural marriages in modern society. The authors draw attention to the viability of cross-cultural marriages in Japan that account for about 3% of the total number of registered marriages. Special attention is paid to problematic aspects of marriage between Japanese men and Russian girls. Despite existing problems in the life of cross-cultural marriages, the authors note positive role of marriage and family relations between spouses of these marriages, which are able to ensure not only close interaction between representatives of different cultures, ethnic groups and religions, but also to form managerial and organizational processes aimed at improving relations between countries and ethnic groups.

Key words: *marriage, family, marriages with foreign citizens, cross-cultural marriages, marriage market in Japan.*

Введение

Браки с иностранными гражданами являются своеобразным индикатором открытости общества для контактов с другими странами. Они также косвенно указывают на масштабы долгосрочной эмиграции или иммиграции, что может привести к возможности постоянного проживания, свидетельствуя о тесной связи между гражданами двух государств. В этой связи интересен анализ жизнеспособности кросскультурных браков в Японии.

В целом уникальная самобытность кросскультурных браков связана с объединяющим фактором в реализации современной модели семейно-брачных отношений. Таковая способствует созданию семьи между представителями различных социокультурных слоев общества с их особенностями культуры и системы ценностей [4. С. 50].

Рассматривая кросскультурные браки как семейные отношения, в которые вступают мужчина и женщина, относящиеся к различным социокультурным слоям общества, имеющим особенности культуры и системы ценностей, необходимо обратить внимание на следующий аспект проблемы. Благодаря кросскультурному взаимодействию всех членов семьи самым гармоничным образом вырабатываются чувства толерантности, интернационализма, что положительно отражается на состоянии кросскультурных взаимоотношений и способствует формированию здорового гражданского общества.

В современном обществе кросскультурная семья выступала объектом исследований как российских, так и зарубежных ученых. Среди российских ученых следует отметить П.И. Бабочкина, А.Г. Волкова, А.П. Горкина, Т.К. Ростовскую, А.Д. Сулейманова [1; 2; 3; 6].

Представляя результаты исследования по проблеме трудностей в кросскультурных браках, вызванных социальными и психологическими межкультурными различиями, российский ученый П.И. Бабочкин подчеркивает, что «жизнеспособность кросскультурных браков зависит от социокультурных ориентаций молодых людей, вступающих в брачно-семейные отношения» [1].

Т.К. Ростовская, анализируя проведенное в 2015 г. авторское исследование «Кросскультурные браки в современном российском обществе глазами молодежи»[1], обращает на внимание ключевой мотив создания кросскультурных браков: «Более 90% от всех респондентов, 153 человека, ответили, что доминирующим фактором в предбрачных отношениях является любовь — самое глубокое эмоциональное влечение, сильное сердечное чувство. Для многих важной причиной также являются

[1] Вузовское исследование «Кросскультурные браки в современном российском обществе глазами молодежи», проведенное в 2015 г. в МПГУ. N = 170 чел. в возрасте от 17 до 20 лет. Рук. д-р социол. наук, профессор Т.К. Ростовская.

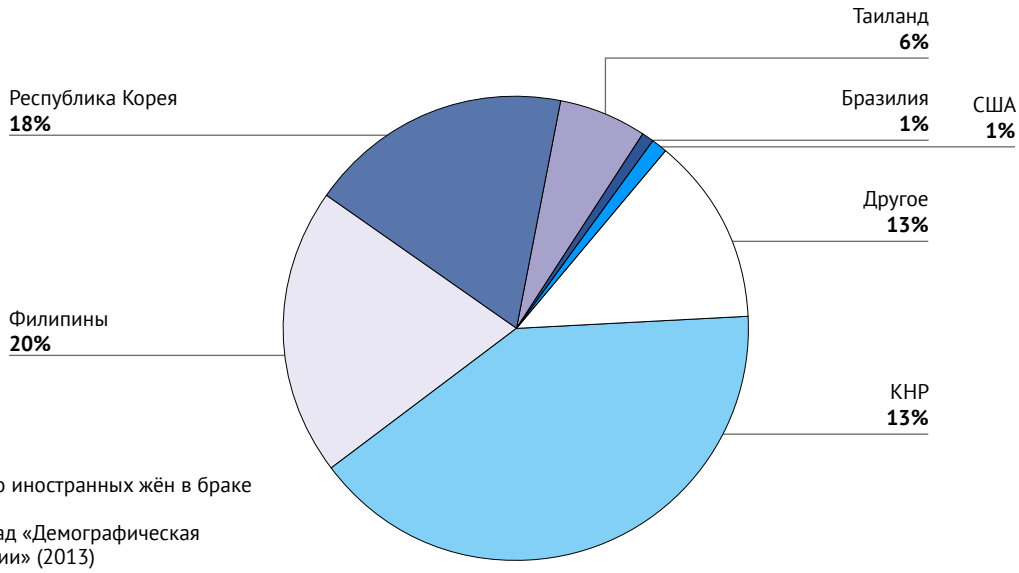

Рис. Гражданство иностранных жён в браке с японцами
Источник: Доклад «Демографическая статистика Японии» (2013)

семейные традиции и как итог отношений необходимость заключения брака».

Вместе с тем анализ литературы по теме исследования позволил сделать вывод о том, что в отечественной науке недостаточно освещены проблемы жизнеспособности кросскультурных браков в Японии.

Официально смешанные браки в Японии были разрешены только в 1873 г., т.е. еще в период Мейдзи, когда страна переживала период общезначимых реформ, включая, безусловно, и социальные, на фоне активной взаимосвязи со множеством иностранных государств, т.е. в тот момент времени шли процессы «вестернизации». Это, в свою очередь, отразилось и на институте семьи и брака. При этом сегодня японская нация во многом продолжает оставаться все таким же консервативной и, напомним, на 98% моноэтнической.

Брачный рынок «Страны восходящего солнца»

Несмотря на то что наибольшим успехом на брачном рынке Японии пользуются гражданки КНР, Филиппин, Таиланда и других стран Восточной и Юго-Восточной Азии (представительницы монголоидной расы), «популярностью» среди японских мужчин пользуются также и девушки Латинской Америки (в частности, Бразилии, большая часть которых все же имеют японское происхождение), из Великобритании, США и других стран Западной и Европы, т.е. девушки европейской и славянской внешности, которых всех без исключения японские мужчины классифицируют как «русских». Однако они составляют всего только около 13% (рис.).

По данным Министерства здравоохранения Японии, если в 2006 г. в стране были зарегистрированы более 44 тыс. кросскультурных браков (что стало пиком), то уже с 2011 г. их количество спало вдвое: стало составлять около 20 тыс. браков в год, продолжая снижаться до сих пор. Однако темпы снижения все же несколько замедлились[2]. Таким образом, кросскультурные браки составляют около 3% от общего числа регистрируемых браков в Японии.

Во многом сокращение числа кросскультурных браков в Японии можно объяснить ужесточением миграционного законодательства в 2005 г., когда закон стал более требователен для иностранных граждан, желающих получить рабочую визу. В большей степени изменение законодательства коснулось непосредственно той части Юго-Восточной Азии, которая была основным донором супругов для граждан Японии, это были Филиппины. Вместе с тем в настоящее время с целью преодоления демографического и экономического кризиса правительство Японии все же пошло на ряд миграционных уступок по привлечению из-за рубежа иностранных граждан.

Тем не менее Япония рассматривает миграцию как временное явление, поэтому и выдача виз происходит строго сроком до 5 лет. При этом новая рабочая виза дает право ближайшим членам семьи высококвалифицированного

[2] Nippon.com. Japan Data. A Look at International Marriage in Japan. URL: https://nippon.com/en/features/h00096

специалиста сопровождать его в Японию. Низкоквалифицированные работники привести семью в страну по такой схеме не могут. Однако именно в последней категории работников в сегодняшней Японии налицо дефицит. К тому же не стоит учитывать, что любого рода низкоквалифицированная и соответственно низкооплачиваемая работа ориентирована в первую очередь на менее экономически развитые страны, такие как Филиппины, Таиланд и Камбоджа. Таким образом, миграционное законодательство является серьезным барьером для преодоления социально-демографического кризиса именно путем стимулирования брачной миграции и привлечению «доноров» из других стран.

Россиянки на брачном рынке Японии

Одной из распространенных форм эмиграции из России стала брачная эмиграция женщин, которые покидали страну в поисках мужа-иностранца или выезжали в страну постоянного проживания своего супруга [8].

В рамках нашего исследования интересен анализ заключенных кросскультурных браков между японскими мужчинами и российскими женщинами.

С конца 1980-х гг. в результате сначала политики перестройки, а после уже развала Советского Союза началось увеличение количества зарегистрированных браков между гражданами СССР, Японии и России. Так, если в 1995 г. были заключены только 198 браков, то спустя 16 лет в 2011 г. этот показатель составил уже более 5 тысяч, т.е. в этом году 20% международных браков в Японии пришлись на «русских» невест [9].

Тем не менее из анализа диаграммы на рисунке очевидно, что брачный рынок Японии не является приоритетным для гражданок России. При этом интересно, что брак с японцем в превалирующем большинстве является для россиянок неким «поиском счастья и утешения разбитого сердца», т.е. уже не первым браком.

«Русские» девушки с патриархальными взглядами, сформированными еще на родине, на семейные ценности и брак в целом очень хорошо вписываются в совместную жизнь с японскими мужчинами, которые также придерживаются взглядов на то, что мужчина должен выполнять роль главы семейства. Он в первую очередь формирует приток денежных поступлений в семейный бюджет, а женщина, т.е. супруга, выполняет роль хозяйки, «хранительницы очага», которая следит за домом, выполняет хозяйственные функции, воспитывает детей и др. Все это формирует в японских мужчинах сознание того, что русские девушки добрые, неэгоистичные, воспитанные, красивые, ухоженные и др., но при этом достаточно самостоятельные, своенравны и, что очень важно, прямолинейны. Это является полной противоположностью поведению японских женщин, что только «подогревает» внимание японских женихов.

Так, «русские» женщины сразу вполне ясно обозначают свои мысли любого характера. К тому же «русские» девушки полностью посвящают себя семье и не стремятся найти хотя бы подработку в Японию, в то время как для японок слово «декрет» длиться всего лишь несколько недель. Все эти особенности «русских» женщин подтверждают и всевозможные японские брачные агентства по поиску «русских жен» для граждан Японии, указывая, что именно девушки славянской внешности являются одним из наиболее частых объектов поиска в работе со своими согражданами. Однако вспоминая статистику, становится понятно: во многом это связано с тем, что без помощи «специалистов» привлечь «наших» девушек в Японию сложнее, чем, скажем, представительниц более бедных стран соседней Юго-Восточной Азии.

Однако в большинстве случаев патриархальные взгляды японцев являются лишь мишурой. Так, стоит понимать, что даже такое, казалось бы, приличное сходство фундаментальных жизненных взглядов, которые как раз позволяют начать полноценную семейную жизнь, не исключают серьезные разногласия, вызванные особенностями японского и русского менталитетов и даже общественной жизнью (особенно протекавшей вокруг именно японских мужчин до женитьбы), между супругами в совместной семейной жизни в Японии.

Если же абстрагироваться от нравственных ценностей, то понятно, что во многом «русские» девушки если и вынуждены хранить преданность семейным ценностям после брака и особенно после рождения детей, все это происходит на фоне большой хозяйственной загруженности, плохого знания языка, незнания общества, т.е., по сути, без полноценной интеграции в японский социум. Это усугубляет настороженное, а порой даже предвзятое отрицательное отношение подавляющего большинства коренного населения страны. Все это выливается в то, что консервативно настроенное японское общество рассматривает личную связь иностранцев с японскими гражданами как любовь по расчету (самое распространенное мнение ради получения японского паспорта).

При этом, с одной стороны, гражданин Японии может получить как осуждение со стороны родственников и общественности за связь, как практически всегда выражаются японцы, с «глупым чужаком», а с другой — японец

приобретает почетный и красивый «заморский» аксессуар в виде красивой жены, который уже хорошо ценится среди его коллег и ровесников. Тем не менее в целом, несмотря даже на спад числа регистрируемых браков между гражданами Японии и гражданами другого государства, а также на фоне продолжающейся вестернизации общенационального уклада жизни японцев, такое социальное явление, как межнациональные браки, становится все более и более приемлемым и привычным для сознания японского населения.

Основные выводы

Тем не менее браки между японскими мужчинами и русскими девушками распадаются очень быстро. И все опять упирается в менталитет и поведение японских мужчин, что рано или поздно заставляет наших соотечественниц менять свое положительное отношение к браку с японцем и их жизни в Японии в целом.

Во-первых, ввиду ярого желания построения карьеры и, как следствие, отсутствия свободного времени, необходимого на романтические отношения, ухаживания и даже обыкновенное знакомство и непринужденное общение, в Японии распространено (пусть пока еще не массовое, но уже и не такое редкое) явление, как «свадьба без свиданий», подразумевающая женитьбу спустя буквально месяц после начала отношений. И если для японок это не чревато особыми последствиями под призмой культурных особенностей, то для «русских» девушек такое быстрое построение семейной жизни без фактически полноценной адаптации закладывает фундамент дальнейших противоречий в семейной жизни и неминуемого развода соответственно. Так, например, японские женщины не разрывают брак в случае измен мужей, что является полной противоположностью жизненным ценностям «русских» девушек.

Вторая же причина во многом является следствием, даже предысторией, первой. Ввиду все той же усердной работы в течение долгих лет ради приличного жалования рядовой японец только к сорокалетнему-пятидесятилетнему возрасту «созревает» до брака, а все то немногочисленное свободное время, которое у него имелось до этого момента, он тратит на всевозможные бары и клубы. Именно в такого рода заведениях и происходит знакомство будущих японских мужей со своими женами, в частности «русскими».

В токийских ночных клубах и барах работают огромное множество иностранок (преимущественно из КНР и ближайших стран Юго-Восточной Азии). У большинства из них виза (как правило, стажировочная, на крайний случай учебная) подходит к концу, у многих виза бывает просрочена уже не первый год. Такая активная вовлеченность иностранных девушек в «ночную» экономику и сферу услуг Японии, во-первых, обусловлена весьма достойным заработком по сравнению с теми странами, откуда прибыли девушки. Во-вторых, зарплаты абсолютно любого рода иностранных работников в Японии все же ощутимо скромнее, чем у местного населения. Это позволяет работодателям сократить фонд оплаты труда, а японским клиентам уже непосредственно сэкономить на «получаемых услугах». В свою очередь, впоследствии пары стараются не афишировать историю своего знакомства и подробные причины своей любви, когда супруги имеют заметную разницу в возрасте.

В-третьих, сегодня на фоне демографического кризиса японские компании начинают все активнее вовлекать женщин в рынок труда в качестве полноценных работников, поэтому японские девушки начинают постепенно повторять историю японских мужчин. Это полная отдача себя построению карьеры без возможности уделять время семье, при этом все они также обделены настоящим мужским вниманием со стороны японских мужчин, занимающихся своей работой.

В-четвертых, интересный момент состоит в том, что в Японии на сайте знакомств токийские девушки при поиске партнера указывают необходимое требование для потенциального жениха. Так, суженный не должен быть «старшим ребенком (именно братом) в семье». Такова японская традиция, когда старший мужчина в семье, покидающий родную деревню в поисках работы или подработки в столице, должен вернуться обратно на родину, чтобы наследовать оставленное отцом хозяйство, дом, т.е. по факту продолжить дело отца. Периодически японские мужчины увозят с собой, по словам русского классика, «в деревню, к тетке, в глушь, в Саратов», и доверчивых, наивных, часто разочаровавшихся (т.е. разведенных) в жизни пока еще молодых «русских» барышень, которые даже не подозревают о своей неминуемой эксплуатации на рисовой плантации или, в лучшем случае, скучной и рутинной семейной жизни в глубинке без каких-либо выдаваемых мужем финансовых средств к существованию.

Заключение

В современном японском обществе из-за серьезных социокультурных различий кросскультурные браки не являются эффективным инструментом привлечения ино-

странных граждан. Более того, все это происходит на фоне массового социального разногласия и консерватизма.

Отношения между супругами в кросскультурных браках основываются на двух, диаметрально противоположных социально-психологических факторах. Это в первую очередь интерес к другой культуре и, безусловно, желание сохранить традиции, корни, язык своей культуры. Таким образом, кросскультурные браки суть не что иное, как столкновение отличных друг от друга культурно-религиозных моделей семьи [7].

В целом проблема жизнеспособности кросскультурных браков имеет глубокие социальные корни и обусловлена рядом социальных, психологических, исторических, религиозных и конфессиональных причин. В этой связи интересен авторский анализ, позволяющий раскрыть проблемные аспекты в жизнедеятельности кросскультурных браков.

«Ключевой проблемой во взаимоотношениях между супругами является процесс восприятия другой культуры, состоящей из своих норм поведения, правил, традиций, порядков, ценностей, а также принуждение одного из супругов к смене религии. И наконец, проблема, связанная с самоопределением ребенка (детей) в кросскультурных браках. Ведь полностью его не принимает ни та, ни другая сторона. К тому же сделать свой выбор принадлежности к культуре и религии мешает и нежелание обидеть кого-то из родителей. Эти проблемы являются актуальными для большинства кросскультурных браков, где культурная и религиозная модель поведения человека играет важную роль в сохранении семейно-брачных отношений» [5].

Несмотря на существующие проблемы в жизнедеятельности кросскультурных браков, следует отметить положительную роль брачно-семейных отношений между супругами таких браков, которые способны обеспечить не только тесное взаимодействие между представителями различных культур, этносов и религий, но и формировать управленческо-организационные процессы, направленные на улучшение отношений между странами и этносами.

В этой связи необходимо проводить целенаправленную государственную политику в России и Японии на поддержку института брака и семьи, в том числе на решение возникающих проблем в кросс культурных браках.

Литература

1. Бабочкин П.И. Кросскультурные браки в полиэтническое среде // Миграционная и национальная политика. 2008. № 3. С. 54–58.

2. Волков А.Г. Этнически смешанные семьи и межнациональные браки // Семья и семейная политика. М., 1991. С. 77–90.

3. Горкин А.П. Социальная энциклопедия. М., 2000.

4. Мельниченко И.И., Плотников А.Д., Ростовская Т.К. Создание моделей деятельности и организации работы по формированию у подростков и молодежи правильного репродуктивного поведения и установок на образование семьи как основы возрождения традиционных моральных ценностей. М., 2005. С. 175.

5. Ростовская Т.К., Ростовская Н.А. Кросскультурные браки в молодежной среде: проблемы, тенденции // Культурное наследие народов России. 2016. № 2. С. 78–83.

6. Ростовская Т.К., Сулейманов А.Д. Жизнеспособность кросскультурных браков в России и Азербайджане. Вестник ВЭГУ. 2017. № 2 (88). С. 110–117.

7. Ростовская Т.К., Ростовская Н.А. Специфика жизнедеятельности кросскультурных браков в современном российском обществе // Вестник Нижегородского университета. 2017. № 1 (45). С. 68–73.

8. Рязанцев С.В., Сивоплясова С.Ю., Ростовская Т.К., Бушкова Л.А. Брачная эмиграция женщин из России: масштабы, причины, особенности // Женщина в российском обществе. 2018. № 4. С. 85–99.

9. Kim V. Female Gender Construction and the Idea of Marriage Migration: Women from Former Soviet Union Countries Married to Japanese Men // Afrasian Research Centre, 2013. P. 4.

10. Nippon.com. Japan Data. A Look at International Marriage in Japan. URL: https://nippon.com/en/features/h00096/

References

1. Babochkin, P.I. Cross-cultural marriages in poly-ethnic environment. *Migration and national policy*. 2008. No. 3. P. 54–58.

2. Volkov, A.G. Ethnic blended families and international marriages. In: *Family and family policy*. Moscow, 1991. P. 77–90.

3. Gorkin, A.P. Social encyclopedia. Moscow, 2000.

4. Melnichenko, I.I., Plotnikov, A.D., Rostovskaya, T.K. Creation of models of activity and organization of work for formation in teenagers and youth right reproduction behavior and orientations onto formation of family as fundament of resurgence of traditional moral values. Moscow, 2005. P. 175.

5. Rostovskaya, T.K., Rostovskaya, N.A. Cross-cultural marriages in youth environment: problems, tendencies. *Cultural heritage of nations of Russia*. 2016. No. 2. P. 78–83.

6. Rostovskaya, T.K., Suleymanov, A.D. Life vitality of cross-cultural marriages in Russia and Azerbajan. *Vestnik VEGU*. 2017. No. 2 (88). P. 110–117.

7. Rostovskaya, T.K., Rostovskaya, N.A. Specific of life vitality of cross-cultural marriages in modern Russian society. *Vestnik of Nizhny Novgorod university.* 2017. No. 1 (45). P. 68–73.

8. Ryazantsev, S.V., Sivoplyasova, S.Yu, Rostovskaya, T.K., Bushkova, L.A. Marriage emigration of women from Russia: scale, reasons, peculiarities. *Woman in Russian society.* 2018. No. 4. P. 85–99.

9. Kim, V. Female Gender Construction and the Ides of Marriage Migration: Women from Former Soviet Union Countries Married to Japanese Men. In: Afrasian Research Centre, 2013. P. 4.

10. Nippon.com. Japan Data. A Look at International Marriage in Japan. URL: https://nippon.com/en/features/h00096/

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

В.А. Гневашева,
д-р экон. наук, доц.,
руководитель отдела
Института демографических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук
(ИДИ ФНИСЦ РАН)
e-mail: vera_cos@rambler.ru

УДК 331.5
DOI 10.20339/AM.11-20.084

ГЛОБАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ТРАНСФОРМАЦИИ РЫНКА ТРУДА

Представлен анализ современного рынка труда, формирующегося под воздействием множественных факторов. Условия внешнего глобального вызова ставят рынок труда перед необходимостью трансформации подчас в противовес экономически рациональному распределению фактора труда и с обесцениванием социальной значимости использования трудовых ресурсов. Неравенство и широко распространенный дефицит достойного труда ведут не только к экономической неэффективности, но также и к снижению социальной сплоченности внутри стран. Вместе с тем основные цели стратегического развития рынка труда, как-то: полная занятость и рост уровня жизни сохраняют свою значимость, на что необходимо направить усилия правительств, работников, работодателей и их объединений. Формирующиеся глобальные тенденции мирового рынка труда ставят ряд проблемных вопросов для решения как на уровне национальных рынков, так и на мировом рынке труда совместно с международными организациями в рамках глобального диалога. В статье приводится комплексный анализ существующих особенностей распределения труда и занятости на уровне мирового рынка труда, с обоснованием таких тенденций значимых для вопросов современной оптимизации использования труда, как: достойный труд, неполная занятость, структурная безработица, гендерная асимметрия, профессиональная сегрегация, структурная инфляция, молодежный сегмент рынка труда. Все рассматриваемые явления носят выраженный характер как на мировом, так и национальном рынке труда и требуют дополнительного теоретического осмысления и эмпирической оценки.

Ключевые слова: *мировой рынок труда, достойный труд, неполная занятость, структурная безработица, гендерная асимметрия, профессиональная сегрегация, структурная инфляция, молодежный сегмент рынка труда.*

GLOBAL TRENDS OF LABOR MARKET TRANSFORMATION

V.A. Gnevasheva is Dr.Sci. (Economy), Ass. Prof. , Head of Departament at Institute for Demographical Research, Federal Centre of Theoretical and Applied Sociology of Russian Academy of Sciences (IDR FCTAS RAS)

Presented is the analysis of modern labor market, forming under influence of multiple factors. The conditions of the external global challenge put the labor market in need of transformation, sometimes in contrast to the economically rational distribution of the labor factor and with the depreciation of the social significance of the use of labor resources. Inequality and the widespread deficit of decent work lead not only to economic inefficiencies, but also to a decline in social cohesion within countries. At the same time, the main goals of the strategic development of the labor market, such as: full employment and an increase in the standard of living, remain significant, and it is necessary to direct the efforts of governments, workers, employers and their associations. The emerging global trends of the world labor market pose a number of problematic issues for solving both at the level of national markets and on the world labor market together with international organizations in the framework of the global dialogue. The article provides a comprehensive analysis of the existing features of the distribution of labor and employment at the level of the world labor market, with the justification of such trends that are significant for issues of modern optimization of labor use, such as decent work, underemployment, structural unemployment, gender asymmetry, professional segregation, structural inflation, youth segment of labor market. All the phenomena under consideration are of a pronounced character both on the world and national labor market and require additional theoretical understanding and empirical assessment.

Key words: *world labor market, decent work, underemployment, structural unemployment, gender asymmetry, occupational segregation, structural inflation, youth segment of labor market.*

Введение

На современном этапе развития мировой рынок труда характеризуется следующими тенденциями:

- прогнозируемое снижение темпов экономического развития приводит к ослаблению тенденций по сокращению временных затрат человеческого труда, снижению уровня дохода трудовых ресурсов и ухудшению условий труда;
- повсеместное недоиспользование трудовых ресурсов сопряжено с процессом возрастания структурных диспропорций на рынке труда: сложности поиска работы в соответствии с потребностями рабочей силы приводит к росту безработицы. Занятая вместе с тем рабочая сила характеризуется снижением качества труда;
- сохраняющейся проблемой недостаточности рабочих мест, отвечающих критерию достойного труда, сопряженного соответствующим уровнем заработной платы, гарантиями труда и занятости, уровнем безопасности и сохранения здоровья, доступностью социальной защиты, форм защиты трудовых отношений через систему профсоюзов, снижением форм дискриминации;
- сохраняется устойчивая занятость в неформальном секторе, далеко не всегда способного предложить достойные формы занятости. В неформальном секторе регистрируются высокие показатели бедности занятого населения. Занятость преимущественно представлена домашними хозяйствами, индивидуальной трудовой деятельностью в рамках семейных предприятий, отсутствием трудовой и социальной защиты;
- наличие неравенства в доступе к качественным рабочим местам, дифференцированным территориально (городские и сельские местности), гендерно, в соответствии с возрастом. По оценкам МОТ, неравенство в доходах приобретает все более усиливающуюся тенденцию на глобальном уровне.

Неравенство и широко распространенный дефицит достойного труда ведут не только к экономической неэффективности, но также и к снижению социальной сплоченности внутри стран. Примечательно: в семи из 11 субрегионов мира отмечается увеличение числа протестов в 2019 г., это говорит о том, что трудоспособное население недовольно социальной, экономической или политической ситуацией в своих странах.

Вместе с тем основные цели стратегического развития рынка труда, как то: полная занятость и рост уровня жизни сохраняют свою значимость, на что необходимо направить усилия правительств, работников, работодателей и их объединений.

Теоретические предпосылки исследования

Проблемы несовершенства и неэффективности рыночного механизма в экономике переходного периода нашли

отражение в трудах Р. Дорнбуша, Дж Сакса, М. Олсона [19], Дж. Стиглица [21], С. Фишера, А. Ослунда, Я Корнаи [15]. В России существенный вклад в изучение проблем экономической трансформации внесли А. Илларионов [2], В. Мау, Е. Гайдар, Е. Ясин [25] и др.

Исследователи также обращаются к вопросам планирования в современных рыночных условиях (А.В. Базгулин, А.И. Колганов) [8], определению вероятности возникновения провалов рынка в условиях современного развития (И.А. Бондаренко, О.А. Осланова) [7], определению специфических понятий в отношении современных социально-экономических условий, например понятия «системного риска» (А.В. Алешина, А.Л. Булгаков) [3].

Общие особенности современного состояния внутренней миграции рабочей силы в РФ рассматриваются в публикациях Т.Ф. Вышеславовой [10]. Миграционные потоки определяются в соответствии с социально-экономическими закономерностями, а детерминанты внутренней миграции современной России выявляются как схожие с другими странами рыночной экономикой.

Общие вопросы внутренней трудовой миграции, терминологические аспекты проблем внутренней миграции детерминированы в работах С.М. Аллагулиевой [4], Е.А. Андрюшковой [6]; А.А. Андреевой [5]. Вопросы специфики внутренней миграции регионов и государств рассматриваются в исследованиях А.Г. Томаска [22], О.С. Гайфутдиновой [11], Г.Т. Маткеримовой [17], В.А. Казанцевой [14] и др.

Внутренняя миграция также обосновывается в контексте вопросов национальной безопасности в работах А.А. Моисеенкова [18], где, в частности, рассматриваются вопросы оценок объемов внутренней миграции с учетом изменений подходов оценки, что привело к существенным искажениям данных и сложности их использования для межстранового сопоставления.

Экономический аспект миграции, а также социально-экономическое влияние внутренней миграции на развитие регионов освещается в работах А.А. Черных [23], Е.С. Вакуленко [9], Н.А. Эльдяевой [24] и др. Социальный аспект миграции, в том числе вопросы национальной идентификации в контексте внутренних потоков миграции, описываются А.А. Илюхиным [13], С.В. Мажинским [16].

В последние десятилетия в России получила новое развитие проблематика гендерной асимметрии в различных экономических сферах, многочисленным аспектам которой посвящены исследования Н. Ажгихиной, С. Ашвин, И. Багровой, М. Баратовой., М. Баскаковой, Г. Васильевой, Т. Журженко, И. Заславского, Н. Зверевой, И. Калабихиной, Р. Касимовой, А. Комлева, С. Кузнецовой, М. Либоракиной, Е. Машуковой и др.

Теоретическое и эмпирическое изучение современного глобального рынка труда верифицировано в соответствии со значимыми для исследователей проблемами, что позволяет рассмотреть множественность направлений трансформации рынка и выявить комплекс существующих тенденций.

Современные тенденции мирового рынка труда

Особенную угрозу на современном этапе представляет *структурная* и *скрытая безработица*. Существует несоответствие между спросом и предложением труда в объеме на 2019 г. более 188 млн безработных в мире [1]. Еще 165 млн человек работают, но хотят работать большее количество часов. Кроме того, около 120 млн человек не классифицируются как безработные, но их занятость характеризуется как частичная и они находятся в положении потенциальной безработицы. Часть трудовых ресурсов отчаялись в поисках работы, либо все еще пребывают в поисках таковой, отмечая, что не могут найти достойной работы.

Таким образом, более чем 470 млн человек во всем мире не имеют адекватного доступа к оплачиваемой работе как таковой или лишены возможности работать желаемое количество часов. Подобные результаты формируют ряд тенденций:

- недостаточное использование рабочей силы;
- рост занятости в странах с высоким уровнем дохода обеспечивается преимущественно за счет снижения производительности труда;
- формирование занятости преимущественно в секторе услуг, где средняя добавленная стоимость на одного работника относительно низкая;
- ряд стран со средним уровнем дохода, переживших экономические кризисы в последние годы, все еще демонстрируют высокий уровень безработицы и вряд ли смогут сбалансировать рынок труда в ближайшем будущем ввиду ослабленных перспектив развития глобальной экономики;
- оплачиваемая работа не является гарантией достойных условий труда или достаточного уровня дохода для большей части из 3,3 млрд занятых во всем мире по оценкам 2019 г.;
- недостаточный уровень дохода и иных форм финансовой поддержки вынуждает работников переходить

в неформальный сектор с более низким уровнем заработной платы и меньшими гарантиями труда и занятости.

Даже в странах с высоким уровнем дохода растет число самозанятых, для которых, как правило, снижены возможности роста трудового дохода, дополнительной мотивации труда, дополнительных социальных гарантий. В целом около 2 млрд работников в мире заняты в неформальном секторе, что составляет 61% мировой рабочей силы.

Плохие условия труда также проявляются в низких доходах. В 2019 г. более 630 млн работников по всему миру, т.е. почти каждый ,ли 19% всех занятых, не заработали достаточно, чтобы поднять себя и свои семьи из крайней или умеренной бедности, которая определяется как заработок менее 3,20 долларов США в день по паритету покупательной способности (ППС).

Прогнозируемая высокая занятость в странах со средним доходом, обусловленная главным образом созданием рабочих мест низкого качества, означает рост числа работающих бедных в ближайшей перспективе. Недостаточный экономический рост на душу населения является одной из причин, почему еще не удалось ощутимо улучшить условия жизни столь многих работников в странах с низким уровнем дохода.

Тем не менее в странах с низким уровнем дохода, как правило, самая высокая занятость населения (68%), поскольку трудовые ресурсы вынуждены искать места занятости независимо от их качества. Среди 11 субрегионов мира самый высокий уровень безработицы в Северной Африке (12%), Центральной и Западной Азии (9%), а самые низкие показатели наблюдаются в Юго-Восточной Азии и Тихоокеанском регионе (3%) и Северной Америке (4%).

Неполная занятость, связанная с ограничением времени труда, влияет только на 1% всех работников, как в Северной Америке, так и Восточной Европе, но подобное явление гораздо в большей степени представлено в странах Латинской Америки и Карибского бассейна (8%), а в странах с низким уровнем дохода достигает 13%.

Неравный доступ к достойной работе приводит и к неравенствам доходов. Трудовой доход является основной частью дохода более 3,3 млрд работников по всему миру. До недавнего времени достоверные оценки уровня доходов по странам и их сопоставление были недоступны в большинстве стран из-за отсутствия данных о трудовых доходах среди самозанятых, которые составляют практически половину всей мировой рабочей силы.

Выявленные тенденции мирового рынка труда ставят ряд проблемных вопросов для решения как на уровне национальных рынков, так и на мировом рынке труда совместно с международными организациями.

Гендерная асимметрия и профессиональная сегрегация

По оценкам МОТ, на современном этапе развития мирового труда отмечается гендерная асимметрия. На протяжении трудовой жизни женщины все еще сталкиваются с серьезными препятствиями на пути к достойному труду. Как отмечается в официальном ежегодном докладе МОТ, за время, прошедшее после проведения в Пекине в 1995 г. IV Всемирной конференции по положению женщин, произошли лишь незначительные изменения в лучшую сторону и сохранились серьезные пробелы, которые предстоит преодолеть в области устойчивого развития на период до 2030 г. [20].

На глобальных рынках труда между женщинами и мужчинами сохраняется неравенство возможностей, доступности и результативности в трудовой сфере. В период с 1995 по 2015 г. уровень участия женщин в составе рабочей силы в мире снизился с 52,4 до 49,6%. Соответствующие показатели среди мужчин составляют 79,9 и 76,1%. Женщины оказываются безработными чаще, чем мужчины: безработица в мире достигла 5,5% среди мужчин и 6,2% среди женщин [1].

Во всех регионах мира, кроме Восточной Азии, Восточной Европы и Северной Америки, уровень безработицы среди мужчин ниже, чем среди женщин, а наибольшая разница по этому показателю отмечается в Северной Африке и арабских государствах. В странах Северной, Южной и Западной Европы, а также в Северной Америке гендерный разрыв в численности безработных в результате финансового кризиса уменьшился преимущественно из-за экономического спада в отраслях, где доминировали мужчины, а также из-за роста занятости среди замужних женщин, многие из которых вышли на работу, чтобы компенсировать потерю в доходах семьи после утраты работы мужчинами.

В 2015 г. в мире насчитывалось 585 млн женщин, которые по статусу занятости относились к самостоятельно занятым работникам или работникам семейных предприятий. Женщин по-прежнему непропорционально много среди неоплачиваемых работников семейных предприятий [12]. Средняя продолжительность рабочего дня среди женщин (самозанятых или наемных работников) больше,

чем среди мужчин, и эта разница в развивающихся и развитых странах составляет 73 минуты и 33 минуты в день соответственно.

Гендерный разрыв в уровне и качестве занятости означает, что женщины ограничены в доступе к системам социальной защиты, основанным на участии в трудовой деятельности (там, где такие системы существуют). Тот факт, что женщины меньше представлены среди работников, нанимаемых официально, что их продолжительность рабочего времени меньше и что они имеют более короткий трудовой страховой стаж, негативно сказывается на размере доплаты за выслугу лет и возможности участвовать в программах социального обеспечения, основанных на взносах.

Профессиональная сегрегация еще более усугубилась за последние два десятилетия по причине технологических изменений, требующих определенного уровня профессиональной квалификации, особенно в развитых странах и странах с формирующейся рыночной экономикой.

В период с 1995 по 2015 г. наиболее высокими темпами занятость росла в странах с формирующимся рынком. В абсолютном выражении занятость вдвое выше среди мужчин, чем среди женщин (382 млн мужчин и 191 млн женщин), отмечалась независимо от уровня необходимой профессиональной подготовки.

Гендерные стереотипы, которые подчеркивают роль женщин в домохозяйствах, глубоко укоренившиеся в некоторых регионах, приводят к недоиспользованию женского труда в Северной Африке, арабских государствах, где сосредоточены 40% женской рабочей силы.

Помимо доступа к занятости, существуют также гендерные различия в отношении качества работы. Это верно даже в тех регионах, где женщины добились значительных успехов на рынке труда. В Латинской Америке и странах Карибского бассейна, например, средний уровень образования женщины в настоящее время превосходит мужчин, однако женщины в регионе по-прежнему зарабатывают на 17 центов меньше в час, чем мужчины.

Молодежный сегмент рынка труда

Возраст является еще одним критерием неравенства на рынке труда: 267 млн молодых людей в возрасте от 15 до 24 лет в мире (или 22% этой возрастной группы) не работают и не обучаются.

По оценкам МОТ, в мире по-прежнему вызывает озабоченность безработица среди молодежи. Почти во всех регионах мира от безработицы чаще страдают молодые женщины, чем молодые мужчины. В странах Северной Африки и Ближнего Востока уровень молодежной безработицы почти вдвое выше среди женщин, чем среди мужчин, составляя 44,3 и 44,1% соответственно. В то же время в Северной Америке, Восточной Азии и Северной, Южной и Западной Европе безработица среди молодежи выше среди мужчин, чем среди женщин.

Кроме того, многие молодые люди, работающие по найму, сталкиваются с ограничениями доступа к достойному труду.

В Африке неформальный сектор включает 95% молодых работников. Учитывая, что абсолютная численность населения возрастной группы 15–24 года значительно возрастет. В Африке создание достаточного количества возможностей достойного труда является одной из самых насущных проблем этого региона.

Молодые работники испытывают значительные проблемы на рынке труда в Европе и Центральной Азии. Качество рабочих мест, доступных для молодых работников, ухудшилось, растет распространение временной занятости в регионах. В этой связи возникает необходимость более пристального изучения молодежной группы как первичного сегмента в части формирования рабочей силы.

Современный молодежный рынок труда России как часть мирового характеризуется увеличивающимся разрывом между трудовыми притязаниями молодых и возможностями их удовлетворения. Поскольку молодежь, как правило, не имеет практического опыта трудовой деятельности (либо он недостаточен), ее высокие требования к оплате труда делают проблематичным поиск подходящей работы. Отсутствие соответствующего стажа часто становится препятствием при заполнении вакансий, так как руководители предприятий и организаций предпочитают нанимать специалистов, имеющих достаточный опыт работы.

Возникновению проблем на молодежном рынке труда предшествует и период ранней трудовой социализации (в подростковом возрасте). Многочисленные исследования в области молодежной занятости показали, что особое место занимают проблемы занятости несовершеннолетних, сегодня значительно раньше выходящих на рынок труда, чем в предшествующие годы, и потому требующие особенно пристального внимания.

Достаточно широко представлен в рамках молодежного сегмента трудовых отношений и теневой рынок труда.

Минимизировав нравственные, социальные и профессиональные потери на этапах ранней социализации

подростков, возможно во многом предотвратить проблемы молодежной безработицы, ранней трудовой социализации и профессиональной демотивации, сформировав предпосылки для качественного развития рабочей силы.

Производительность труда

Экономический рост в стране в контексте рынка труда можно отнести либо к увеличению количества занятости, либо к более эффективному использованию труда. Последний эффект можно описать с помощью показателя производительности труда.

Производительность труда является ключевым показателем экономической эффективности функционирования рынка труда. Понимание движущих сил, в частности накопления машин и оборудования, улучшения в организации, а также физическая и институциональная инфраструктура, улучшение здоровья и навыков работников («человеческий капитал») и создание новых технологий важны для разработки политики поддержки экономического роста. Такая политика может быть направлена на регулирование отраслей и торговли, институциональных инноваций, государственных инвестиционных программ в инфраструктуру, а также на развитие человеческого капитала, технологий или любую из их комбинаций.

Оценки производительности труда могут помочь в разработке политики на рынке труда и отслеживании ее последствий. Например, высокая производительность труда часто связана с высоким уровнем или определенными типами человеческого капитала, указывающими приоритеты для конкретной политики в области образования и обучения. Аналогично тенденции в оценках производительности можно использовать для понимания влияния расчетов по заработной плате на темпы инфляции или для обеспечения того, чтобы такие изменения компенсировали работникам (частично) реализованные ими улучшения производительности. Наконец, показатели производительности могут помочь понять, как производительность рынка труда влияет на уровень жизни. Когда интенсивность использования рабочей силы (среднее количество рабочих часов в год на душу населения) низкая, создание возможностей для трудоустройства является важным средством повышения дохода на душу населения в дополнение к росту производительности.

Объемы национального производства, используемые в оценке производительности труда, получаем из национальных счетов как показатель ВВП в рыночных ценах для совокупной экономики.

Однако, несмотря на общие принципы ООН по организации системы национальных счетов, по-прежнему существуют проблемы с международной согласованностью оценок национальных счетов, особенно в странах, не входящих в ОЭСР. Факторы, влияющие на сопоставимость данных по странам, включают различия в подходах к выпуску в секторе услуг, различия в процедурах, используемых для корректировки показателей выпуска при изменении цен, различия в степени охвата неформальной экономической деятельности в развивающихся странах и теневого сегмента в развитых экономиках.

Оценки занятости, как правило, приведены для усредненного числа лиц, имеющих одну или несколько оплачиваемых работ в течение года. Во многих странах статистические данные о количестве самозанятых, занятых всемейных производствах, сельском хозяйстве и неформальном производственном секторе, не обладают необходимой достоверностью и полнотой. Как и в случае оценок выпуска, оценки занятости чувствительны к недостаточному охвату неформальной или теневой деятельности, которая зачастую несет значимую часть затрат труда.

Тем не менее, по данным официальной статистики, рост производительности труда в регионе ОЭСР за последние годы остается слабым и значительно ниже докризисных показателей.

С 2010 г. ежегодный рост производительности труда в мире замедлился до 0,9%, что составляет примерно половину от уровня докризисного периода 2000–2005 гг. Преимущественно замедление роста производительности труда обусловлено его еще большим снижением в странах, и так демонстрировавших крайне низкие показатели, таких как: Чили, Эстония, Корея и Португалия, что подрывает в целом темпы сближения стран с теми, где уровень производительности труда характеризуется как высокий.

Современная статистика по рынку труда в РФ также позволяет сделать некоторые выводы о характере изменения показателя производительности рабочей силы на современном этапе.

Рассматриваемый период 2010–2016 гг. включает два ключевых социально-экономических явления, несомненно, оказавших воздействие на изменение тенденций на рынке труда: это послекризисный период 2010–2014 гг., кризис 2014 г. и последствия, опреде-

ляющие формирование процессов труда и занятости в период 2014–2016 гг.

Численные данные по распределению объема производства экономики, оцениваемого агрегированным показателем ВВП, определяются количественным ростом за рассматриваемый период, с одной стороны, и наметившейся тенденцией слабого роста темпов в послекризисный период начиная с 2014 г. — с другой.

Численность занятых в рассматриваемый период имеет слабо выраженную тенденцию изменения, равно как и показатель объема часов труда. Период 2016 г., как следствие послекризисной трансформации, отличается снижением тенденций по данным показателям.

Процессы же изменения поведенческих особенностей на рынке капитала более динамичны, и период спада во внедрении и приращении основных фондов в производство наблюдался сразу после начала экономического кризиса 2014 г., в то время как процессы труда и занятости несколько опосредованы во времени и откликаются на трансформации экономики с определенным временным лагом.

Заключение

В результате приближенной оценки основных производственных факторов и характера их взаимосвязи на примере статистики России за период 2010–2016 гг. можно сделать следующие выводы:

- характер включения трудовых ресурсов в производственные структуры имеет экстенсивный вид;
- на сегодняшний момент можно говорить об избыточном и экономически неэффективном объеме занятости в соответствии с экономической и производственной структурой;
- в этой связи возникают также вопросы о вероятном усилении процессов скрытой безработицы, в том числе и ее структурной компоненты;
- важно подчеркнуть и дополнительную оценку качества рабочей силы, что позволит сформировать механизм повышения эффективности ее использования;
- рассматриваемая проблема использования труда как фактора производства оценивается как структурно диспропорциональная в соответствии с общим процессом воспроизводства трудовых ресурсов.

Проблемы труда и занятости рассматриваются как неразрывно связанные с проблемами демографической политики в части целого ряда показателей. Среди таковых:

- количественное увеличение численности населения;
- снижение уровня бедности;
- рост качества жизни (рост доходов, активизация включения трудовых ресурсов в процессы труда и занятости, создание условий для возможности труда и занятости);
- технологическая реструктуризация общества и экономики.

Литература

1. World Employment and Social Outlook: Trends 2020. URL: https://www.ilo.org/global/research/global-reports/weso/2020/WCMS_734455/lang--en/index.htm

2. Абдряшитова А.И., Жилина Ж.А., Илларионов А.Е., Кабанов В.А. и др. Комплексный анализ в разработке стратегии региона. Владимир, 2020.

3. Алешина А.В., Булгаков А.Л. Системный риск // Экономика устойчивого развития. 2017. № 1 (29). С. 20–27.

4. Аллагулиева С.М. К вопросу о внутренней трудовой миграции в Российской Федерации // Высшая школа. 2016. № 9-1. С. 68–70.

5. Андреева А.А. Определение понятий «внешняя трудовая миграция» и «внутренняя трудовая миграция» в рамках социологического исследования // Теория и практика общественного развития. 2015. № 8. С. 18–20.

6. Андрюшкова Е.А. К вопросу о понятийном аппарате в рамках исследования проблем внутренней миграции // Юридический мир. 2015. № 15. С. 60–64.

7. Бондаренко И.А., Асланова О.А. Экономическое развитие и «провалы» государства // Вестник Академии знаний. 2020. № 1 (36). С. 30–35.

References

1. World Employment and Social Outlook: Trends 2020. URL: https://www.ilo.org/global/research/global-reports/weso/2020/WCMS_734455/lang--en/index.htm

2. Abdryashitova, A.I., Zhilina, Zh.A., Illarionov, A.E., Kabanov, V.A. and oths. Comprehensive analysis in the development of a regional strategy. Vladimir, 2020.

3. Aleshina, A.V., Bulgakov, A.L. Systemic risk. *Economics of sustainable development.* 2017. No. 1 (29). P. 20–27.

4. Allagulieva, S.M. On the issue of internal labor migration in the Russian Federation. *Higher School*. 2016. No. 9-1. P. 68–70.

5. Andreeva, A.A. The definition of the concepts of "external labor migration" and "internal labor migration" in the framework of sociological research. *Theory and practice of social development*. 2015. No. 8. P. 18–20.

6. Andryushkova, E.A. To the question of the conceptual apparatus in the framework of the study of the problems of internal migration. *Legal World*. 2015. No. 15. P. 60–64.

7. Bondarenko, I.A., Aslanova, O.A. Economic development and "failures" of the state. *Bulletin of the Academy of Knowledge*. 2020. No.1 (36). P. 30–35.

8. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Планирование в экономике XXI века: какое и для чего? // Terra Economicus. 2017. № 1. С. 29–43.

9. Вакуленко Е.С. Эконометрический анализ факторов внутренней миграции в России // Региональные исследования. 2015. № 4 (50). С. 83–95.

10. Вышеславова Т.Ф. Современное состояние внутренней миграции рабочей силы в РФ // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 6-2 (56). С. 50–53.

11. Гайфутдинова О.С. Внутренняя миграция как фактор инновационного развития территории (на примере Пермского края) // Экономика предпринимательство. 2015. № 10-1 (63). С. 398–401.

12. Женщины в сфере труда: тенденции в 2016 году. М., 2018.

13. Илюхин А.А., Илюхина С.В. Социальная инфраструктуры и внутренняя трудовая миграция // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2015. № 3 (93). С. 20–24.

14. Казанцева В.А., Ли А.М. Внутренняя трудовая миграция на Дальний Восток России // Студенческая наука XXI века. 2015. № 2(5). С. 318–320.

15. Корнаи Я. Инновации и динамизм: взаимосвязь систем и технического прогресса // Вопросы экономики. 2012. № 4. С. 4–31.

16. Мажинский С.В. Влияние ханьской миграции на национальную идентичность монголов автономного района внутренняя Монголия в середине XX в. // Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности: методология, методика и практика исследования. 2015. С. 240–242.

17. Маткеримова Г.Т. К вопросу о внутренней миграции на рынке труда Кыргызской Республики // Известия вузов. 2014. № 11. С. 86–88.

18. Моисеенков А.А. Миграция и внутренняя безопасность страны // Современная наука: теоретический и практический взгляд. 2014. С. 204–205.

19. Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. М., 1995.

20. Повестка дня в области стратегического развития. URL: https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/about/development-agenda/

21. Стиглиц Дж. Информация и изменение парадигмы экономической теории // Эковест. 2003. № 3. С. 366–421.

22. Томаска А.Г. Внутренняя миграция Республики Саха (Якутия) и социальный портрет сельского мигранта в городских поселениях // Этносоциологические исследования в Республике Саха (Якутия). Якутск, 2015. С. 23–43.

23. Черных А.А. Влияние внутренней и внешней миграции на региональную экономику // Регулирование инновационных и интеграционных процессов в российской экономике: проблемы, механизмы, перспективы. Пенза, 2015. С. 78–82.

24. Эльдяева Н.А., Кованова Е.С. Оценка влияния внутренней трудовой миграции населения на социально-экономическое развитие региона // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. 2015. № 6. С. 106–111.

25. Ясин Е. Государство и экономика на этапе модернизации // Вопросы экономики. 2006. № 4. С. 19–24.

8. Buzgalin, A.V., Kolganov, A.I. Planning in the economy of the 21st century: what and for what? *Terra Economicus*. 2017. No. 1. P. 29–43.

9. Vakulenko, E.S. Econometric analysis of internal migration factors in Russia. *Regional Studies*. 2015. No. 4 (50). P. 83–95.

10. Vysheslavova, T.F. The current state of internal labor migration in the Russian Federation. *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Problems of theory and practice*. 2015. No. 6-2 (56). P. 50–53.

11. Gayfutdinova, O.S. Internal migration as a factor in the innovative development of the territory (on the example of the Perm Territory). *Economics of Entrepreneurship*. 2015. No. 10-1 (63). P. 398–401.

12. Women in the world of work: trends in 2016. Moscow, 2018.

13. Ilyukhin, A.A., Ilyukhina, S.V. Social infrastructure and internal labor migration. *Bulletin of St.-Petersburg State University of Economics*. 2015. No. 3 (93). P. 20–24.

14. Kazantseva, V.A., Lee, A.M. Internal labor migration to the Far East of Russia. *Student Science of the 21st Century*. 2015. No. 2 (5). P. 318–320.

15. Kornai, J. Innovation and dynamism: the relationship of systems and technological progress. *Problems of Economics*. 2012. No. 4. P. 4–31.

16. Mazhinsky, S.V. The influence of Han migration on the national identity of the Mongols of the autonomous region of Inner Mongolia in the middle of the 20th century. In: Man in a changing world. *Problems of identity and social adaptation in history and the present: methodology, methodology and practice of research*. 2015. P. 240–242.

17. Matkerimova, G.T. On the issue of internal migration in the labor market of the Kyrgyz Republic. *News of universities*. 2014. No. 11. P. 86–88.

18. Moiseenkov, A.A. Migration and internal security of the country. In: *Modern science: theoretical and practical view*. 2014. P. 204–205.

19. Olson, M. The logic of collective action. Public goods and group theory. Moscow, 1995.

20. The strategic development agenda. URL: https://www.un.org/sustainabledevelopment/en/about/development-agenda/

21. Stiglitz, J. Information and the paradigm shift of economic theory. *Ecovest*. 2003. No. 3. P. 366–421.

22. Tomask, A.G. Internal migration of the Republic of Sakha (Yakutia) and a social portrait of a rural migrant in urban settlements. In: *Ethno-sociological Studies in the Republic of Sakha (Yakutia)*. Yakutsk, 2015. P. 23–43.

23. Chernykh, A.A. The influence of internal and external migration on the regional economy. In: *Regulation of innovative and integration processes in the Russian economy: problems, mechanisms, prospects*. Penza, 2015. P. 78–82.

24. Eldyaeva, N.A., Kovanova, E.S. Assessing the impact of internal labor migration on the socio-economic development of the region. *Economics, Statistics and Informatics. Bulletin of UMO*. 2015. No. 6. P. 106–111.

25. Yasin, E. State and economics at the stage of modernization. *Issues of Economics*. 2006. No. 4. P. 19–24.

В.К. Левашов,
д-р социол. наук, директор
Института социально-политических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН
(ИСПИ ФНИСЦ РАН)
e-mail: levachov@mail.ru
И.С. Шушпанова,
канд. социол. наук, доц., ведущий научный сотрудник
Центра стратегических социальных
и социально-политических исследований
Института социально-политических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН
(ИСПИ ФНИСЦ РАН)
e-mail: i.s.shushpanova@mail.ru
А.В. Анищенко,
аспирант
Института социально-политических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН
(ИСПИ ФНИСЦ РАН)
e-mail: aav030585@mail.ru

УДК 316.4+338.1
DOI 10.20339/AM.11-20.092

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ МЕРЫ И РЕЗЕРВЫ ПОДДЕРЖКИ РОССИЙСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В УСЛОВИЯХ COVID-КРИЗИСА[1]

Исследуются социальные и политические эффекты COVID-кризиса, оказавшие существенное влияние на все сферы жизнедеятельности российского гражданского общества и правового государства. В сложившихся условиях российское предпринимательство, малый и средний бизнес оказались под угрозой непредвиденных вызовов в экономике, до максимальных значений выросли в последние годы риски банкротств и безработицы. Для понимания причин и содержания происходящих в экономике процессов становится актуальным анализ адекватности и эффективности государственных мер социальной, политической и экономической поддержки с точки зрения предпринимателей, осуществляющих конкретный вклад в экономику страны и обеспечивающих рабочие места и заработную плату работников. Налаживание обратной связи, диалога во взаимодействии бизнеса и власти является проблемной зоной применения инструментов государственной поддержки. Результаты исследований показали, что более половины предприятий не попали в перечень пострадавших отраслей, составленный органами власти, а предложенные государством меры поддержки оказались недоступными либо неэффективными для оперативного решения актуальных проблем большинства российских предпринимателей. В статье исследуются резервы и возможности повышения эффективности мер государственной поддержки российскому предпринимательству.

Ключевые слова: *российское предпринимательство, COVID-кризис, малый и средний бизнес, гражданское общество и правовое государство, меры социально-политической и социально-экономической поддержки бизнеса.*

[1] Статья подготовлена в рамках государственного задания № 0137-2019-0037 «Социологический мониторинг “Как живешь, Россия?”»

STATE MEASURES AND RESERVES TO SUPPORT RUSSIAN ENTREPRENEURSHIP IN THE CONTEXT OF COVID-CRISIS

V.K. Levashov is Dr.Sci. (Sociology), Director of Institute of Socio-Political Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of RAS (ISPR FCTAS RAS); **I.S. Shushpanova** is Cand. Sci. (Sociology), Ass. prof., Leading Researcher of the Center for Strategic social and socio-political research, Institute of Socio-Political Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of RAS (ISPR FCTAS RAS); and **A.V. Anishchenko** is Ph.D. student at Institute of Socio-Political Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of RASciences (ISPR FCTAS RAS)

Researched are social and political effects of the COVID-crisis, having significant impact on all spheres of Russian civil society and the rule of law. Under the current conditions, Russian entrepreneurship and small and medium-sized businesses are under the threat of unforeseen challenges in the economy, and the risks of bankruptcy and unemployment have increased to their maximum in recent years. To understand the causes and content of the processes occurring in the economy, it becomes relevant to analyze the adequacy and effectiveness of state measures of social, political and economic support from the point of view of entrepreneurs themselves, who make a specific contribution to the country's economy and provide jobs and wages for employees. Establishing feedback and dialogue in the interaction of business and government is a problem area for using state support tools. The research results showed that more than half of the enterprises were not included in the list of affected industries compiled by the authorities, and the support measures proposed by the state proved to be unavailable or ineffective for promptly solving the current problems of the majority of Russian entrepreneurs. The article examines the reserves and opportunities for improving the effectiveness of state support measures for Russian entrepreneurship.

Key words: *Russian entrepreneurship, COVID-crisis, small and medium-sized businesses, civil society and the rule of law, measures of socio-political and socio-economic support for business.*

Эксперты об эффектах мер сдерживания пандемии

Стремительный рост числа заболевших, высокий уровень смертности и отсутствие вакцины, позволяющей противостоять распространению коронавируса, повлияли на решение властных органов о скорейшей самоизоляции людей, резком снижении числа социальных и физических контактов и взаимодействий до минимума и введении повсеместно обязательных мер профилактики. Были закрыты социальные объекты, предприятия и другие организации, а работники, по возможности, перешли на дистанционный режим работы.

Резкое снижение доходов, а зачастую и их отсутствие привели сферу предпринимательства к экономическому кризису. В первом квартале 2020 г. число решений судов о признании граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, банкротами возросло на 68% по сравнению с тем же периодом 2019 г.[1] В то же время уровень безработицы вырос с 4,6% в феврале 2020 г. до 5,8% в апреле 2020 г.[2] На этом этапе роль государства, заключающаяся в оказании адекватной и своевременной помощи, а также принятии мер поддержки сферы предпринимательства, приобрела колоссальное значение. По данным опроса аналитического центра НАФИ, 73% российских предпринимателей нуждаются в государственной поддержке[3]. Только 10% бизнесменов сказали, что им поддержка государства не требуется.

Предложенная государством совокупность социально-политических и социально-экономических мер и инструментов поддержки предпринимателей и их реальное воплощение на практике в условиях COVID-кризиса получили широкое обсуждение в научных и экспертных кругах.

Несостоятельность большинства прогнозных сценариев, сделанных в 2019 г., рассматривается в статье А.В. Тебекина. По его мнению, экономический кризис, выз-

[1] *Источник*: Единый федеральный реестр юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности («Федресурс»). URL: https://fedresurs.ru/news/d08df656-1954-4744-b006-664587821f83
Course: URL: https://fedresurs.ru/news/d08df656-1954-4744-b006-664587821f83

[2] *Course*: URL: https://fedresurs.ru/news/d08df656-1954-4744-b006-664587821f83
Источник: Федеральная служба государственной статистики. URL: https://gks.ru/bgd/free/B09_03/IssWWW.exe/Stg/d05/100.htm
Course: URL: https://gks.ru/bgd/free/B09_03/IssWWW.exe/Stg/d05/100.htm

[3] *Источник*: аналитический центр НАФИ. Репрезентативный всероссийский опрос индивидуальных предпринимателей и собственников малого и среднего бизнеса проведен НАФИ 28 марта — 3 апреля 2020 г. Опрошены 1508 руководящих сотрудников предприятий в 8 федеральных округах России. URL: https://nafi.ru/analytics/biznes-v-izolyatsii/
Course: URL: https://nafi.ru/analytics/biznes-v-izolyatsii/

ванный распространением коронавируса, «несет серьезные угрозы экономической безопасности для российской экономики как с точки зрения стабилизации ее уровня в краткосрочной перспективе, так и обеспечения высоких темпов ее роста в среднесрочной перспективе» [7. С. 52].

В статье «Пандемия и политический порядок» Ф. Фукуяма отмечал, что кризис, вызванный вирусом COVID-19, будет иметь затяжной характер, измеряемый не кварталами, а годами [8]. По мнению автора, наиболее вероятными схемами восстановления экономики являются L-образная модель, характеризующаяся длинным загнутым вверх хвостом, и модель, состоящая из серии W-образных зигзагов. В ближайшей перспективе мировая экономика не вернется к докризисному состоянию. Более всего пострадают от COVID-кризиса торговые центры, розничные сети и сфера туризма. Только крупный бизнес с большим капиталом сможет пережить экономический кризис, вызванный пандемией. В выигрыше останутся крупные технологические компании, продвигающие и использующие в своем бизнесе цифровые технологии. Ф. Фукуяма выделил три фактора, способствующие успешному выходу стран из пандемии: потенциал государства, социальное доверие и лидерство.

Анализу возможностей усиления экономического воздействия с целью пополнения финансов малого бизнеса, а также совокупности мер государственной помощи посвящены статьи С.Н. Малофеева и И.А. Исаевой [2; 4]. Международный опыт государственной поддержки малого и среднего бизнеса в условиях COVID-кризиса анализируется в работе Н.С. Сергиенко [6]. Оценки бизнес-моделей и влияние кризиса на прибыль, занятость и кредитование в сложившихся условиях рассмотрены С.П. Земцовым и Ю.В. Царевой [1].

По мнению В.К. Королева и О.В.Евграфовой, российские органы власти, полагая, что сложившаяся экономическая ситуация не нуждается в глобальных изменениях, применяют ситуативное реагирование, «призванное, действуя в ручном режиме управления, минимизировать экономические потери» [3. С. 52]. Безусловно, ограничительные меры, введенные органами власти в России, негативно повлияли на экономическую ситуацию. Так, Р.М. Нижегородцев ставит вопрос о степени адекватности мероприятий по поддержке российской экономики, «когда меры прямого регулирования носят исключительно рестрикционный, запретительный характер, тогда как стимулирующие меры являются только косвенными и потому действуют с вынужденным запаздыванием» [5. С. 135]. Автор приходит к парадоксальному выводу: в российских условиях экономика сдерживалась успешнее самой эпидемии.

Многие эксперты склоняются к мнению о противоречивом воздействии принимаемых государством мер на бизнес-сферу. В ряде случаев произошла остановка целых секторов экономики и частного предпринимательства. Возникает вопрос о целеполагании вводимых мер и непредвиденных социальных и политических эффектах, в том числе латентных. Предстоит продолжить и расширить поиск и обобщение лучших социально-политических практик помощи предпринимателям у нас в стране и за рубежом.

Меры государственной поддержки российского предпринимательства

В России анонсирование и внедрение мер государственной поддержки бизнеса оказалось значительно растянутым по времени. В период с 25 марта по 11 мая 2020 г. президент РФ шесть раз обращался к жителям страны. Однако первые два из этих выступлений 25 марта и 2 апреля 2020 г. в большей степени были посвящены социальной сфере, усилению мер эпидемиологической безопасности, расширению чрезвычайных полномочий глав регионов, а также сначала введению, а затем продлению каникулярных дней для большинства предприятий. Изначально нерабочие дни должны были продлиться 7 дней, с 30 марта по 5 апреля 2020 г. Далее эту меру предупреждения распространения COVID-19 было решено увеличить до 1 мая 2020 г., а затем до 11 мая 2020 г.

В самом начале программы контрпандемических мероприятий учитывались негативные последствия для экономики страны. На этом этапе правительство РФ приняло решение об избирательном подходе к формированию перечня мер господдержки.

Ключевым негативным фактором для малого, среднего предпринимательства и микропредприятий стал вынужденный простой, которому было уделено особое внимание в первом обращении главы государства 25 марта 2020 г. В первую очередь в рамках оказания помощи было предложено сократить страховые взносы с 30 до 15%, а кредитование реального сектора экономики осуществлять через предоставление госгарантий и государственных субсидий в рамках формирования устойчивой системы выделения займов. Рекомендованные меры включали также предоставление компаниям малого и среднего предпринимательства отсрочек по налогам (за исключением НДС), а также установление моратория на банкротство. В совокупности данные меры должны были обеспечить условия стабилизации на рынке труда.

Итогом этого обращения стали четыре постановления правительства РФ о формировании и дополнении перечня «Отраслей российской экономики, в наибольшей степени пострадавших в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции». Первый и основной документ был представлен 3 апреля 2020 г. В первой редакции стратегии оказания помощи устанавливались девять направлений деятельности по 19 из более 1600 существующих в России кодов общероссийского классификатора видов экономической деятельности (ОКВЭД). Впоследствии данный перечень был расширен до 33 кодов ОКВЭД.

После публикации первой редакции списка отраслей, особо пострадавших вследствие коронавирусной инфекции, 7 апреля 2020 г. руководители «большой четверки» крупнейших бизнес-объединений страны написали коллективное письмо на имя главы правительства РФ М.В. Мишустина с просьбой признать все отрасли пострадавшими от COVID-кризиса. В обращении была озвучена просьба рассмотреть возможность применения в России следующих инструментов поддержки:

- освободить компании от уплаты налогов;
- субсидировать платежи за аренду, лизинг и кредиты;
- индивидуальным предпринимателям без наемных работников выплачивать ежемесячное пособие не ниже МРОТ и освободить их от уплаты фиксированных взносов;
- режим самозанятых применить во всех регионах и установить размер налога в 1%;
- вернуть до 30% расходов на санитарно-эпидемиологические мероприятия в виде страховых взносов.

Авторы обращения полагали, что эти меры в первую очередь будут способствовать сохранению рабочих мест, а также повышению спроса на рынке, в том числе на те товары и услуги, которые проходят через процедуру государственных закупок.

Отдельно в обращении были сформулированы предложения о заработных платах. Возможное увольнение сотрудников было названо вынужденной мерой. Бизнес-объединения попросили сократить период уведомления работника об освобождении от должности, а также период выплаты средней зарплаты работникам, которые не устроились на новое место[4].

Имеет смысл подчеркнуть: на практике данные предложения правительством РФ были утверждены лишь частично. После неоднократных обращений представителей предпринимательского сообщества, связанных с критикой мер государственной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства, а также крупного бизнеса в Кремле и кабинете министров стал осуществляться мониторинг ситуации и оперативной реакции властей в сфере предпринимательства. Этому предшествовала публикация открытых писем и аналитических отчетов, свидетельствовавших о существенной дестабилизации ситуации в этой сфере.

Значительные трудности возникли при введении таких мер, как кредитные каникулы, выдача льготных кредитов на заработную плату и проверка со стороны контролирующих органов. В итоге президент РФ был вынужден признать, в частности, неэффективным первоначальное предложение о выдаче займов предприятиям на погашение долгов по заработной плате.

Его очередное, третье за период эпидемии, обращение состоялось 15 апреля 2020 г. Оно прошло в форме вступительного слова в рамках открытой видеоконференции с членами правительства РФ. Глава государства отметил необходимость снижения рисков невозврата кредитов для коммерческих банков и сделал акцент на сохранении штатной численности сотрудников[5].

В апреле 2020 г. Минэкономразвития подписало соглашения с 14 российскими банками о выдаче беспроцентных кредитов малому и среднему бизнесу. На эти цели ЦБ РФ направил финансовым организациям 150 млрд руб. В топ-30 банков отмечали, что заявки на отсрочки по кредитам поступают десятками тысяч, но требованиям госпрограммы не соответствуют[6]. Совокупность этих факторов привела к тому, что предприниматели, готовые к оформлению кредита, вынуждены были обратиться в Госдуму РФ с просьбой корректировки механизмов оказания помощи.

Спустя месяц в шестом по счету обращении президента РФ были озвучены дополнения к программам. В числе

[4] *Реймерс В.* Крупнейшие бизнес-объединения страны заявили о необходимости государственной поддержки всех отраслей экономики. URL: https://csn-tv.ru/posts/id3133-krupneishie-biznes-obedineniya-strany-zayavili-o-neobkhodimosti-gosudarstvennoi-podderzhki-vsekh-otraslei-ekonomiki
Reimers, V. The largest business associations of the country declared the need for state support for all sectors of the economy. URL: https://csn-tv.ru/posts/id3133-krupneishie-biznes-obedineniya-strany-zayavili-o-neobkhodimosti-gosudarstvennoi-podderzhki-vsekh-otraslei-ekonomiki

[5] *Фаляхов Р., Дубравицкая О.* Не копить долги: Путин огласил второй пакет господдержки бизнесу. URL: https://www.gazeta.ru/business/2020/04/15/13049761.shtml
Falyakhov, R., Dubravitskaya, O. Don't save up debts: Putin announced the second package of state support for business. URL: https://www.gazeta.ru/business/2020/04/15/13049761.shtml

[6] Путин рассказал об убытках банков в связи с антикризисной помощью. URL: https://iz.ru/1003526/2020-04-23/putin-rasskazal-ob-ubytkakh-bankov-v-sviazi-s-antikrizisnoi-pomoshchiu
Putin spoke about the losses of banks in connection with the anti-crisis assistance. URL: https://iz.ru/1003526/2020-04-23/putin-rasskazal-ob-ubytkakh-bankov-v-sviazi-s-antikrizisnoi-pomoshchiu

прочего право на льготы получили представители социально ориентированных НКО. Помимо кредитов, предприятия должны будут софинансировать выплату зарплат. При этом выплата заработной платы на предприятиях, деятельность которых была приостановлена, должна сохраниться. Самозанятым гражданам государство также предложило ряд мер поддержки. Налог на доход за 2019 г. планировалось вернуть в полном объеме. Более того, государство предложило предоставить налоговый вычет для индивидуальных предпринимателей [7].

Еще одно обновление списка отраслей, особо пострадавших в результате негативного влияния коронавирусной инфекции, было проведено в конце мая 2020 г. Перечень был дополнен такими видами деятельности, как торговля книгами, издательская деятельность и деятельность всех видов СМИ.

В рамках предоставления льгот в мае 2020 г., по данным ФНС, только на получение субсидии на оплату фонда заработной платы сотрудникам в размере минимального размера оплаты труда (12 130 руб.) было получено свыше 874 тысячи обращений от организаций и индивидуальных предпринимателей. Ведомство распространило информацию о том, что из них одобрено было 712 456 заявок на общую сумму 24 692,9 млн руб.[8]

Вследствие бюрократических процедур в ряде регионов сложилась ситуация, из-за которой индивидуальные предприниматели и организации не смогли оперативно воспользоваться данной мерой государственной поддержки. Вполне допустимо, что из-за этого на данный момент сохраняется негативный прогноз по росту безработицы в стране.

По мнению министра труда и социальной защиты А.О. Котякова, численность безработных в России может достигнуть 5–6 млн человек[9]. Более того, по оценкам ВШЭ, есть предположение о сокращении штатов корпоративного сектора на 700 тыс. человек против 1,5 млн человек в секторе некорпоративном. При базовом сценарии развития событий восстановление рынка труда будет происходить быстрее именно у некорпоративного сектора[10]. По данным Центра стратегических разработок, число российских компаний, рискующих стать банкротами, за время действия карантинных мероприятий возросло до 33% к концу апреля 2020 г.[11]

Большинство российских организаций опасаются не только собственного банкротства, но и банкротства своих контрагентов. Не защищены мораторием на банкротство 58% предприятий с высоким риском банкротства[12]. При этом аналитики предсказали возможный «эффект домино» — закрытие целых цепочек контрагентов.

Государственная поддержка системообразующих предприятий

Чтобы избежать «эффекта домино» в экономике, правительство сделало ставку на поддержку крупного бизнеса. Кабинетом министров был подготовлен проект расширения перечня системообразующих предприятий страны. В списке, утвержденном в начале апреля 2020 г., оказалось 646 компаний. Но уже к 17 апреля 2020 г. правительство РФ составило полностью новый перечень компаний, исходя из актуализированных критериев.

Президент В.В. Путин в ходе совещания с правительством поручил доработать список системообразующих предприятий. Глава государства особо отметил, что в нем должны быть исключительно важные для национальной экономики предприятия, которые будут соответствовать четким критериям. Он также предложил создать специальный кредитный продукт для системообразующих предприятий[13].

Работу по обновлению требований к этой категории бизнеса выполнили в Министерстве экономического развития РФ. Соответствующий документ был представлен на сайте кабинета министров 30 апреля 2020 г. Отметим, что публикация данного документа не позволила сразу же за-

[7] Обращение Путина к россиянам в связи с коронавирусом. Кому помогут? URL: https://www.kommersant.ru/doc/4341878
Putin's message to Russians in connection with the coronavirus. Who will be helped? URL: https://www.kommersant.ru/doc/4341878

[8] *Источник*: Федеральная налоговая служба. URL: https://www.nalog.ru/rn77/business-support-2020/subsidy/
Source: URL: https://www.nalog.ru/rn77/business-support-2020/subsidy/

[9] *Гордеев В.* Минтруд допустил появление до 6 млн безработных в России после эпидемии. URL: https://www.rbc.ru/society/28/04/2020/5ea87a179a794752f55d0511
Gordeev, V. The Ministry of Labor allowed up to 6 million unemployed to appear in Russia after the epidemic. URL: https://www.rbc.ru/society/28/04/2020/5ea87a179a794752f55d0511

[10] *Гордеев В., Дронов И.* Ректор ВШЭ предупредил о риске обеднения среднего класса в России. URL: https://www.rbc.ru/society/27/04/2020/5ea736a29a7947c355361fcb
Gordeev, V., Dronov, I. HSE Rector warned about the risk of impoverishment of the middle class in Russia.

[11] *Источник:* Центр стратегических разработок. URL: https://www.csr.ru/ru/news/monitoring-biznes-klimata-rossii-negativnye-tendentsii-v-ekonomike-snizhayutsya/
Source: URL: https://www.csr.ru/ru/news/monitoring-biznes-klimata-rossii-negativnye-tendentsii-v-ekonomike-snizhayutsya/

[12] *Источник:* Центр стратегических разработок. URL: https://www.csr.ru/ru/news/onlayn-efir-tssr-bankrostvo-realnaya-praktika/
Source: URL: https://www.csr.ru/ru/news/monitoring-biznes-klimata-rossii-negativnye-tendentsii-v-ekonomike-snizhayutsya/

[13] *Филипенок А., Левинская А.* Путин поручил доработать список системообразующих предприятий. URL: https://www.rbc.ru/economics/15/04/2020/5e9709969a79475311d0d825
Filipenok, A., Levinskaya, A. Putin instructed to finalize the list of strategic enterprises. URL: https://www.rbc.ru/economics/15/04/2020/5e9709969a79475311d0d825

пустить процесс рассмотрения заявок от крупного бизнеса на получение помощи. В постановлении правительства РФ № 651 отдельно оговаривалась норма прохождения так называемого стресс-тестирования. Однако попадание в перечень системообразующих организаций не гарантирует компаниям доступ к бюджетным средствам. Сроки и объем господдержки должны формироваться с помощью мониторинга, который Минэкономразвития должно проводить совместно с банками. При этом отдельным обязательным требованием к заявителям стало раскрытие всей коммерческой информации хозяйственной деятельности предприятия.

В постановлении правительства РФ от 10.05.2020 № 651 не содержалась детализация механизма прохождения стресс-тестирования. В этом документе тезисно излагалась процедура подачи и рассмотрения заявки от предприятий, ранее включенных в состав особо влияющих на экономику государства. Также в этом документе приводились конкретные меры помощи, которые могут быть предусмотрены для данной категории бизнеса[14].

По мере того, как формировались критерии отбора и озвучивались возможные меры оказания помощи крупному бизнесу, корректировались и условия предоставления государственной поддержки. В процессе было учтено пожелание от крупных общественных организаций и бизнес-объединений о необходимости распространения части льгот для дочерних компаний и групп компаний, входящих в состав системообразующих.

По состоянию на 29 мая 2020 г., в список системообразующих были включены 1139 компаний. Наибольшее число компаний в результате представил Минпромторг (513 компаний). Минтранс включил в список 161 организацию, Минэнерго — 96, Минсельхоз — 96, Минкомсвязи — 91, Минстрой — 76, ГК «Росатом» — 38, Минкультуры — 26, ГК «Роскосмос» — 25, Минспорт — 9, Минфин — 4. От Минтруда, Минобороны, Росреестра и Минприроды в итоговый перечень было включено всего по одной компании[15].

Кремль провел цикл отраслевых видеоконференций. Первые две из них были посвящены развитию радиоэлектронной промышленности, а также строительству. Во время второй конференции В.В. Путин заявил, что именно строительство должно стать «локомотивом» роста в период выхода из кризиса, связанного с COVID-19. Как следствие, крупные строительные компании должны будут подтянуть экономическое состояние малого и среднего бизнеса, своих субподрядчиков.

Территориально-региональный фактор в распределении системообразующих предприятий практически не задействован властными органами. По данным Минэкономразвития РФ, в 10 субъектах страны не оказалось ни одной компании, которая могла бы быть включена в перечень крупного бизнеса, особым образом влияющего на экономику государства. В итоге наибольшая часть системообразующих компаний оказалась сконцентрирована в крупных городах-миллионниках.

За счет такого распределения, как минимум в краткосрочной перспективе, разрыв в экономическом благосостоянии российских регионов будет только усугубляться. Это обусловлено тем, что крупные компании из обеспеченных регионов смогут воспользоваться мерами государственной поддержки и, как следствие, с незначительными потерями выйти из финансовых трудностей. Учитывая сам факт территориального формирования данного перечня, вероятность реализации сценария «эффекта домино» может оказаться более высокой. В долгосрочной перспективе расслоение «богатых» и «бедных» субъектов будет только увеличиваться.

Что же касается реализации мер государственной поддержки, то функция по доведению денег компаниям была передана банковским структурам. В этой программе приняли участие пять кредитных организаций: «Сбербанк», ВТБ, Газпромбанк, Совкомбанк и банк «АкБарс». Предварительно ими были одобрены займы для 32 системообразующих компаний, на которых заняты 859 тыс. работников.

Практическая реализация мер оказания помощи системообразующим предприятиям началась в то время, когда глава государства продолжал проведение отраслевых совещаний. Правительство РФ утвердило правила выдачи гарантий госкорпорации ВЭБ.РФ, которая выступила поручителем по кредитам, предполагающимся к выдаче системообразующим предприятиям. Сумма бюджетной поддержки составила 220 млрд руб. Согласно предварительной оценке Минэкономразвития РФ, общий объем таких займов может составить около 436 млрд руб. Поручительства ВЭБ будут покрывать до 50% обязательств заемщиков перед кредиторами, а госгарантия будет покрывать 100% обязательств предприятий перед ВЭБ[16].

[14] См.: Постановление правительства РФ от 10.05.2020 № 651 «О мерах поддержки системообразующих организаций». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_352128/
See: Resolution of the Government of the RF of 05/10/2020 No. 651. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_352128/

[15] *Источник*: Министерство экономического развития РФ. URL: https://data.economy.gov.ru/
Source: URL: https://data.economy.gov.ru/

[16] *Казарновский П.* Правительство выдаст ВЭБу гарантию на 220 млрд руб. URL: https://www.rbc.ru/finances/29/05/2020/5ed0d6709a794749753e253d
Kazarnovsky, P. The government will issue a guarantee to VEB for 220 billion rubles. URL: https://www.rbc.ru/finances/29/05/2020/5ed0d6709a794749753e253d

Мера по предоставлению государственных гарантий по займам была обоснована необходимостью создания безопасных условий работы для банковского сектора. По мнению главы ЦБ РФ Э.С. Набиуллиной, наиболее уязвимыми заемщиками оказались граждане, предприятия из числа малого и среднего предпринимательства. На данные категории пришлась треть кредитного портфеля банковской системы. Предварительная оценка этих активов составила 19 трлн руб.[17]

В конце апреля 2020 г. ЦБ РФ перешел к «мягкой политике» на фоне ожидаемого провала экономики из-за кризиса. Стратегическим решением стало снижение ключевой ставки на 0,5 п.п. с 6 до 5,5%. Волатильность на рынках не привела к кардинальному разгону цен: инфляция в стране увеличилась с 2,3% в феврале до 2,5% в марте 2020 г. Согласно прогнозам ЦБ по итогам 2020 г. инфляция составит 3,8–4,8%, а в дальнейшем будет находиться на уровне 4%. Банк России 24 апреля 2020 г. также пересмотрел свой экономический прогноз. ВВП в 2020 г. снизится на 4–6%, а восстановительный рост составит 2,8–4,8% в 2021 г. и 1,5–3,5% в 2022 г.[18]

Выход из кризиса за счет «дешевых денег» стал одним из ключевых элементов борьбы за устойчивость национальной экономики. По состоянию на 1 апреля 2020 г. Фонд национального благосостояния России вырос на 4,6 трлн руб. и составил 12,85 трлн руб.[19] Правительство РФ сделало ставку на отказ от чрезмерного расходования средств Фонда национального благосостояния и Резервного фонда в пользу долгосрочной перспективы формирования национального бюджета.

Российское бизнес-сообщество о проблемах развития и резервах поддержки государством

С целью исследования проблем и состояния бизнеса в стране в период распространения COVID-19 Торгово-промышленная палата РФ провела мониторинг мнений предпринимателей. По данным опроса, 46% респондентов российских бизнесменов указали на то, что их деятельность прекращена полностью[20] (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов российских предпринимателей на вопрос: «Упали ли доходы вашего бизнеса?» (*РФ, % от числа опрошенных предпринимателей, апрель 2020 г.*)

Варианты ответов	%
Упали до 10%	5
Упали до 30%	10
Упали до 50%	14
Упали до 75%	25
Деятельность прекращена полностью	46

Источник: Торгово-промышленная палата Российской Федерации. Исследование «Бизнес-барометр страны».

Четверть предпринимателей ответили, что их доход упал до 75%. До 50% прибыль от бизнеса сократилась у 14% представителей бизнес-сообщества, до 30 — у 10% и до 10% — у 5% опрошенных. Таким образом, почти половина предприятий в России лишились доходов вследствие COVID-кризиса, в том числе из-за решений государственных органов о самоизоляции граждан.

Предприниматели своими личными накопленными средствами и ресурсами старались сохранить штатную численность персонала. И все же вариант ответа на вопрос: «Пришлось ли вам уже сокращать сотрудников?» выбрали наибольшее число респондентов (41%). Почти четверть бизнесменов объявили вынужденный простой (23%), а 15% опрошенных сказали, что сокращения не проводили, но отправили персонал в отпуск за свой счет. Пятая часть предпринимателей были вынуждены пойти на увольнения: 11% бизнесменов сократили штат частично, а 10% полностью.

Российские предприниматели пессимистично отреагировали на меры, предложенные государством в качестве помощи и поддержки их деятельности. Большинство бизнесменов ответили, что их организация не попала в перечень пострадавших отраслей (54%).

[17] *Гришина Т.* Деньги дешевые, но не бесконечные. Глава ЦБ рассказала депутатам о самочувствии банковского сектора в кризис. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4333693

[18] *Grishina, T.* Money is cheap, but not infinite. The head of the Central Bank told the deputies about the state of the banking sector in the crisis. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4333693
Источник: Банк России. URL: https://www.cbr.ru/press/pr/?file=24042020_133000Key.htm (15.06.2020).
Source: URL: https://www.cbr.ru/press/pr/?file=24042020_133000Key.htm (15.06.2020).

[19] *Источник*: Министерство финансов Российской Федерации. URL: https://www.minfin.ru/ru/perfomance/nationalwealthfund/statistics/?id_65=27068-obem_fonda_natsionalnogo_blagosostoyaniya
Source: URL: https://www.minfin.ru/ru/perfomance/nationalwealthfund/statistics/?id_65=27068-obem_fonda_natsionalnogo_blagosostoyaniya

[20] *Источник*: Торгово-промышленная палата Российской Федерации. URL: http://ngtpp.ru/wp-content/uploads/2020/04/Prilozhenie_ITOGI-BBS-1-939160-v1.pdf
Source: URL: http://ngtpp.ru/wp-content/uploads/2020/04/Prilozhenie_ITOGI-BBS-1-939160-v1.pdf

На вопрос: «С какими основными проблемами столкнулся ваш бизнес?» представители бизнес-сообщества чаще всего отвечали: «нечем платить арендные платежи» (58%), «не можем воспользоваться мерами поддержки для бизнеса со стороны государства» (55%), «не можем работать удаленно, нет технических возможностей» (47%), «спад объемов работ, отсутствие продаж и спроса, потеря клиентов» (47%) (табл. 2).

Действия российских властей по недопущению распространения коронавируса лишили предпринимателей возможности вести свой бизнес, предложив взамен неэффективные меры поддержки, которыми большинство не смогли воспользоваться. Более того, 63% предпринимателей сказали, что в ближайшей перспективе предложенные меры не помогут ведению бизнеса (табл. 3).

Почти половина бизнесменов уверены, что их компания не попадает под предложенные государством меры поддержки (48%). Отсрочкой по уплате налогов, кредитными каникулами, кредитами на заработную плату под 0% и реструктуризацией кредитов планируют воспользоваться 35, 19, 17 и 12% предпринимателей соответственно.

Таблица 2

Распределение ответов российских предпринимателей на вопрос: «С какими основными проблемами столкнулся ваш бизнес?» (РФ, % от числа опрошенных предпринимателей, апрель 2020 г.)

Варианты ответов	%
Нечем платить арендные платежи	58
Не можем воспользоваться мерами поддержки для бизнеса со стороны государства	55
Не можем работать удаленно, нет технических возможностей	47
Спад объемов работ, отсутствие продаж и спроса, потеря клиентов	47
Отсутствуют средства для основных платежей — зарплата, налоги, кредиты, обязательства по договорам перед поставщиками, пополнение оборотных средств	39
Не можем получить разрешение на работу	26
Низкая покупательская способность населения	26
Большой объем выброса скоропортящейся продукции	23
Отсутствие средств защиты для сотрудников	21
Нет возможности исполнить государственный контракт	7

Источник: Торгово-промышленная палата Российской Федерации. Исследование «Бизнес-барометр страны».

Таблица 3

Распределение ответов российских предпринимателей на вопрос: «Какими мерами поддержки ваш бизнес планирует воспользоваться?» (РФ, % от числа опрошенных предпринимателей, апрель 2020 г.)

Варианты ответов	%
Эти меры нашей компании не помогут, нужны другие	63
Наша компания не попадает под эти меры поддержки	48
Отсрочка по уплате налогов	35
Кредитные каникулы	19
Кредит на заработную плату под 0%	17
Реструктуризация кредитов	12

Источник: Торгово-промышленная палата Российской Федерации. Исследование «Бизнес-барометр страны».

Таким образом, более половины бизнесменов считали, что предложенные российской властью меры по поддержанию бизнеса являются неэффективными, неспособными решить их конкретные актуальные проблемы, вызванные введенным режимом самоизоляции граждан в период распространения коронавируса.

В качестве реальных действенных мер помощи российскому бизнесу большинство предпринимателей хотели бы от властей следующих действий:

- объявление всех отраслей наиболее пострадавшими с включением в меры государственной поддержки (76%);
- субсидии на оплату заработной платы сотрудникам на период нерабочих дней (74%);
- арендные каникулы на весь период карантина (73%);
- объявление ЧС и признание форс-мажора в экономике (63%);
- снижение налогов по УСН (59%);
- кредитование под низкий процент (52%).

Также предприниматели хотели бы воспользоваться «отменой, снижением или каникулами по НДС» (47%), «отсрочкой платежей по всем обязательствам» (34%). Однако российское государство не спешит идти навстречу предпринимателям и предлагает иные меры, которыми большинство бизнесменов не могут воспользоваться.

С 20 по 27 апреля 2020 г. ТПП РФ провела второй этап исследования состояния российской бизнес-сферы[21].

[21] *Источник*: Торгово-промышленная палата Российской Федерации. Исследование «Бизнес-барометр страны» проведено с 20 по 27 апреля 2020 г. (первый этап). В опросе приняли участие 21 586 российских предпринимателя в 83 субъекта РФ. URL: http://kuztpp.ru/ru/news/358614/
Source: URL: http://kuztpp.ru/ru/news/358614/

За данный период большинство российских предпринимателей не почувствовали никаких положительных изменений, часть из них реализовали наихудший сценарий:

- «ничего не изменилось, бизнес стоит уже несколько недель» (54%);
- «стало еще хуже, под меры поддержки государства мы не попали, увольняю сотрудников» (33%).

И только 7% предпринимателей сказали о восстановлении бизнес-деятельности и росте прибыли. По мнению 4% предпринимателей, они смогли воспользоваться мерами поддержки и решили часть своих проблем. У 2% респондентов бизнес оказался востребованным в период распространения коронавируса и введенного режима самоизоляции.

Около трети работодателей (29%) признались, что пошли на увольнения сотрудников: 10% предпринимателей сократили вспомогательный персонал, 11% уволили часть сотрудников, а 8% намерены уволить всех. Часть работодателей воспользовались менее кардинальными мерами: «перевели часть сотрудников на удаленный режим» (26%), «отправили часть сотрудников в отпуск за свой счет» (21%), «снизили размер заработной платы за счет отмены премий» (14%). Только 10% респондентов решили отказаться от увольнений персонала вследствие предложенных государством мер поддержки.

Анализ ответов показал, что большинство бизнесменов посчитали неэффективными и неприменимыми на практике предложенные государством меры поддержки бизнеса:

- не планируют брать кредит 62% предпринимателей;
- не воспользовались или не смогли воспользоваться кредитными каникулами 72%;
- не обращались в банк за реструктуризацией кредита 53% и новым кредитом 64% (табл. 4).

Вследствие различных причин получили отказ в мерах помощи их бизнесу 5–9% предпринимателей. Среди причин отказа бизнесмены чаще всего отмечали невключение их организации в перечень поддержки, замалчивание банком причин отказа, предложение банком невыгодной сделки и др. Доля работодателей, которые смогли воспользоваться мерами поддержки, колебалась в границах

Таблица 4

Использование предложенных государством мер поддержки бизнеса российских предпринимателей (РФ, % от числа опрошенных предпринимателей, апрель 2020 г.)

Меры поддержки	Практика использования мер поддержки	%
Обращение в банк для получения кредита на заработную плату под 0%	Не планируют брать кредит	62
	Обращались, но у банка нет нормативных документов на выдачу таких кредитов	17
	Получили отказ	9
	Обращались, но их банк не уполномочен выдавать такие кредиты	6
	Получили кредит	6
Обращение в банк за получением кредитных каникул	Не обращались, они не нужны	39
	Не обращались, не попали в список пострадавших отраслей	33
	Не обращались, но планируют в ближайшее время	16
	Обращались, но банк отказал	8
	Обращались, получили	4
Обращение в банк за реструктуризацией кредита	Не обращались, нет кредита	53
	Не обращались, но планируют в ближайшее время	36
	Обращались, но банк отказал	7
	Обращались, получили	4
Обращение в банк для получения нового кредита	Не обращались	64
	Не обращались, но планируют в ближайшее время	30
	Обращались, но банк отказал	5
	Обращались, получили	1

Источник: Торгово-промышленная палата Российской Федерации. Исследование «Бизнес-барометр страны»

от 1 до 6%. До трети предпринимателей планировали обратиться в банк за мерами поддержки их бизнеса.

В целом работодатели не хотят брать на себя долговое бремя, предлагаемое государством в качестве меры поддержки. Предприниматели отмечали, что, несмотря на декларацию власти о предоставлении им необходимой помощи в ведении бизнеса и снижении процентной ставки, банковская процентная ставка по кредиту доходила до 28%.

Важным аспектом в исследовании мер поддержки предпринимателей, предлагаемых государством, является оценка работодателей достаточности таких мероприятий. Большинство бизнесменов не понимали, как воспользоваться мерами государственной помощи (52%). Более трети работодателей надеялись на дополнительный пакет мер (36%). Пятая часть предпринимателей уверены, что предложенных государством мер помощи достаточно (14%) или их бизнес находится в устойчивом положении (6%) (табл. 5).

Таблица 5

Распределение ответов российских предпринимателей на вопрос: «Оцените достаточность объявленных государством налоговых и финансовых мер поддержки для сохранения бизнеса?» (РФ, % от числа опрошенных предпринимателей, апрель 2020 г.)

Варианты ответов	%
Не понимаю, как воспользоваться этими мерами	52
Заявленных мер недостаточно, ожидаю дополнительные меры	36
Мер достаточно — наш бизнес сможет продержаться до восстановления работы	14
Нам меры не нужны — бизнес в устойчивом положении	6

Источник: Торгово-промышленная палата Российской Федерации. Исследование «Бизнес-барометр страны».

Предстоит усовершенствовать механизм реализации предложенных государством мер поддержки. Тому есть следующие резоны.

1. Ввиду отсутствия необходимых документов, нормативно-законодательных актов, разъяснений и пояснений процедур для банков и других организаций на практике меры поддержки доходят до предпринимателя со значительным опозданием.

2. Органы власти разрабатывают пакеты мер поддержки бизнес-сообщества исходя из собственных интересов, зачастую игнорируя потребности и запросы широкого круга российских предпринимателей.

Более трети работодателей сказали о том, что:

- «вообще непонятно, какую поддержку можем получить и куда обращаться» (37%);
- «объявляют одни меры поддержки, приходишь получать — другая информация» (35%);
- «информации слишком много, запутался» (28%) (табл. 6).

Таблица 6

Распределение ответов российских предпринимателей на вопрос: «Достаточно ли информации о принимаемых государством мерах поддержки?» (РФ, % от числа опрошенных предпринимателей, апрель 2020 г.)

Варианты ответов	%
Вообще непонятно, какую поддержку можем получить и куда обращаться	37
Объявляют одни меры поддержки, приходишь получать — другая информация	35
Информации слишком много, запутался	28
Информации достаточно, все понятно	24
Нет, звонил на «горячую линию»	2

Источник: Торгово-промышленная палата Российской Федерации. Исследование «Бизнес-барометр страны».

Четверть предпринимателей уверены, что информации о принимаемых государством мерах поддержки достаточно (24%). За уточнениями позвонили на «горячую линию» только 2% респондентов. Для большинства бизнесменов до конца непонятны меры государственной поддержки. Отчасти это происходит из-за:

- противоречивости, избыточности, неконкретности, неясности получаемой от власти информации;
- непродуманности процедур реализации предлагаемых мер государственной поддержки.

Заключение

Каковы должны быть меры и резервы поддержки российских предпринимателей в постковидный период?

Россия, одной из последних в мире столкнувшаяся с воздействием коронавируса, заняла выжидательную позицию по вопросу социально-политической и экономической поддержки бизнеса. Главным фактором такой тактики стал отказ от изменения бюджетного правила, которое на фоне дешевеющей нефти не позволило значительно расширить расходование средств Фонда национального благосостояния. Решения о выделении помощи были представлены по большей части в виде субсидирования займов в кредитных организациях, моратория на налоговые проверки, проведе-

ния процедуры банкротств, а также выделения субсидии на покрытие зарплатного фонда компаний из расчета 1 МРОТ на одного официально трудоустроенного сотрудника. Принятие мер государственной поддержки имело адресный характер и не охватывало самые широкие направления предпринимательской деятельности. Ставку правительство РФ сделало на «классические локомотивы развития экономики»: строительство, промышленность и торговлю.

Анализ стратегии и возможных резервов поддержки экономики в РФ позволяет сделать вывод о том, что на данный момент власти осторожно относятся к пессимистичным прогнозам о влиянии коронавирусной инфекции на финансовое состояние внутреннего рынка. Исходя из особенностей формирования бюджета, ключевой социально-политической стратегией выхода из пандемии в части экономики станет не мгновенное распределение средств, которые по факту являлись бы невозвратными, а попытка выстроить долгосрочную финансовую политику с учетом не только нынешнего воздействия COVID-19, но и возможной «второй волны» эпидемии, изменений цен на нефть и возможных глобальных потрясений, которые за всем этим могут последовать.

Однако в этой связи нельзя не учитывать опыт финансового кризиса 2014–2015 гг. В 2015 г. ЦБ РФ пошел по пути, обратному нынешней политике, — повышению ключевой ставки и ужесточению кредитных программ. В этот раз сценарий прямо противоположен, это регулируемое снижение курса рубля. Если данная мера будет иметь долгосрочный характер, то в результате это может привести к банкротству ряда компаний с большим валютным долгом, а также существенному увеличению внешнего валютного долга страны.

Изучение и использование в этой ситуации опыта КНР является резервом для поиска успешных мер поддержки российского предпринимательства. В частности, одним из механизмов стимулирования экономики мог бы стать отказ от избирательности в оказании господдержки и ускорение темпов осуществления госзаказа. Условия для этого созданы в целом ряде постановлений главы государства и правительства РФ.

Многие компании, особенно представители несырьевого сектора, за время пандемии достигли пика своих возможных внутренних ресурсов. Без помощи извне им будет крайне сложно достичь докоронавирусных показателей. Если деньги удастся быстро довести исполнителям государственных тендеров, субсидии отраслям в сжатые сроки будут доведены субъектам малого и среднего предпринимательства, то, вполне вероятно, удастся перейти к стабилизации и росту экономических показателей.

Вопрос состоит лишь в том, насколько быстро и в каком объеме за несколько месяцев профильные министерства и ведомства смогут реализовать проекты, отраженные в программах по восстановлению национальной экономики и рынка.

Литература

1. Земцов С.П., Царева Ю.В. Тенденции развития сектора малых и средних предприятий в условиях пандемии и кризиса // Экономическое развитие России. 2020. № 5. С. 71–82.

2. Исаева И.А. Антикризисные меры государственной финансовой поддержки субъектов предпринимательства // Научно-практические исследования. 2020. № 5-4 (28). С. 37–42.

3. Королев В.К., Евграфова О.В. «Декоронация» глобализации и этномультикультурализм в посткризисной экономике // Философия хозяйства. 2020. № 3. С. 44–59.

4. Малофеев С.Н. Современные технологии формирования финансовых ресурсов малого бизнеса // Экономика и предпринимательство. 2020. № 5 (118). С. 695–699.

5. Нижегородцев Р.М. Коронакризис: становление вирусно-цифровой экономики // Философия хозяйства. 2020. № 3. С. 125–152.

6. Сергиенко Н.С. Государственная поддержка малого и среднего бизнеса в условиях пандемии коронавируса: опыт развитых стран // Экономика и предпринимательство. 2020. № 5 (118). С. 752–755.

7. Тебекин А.В. О глубине кризиса 2020-го года для мировой и национальной экономик и путях выхода их него // Журнал экономических исследований. 2020. № 2. С. 52–71.

8. Fukuyama F. The Pandemic and Political Order. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2020-06-09/pandemic-and-political-order

References

1. Zemtsov, S.P., Tsareva, Yu.V. Trends in the development of the small and medium-sized enterprises sector in the context of the pandemic and crisis. *Russian economic development*. 2020. No. 5: P. 71–82.

2. Isaeva, I.A. Anti-Crisis measures of state financial support of business entities. *Scientific and practical research*. 2020. No. 5-4 (28). P. 37–42.

3. Korolev, V.K., Evgraphova, O.V. The "Decoronation" of Globalization and Ethnomulticulturalism in the Post-Crisis Economy. *Economy Philosophy*. 2020. No. 3. P. 44–59.

4. Malofeev, S.N. Modern technologies of formation of financial resources of small business. *Economics and entrepreneurship*. 2020. No. 5 (118). P. 695–699.

5. Nizhegorodtsev, R.M. Coronacrisis: The Virus-Digital Economy Arising. *Economy Philosophy*. 2020. No. 3. P. 125–152.

6. Sergienko, N.S. State support for small and medium-sized businesses in the context of the coronavirus pandemic: the experience of developed countries. *Economics and entrepreneurship*. 2020. No. 5 (118). P. 752–755.

7. Tebekin, A.V. On the depth of the crisis of 2020 for the world and national economies and ways out of it. *Journal of economic research*. 2020. No. 2. P. 52–71.

8. Fukuyama, F. The Pandemic and Political Order. 2020. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2020-06-09/pandemic-and-political-order

В.А. Безвербный,
канд. экон. наук,
заместитель директора
Института демографических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук
(ИДИ ФНИСЦ РАН)
e-mail: vadim_ispr@mail.ru
Н.Ю. Микрюков,
канд. геогр. наук, научный сотрудник
Института демографических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук
(ИДИ ФНИСЦ РАН)
e-mail: ecoro@mail.ru

УДК 314+332.1
DOI 10.20339/AM.11-20.103

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ МОНОГОРОДОВ УРАЛА: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ[1]

Исследован один из наиболее актуальных «больших вызовов» для России — исчерпание возможностей экономического роста, который во многом обусловлен неэффективной системой пространственной организации экономики страны и низкой связанностью ее регионов. Диспропорции в размещении производительных сил, и в особенности населения, усиливают уже сложившуюся высокую степень социально-экономической дифференциации регионов, осложняют освоение ресурсных центров и восточных территорий, формируют дефицит спроса на рынке труда и сверхконцентрацию ресурсов в европейской части России. Распространенным проектом оптимизации тенденций пространственного развития и системы расселения страны видится представленная ведущими экономистами и государственными деятелями модель развития 15–20 агломераций, способных конкурировать за человеческий капитал и сформировать альтернативу Московской и Санкт-Петербурской агломерациям в масштабах государства. Однако реализация указанного проекта может развиваться по негативным сценариям, обусловливая серьезные социально-экономические риски для малых и монопрофильных городов. Это объясняет актуальность системного изучения и моделирования возможных сценариев, а также социально-экономических эффектов развития новых агломераций. Монопрофильные города являются важным структурным элементом системы расселения и хозяйства страны. Главной производственной и экономической базой развития моногородов являются их градообразующие предприятия, зачастую с уникальными производствами, технологиями и кадровой базой. Однако в нынешний период времени значительная часть моногородов России испытывают серьезные социально-экономические и демографические проблемы, выраженные в интенсивной миграционной и естественной убыли населения, снижении экономического потенциала градообразующих предприятий, ростом безработицы и социальной напряженности. Решение демографических, социальных проблем моногородов напрямую зависит от развития их градообразующей экономики. В представленной статье рассмотрены тенденции социально-экономического и демографического развития моногородов Свердловской и Челябинской областей, а также предложены практические рекомендации по преодолению соответствующих проблем.

Ключевые слова: *моногорода, градообразующие предприятия, диверсификация, Урал, система расселения, локальная экономика.*

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-010-00924.

DEMOGRAPHY AND SOCIAL-ECONOMIC DEVELOPMENT OF SINGLE-INDUSTRY TOWNS OF URAL: PROBLEMS AND WAYS FOR SOLUTION

V.A. Bezverbny is Cand.Sci. (Economy), Deputy Director; and **N.Yu. Mikryukov** is Cand.Sci. (Geography), Scientific Researcher. Both at Institute for Demographic Research — Branch of Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of Russian Academy of Sciences (ISPR FCTAS RAS)

Analyzed is one of the most relevant "big challenges" for Russia is the exhaustion of opportunities for economic growth. That is largely due to ineffective system of spatial organization of the country's economy and low connectivity of its regions. Disproportions in distribution of productive forces and, in particular, of population, reinforces already existing very high degree of socio-economic differentiation of country's regions, complicates development of resource centers and Eastern territories, creates shortage of demand in labor market and overconcentration of resources in European part of Russia. The model for development of 15–20 agglomerations that can compete with each other for human capital and form an alternative to Moscow and St. Petersburg agglomerations on national scale, is seen as common project for optimizing trends in spatial development and the system of settlement of the country, presented by leading economists and statesmen. However, implementation of this project may have various negative scenarios and serious socio-economic risks for small and single-industry cities of Russia, which explains relevance of a systematic study and modeling of possible scenarios, as well as socio-economic effects on development of new agglomerations. Single-industry cities are important structural element of the settlement system and economy of the country. The main production and economic basis for development of single-industry towns are their city-forming enterprises, often with unique industries, technologies and personnel base. However, in the current period of time significant part of single-industry towns in Russia is experiencing serious socio-economic and demographic problems, expressed in intensive migration and natural population decline, decrease in economic potential of city-forming enterprises, increase in unemployment and social tension. Solution to demographic and social problems of single-industry towns directly depends on development of city-forming economy. Presented article examines trends in socio-economic and demographic development of mono-cities in Sverdlovsk and Chelyabinsk regions, and also presents recommendations for overcoming of corresponding problems.

Key words: *single-industry towns, company towns, city-forming enterprises, diversification, Ural, resettlement system, local economy.*

Введение

Урал является классическим промышленным районом старого освоения с большим количеством металлургических и машиностроительных производств, расположенных в том числе в моногородах. Моногорода Урала возникали в основном при месторождениях рудных полезных ископаемых. Дальнейшее развитие в них производства, усложнение технологических цепочек приводило к созданию машиностроительных производств. С началом кризисных явлений в экономике и непродуманными реформами начала 1990-х гг. большая часть промышленных предприятий оказалась в кризисе. Особенно тяжелая ситуация складывалась в моногородах, находящихся в сильной зависимости от градообразующих предприятий-«кормильцев».

Вместе с тем монопрофильные населенные пункты как особый тип поселений нуждаются в пристальном внимании со стороны государства. Их особенность — в тесной связи с градообразующими предприятиями. В случае успешного развития градообразующего предприятия моногород может быть благополучным и комфортным, в случае же проблем на предприятии или его закрытия моногород приходит в упадок, а ввиду ограниченности рынка труда кризисные явления приобретают гипертрофированный характер.

Данная закономерность особенно актуальна для городов Уральского федерального округа (УФО), так как из 112 городов региона более трети (37) являются моногородами. При этом 12 из них моногорода с наиболее сложным социально-экономическим положением, во многом обусловленным экономическими проблемами градообразующих предприятий. Кроме того, моногорода УФО остаются наиболее крупными по численности населения моногородами России. Сохраняя среднюю численность на уровне 65 тыс. человек, они демонстрируют очень тяжелую демографическую ситуацию, в первую очередь связанную с миграционным оттоком трудоспособного населения, усиливающимся старением и ростом уровня смертности при низких показателях рождаемости.

В условиях ухудшения экономической ситуации и усиления санкционного давления на Россию моногорода УФО становятся наиболее уязвимыми с точки зрения социально-экономической стабильности типами муниципальных

поселений в РФ. Это с высокой степенью вероятности может привести к росту социальной напряженности и экономической деградации моногородов.

Современное состояние исследований

Первый пик научных работ в данной области в постсоветской России был связан с кризисом 1990-х гг., приведшим к формированию системных проблемных ситуаций во многих моногородах страны, наиболее болезненно отразившихся на местных рынках труда. Одно из первых исследований развития моногородов было проведено научно-методическим центром (НМЦ) «Города России» по заказу Минтруда России в связи с постановлением правительства РФ «О реализации комплексной программы мер по созданию и сохранению рабочих мест на 1996–2000 годы».

В данной работе к монопрофильным была отнесена половина (около 500) городов и 2/3 поселков городского типа (ПГТ). Позже в исследовании, проведенном в Экспертном институте, к монопрофильным были отнесены 457 городов и 332 ПГТ. В отличие от исследования, проведенного НМЦ, в него вошли не только малые и средние, но и крупные города, такие как Тольятти, а среди ПГТ только поселения с численностью населения более 5 тыс. человек.

Следующим и одним из наиболее известных и многоаспектных исследований, посвященных монопрофильным городским поселениям, является обзорный доклад «Монопрофильные города и градообразующие предприятия» под руководством И.В. Липсица. В докладе подробно рассмотрены проблемы развития моногородов России, а также определены различные подходы к их решению. Эта работа послужила базовой для многих других исследований.

Достаточно полное географическое исследование монопрофильных поселений России выполнено в 2003 г. Г.Ю. Кузнецовой в рамках ее кандидатской диссертации. Автор работе отмечает, что наиболее проблемную группу среди всего массива монопрофильных городских поселений образуют поселки городского типа. Более того, Г.Ю. Кузнецова считает, что в список моногородов следует включать и многие сельские населенные пункты, если они являются базой размещения предприятий лесной, деревообрабатывающей и некоторых других отраслей промышленности. Итогом работы была монография «Пути активизации социально-экономического развития монопрофильных городов России».

Следующим этапом развития монопоселений в России стал кризис 2008–2009 гг. В 2008 г. в работе «Моногорода России: как пережить кризис?», выполненной в Институте региональной политики, были выделены 460 монопрофильных городов и 332 ПГТ.

Также данной тематике были посвящены работы Н.Ю. Замятина, Д.Ю. Землянского, Н.В. Зубаревич, С.В. Ламанова, В.Я. Любовного, А.Н. Пилясова, И.Д. Тургель. В 2013 г. была опубликована монография «Развитие моногородов России». В работе проведена группировка социально-экономического уровня моногородов по возможности реализации различных направлений стратегического развития, исследуется международный опыт решения подобных проблем, оценивается эффективность государственной поддержки.

Известен доклад компании «Базовый элемент» (2013), в котором предложено моделирование развития моногородов. Более подробно методика типологизации моногородов представлена в статье Д.Ю. Землянского и С.В. Ламанова (2014). Отдельной строкой необходимо отметить монографию И.Д. Тургель «Монофункциональные города России: от выживания к устойчивому развитию» (2010) и особенно статью К.В. Аверкиевой, Е.В. Антонова, Е.А. Денисова и А.М. Фаддеева «Территориальная структура городской системы севера Свердловской области» (2015), посвященную полевому исследованию самых проблемных моногородов севера Свердловской области.

Это делает актуальным дальнейшее экспедиционное исследование социально-экономического развития моногородов Урала. Так, например, в научных публикациях практически не рассматриваются причины ухудшения ситуации на градообразующих предприятиях и возможные меры по исправлению таких негативных явлений, как снижение тарифов естественных монополий, обеспечение поставок ключевого сырья, налаживание каналов сбыта, проведение модернизации. Целесообразно изучить ситуацию не только на формальных градообразующих предприятиях, но и других крупных предприятиях городов. Представляет интерес изучение местного предпринимательского сообщества, потребностей бизнеса в реализации своих проектов и идей. Поддержка малого и среднего предпринимательства может включать и развитие самозанятости, а также личных подсобных хозяйств горожан.

Также в 2015 г. была опубликована монография Н.Ю. Замятиной и А.Н. Пилясова «Инновационный поиск в монопрофильных городах: блокировки развития, новая промышленная политика и план действий». Кроме того, необходимо отметить квалифицированные исследования А.Е. Шаститко и А.Ф. Фатиховой «Моногорода — новый взгляд на старую проблему» (2015), Г.В. Кутергиной и А.В. Лапина «Управление развитием моногородов: отечественные и зарубеж-

ные подходы к моделированию» (2015), Р.Р. Зайнутдинова «Моноотраслевые регионы России: определение, типологизация и перспективы развития» (2015), М.Г. Мееровича «Модельные решения для моногородов и сценарии их реализации» (2016), С.Н. Растворцевой и И.В. Манаевой «Моногорода в системе размещения производительных сил регионов РФ»(2016), Н.В. Зубаревич «Трансформация рынков труда российских моногородов» (2017), Е.М. Бухвальда «Моногорода в системе стратегического планирования в России» (2017), Е.Е. Плисецкого и Е.А. Малицкой «Специфика государственного и муниципального управления развитием монопрофильных муниципальных образований в Арктической зоне Российской Федерации» (2017), М.С. Оборина, М.Ю. Шерешевой и С.А. Ивановой «Анализ результатов государственной поддержки и тенденций развития моногородов РФ» (2018), И.С. Антоновой «Регионы с высокой концентрацией моногородов: проблемы повышения качества данных» (2018).

Однако перечисленные исследования, как правило, мало затрагивают аспекты социально-политической стабильности. В них практически не применяются методы моделирования сценариев, расчеты индексов и системный анализ. В этой связи результаты нашего проекта могут представлять значительный интерес не только на российском, но и на международном уровне.

Тенденции демографического и социально-экономического развития моногородов Свердловской и Челябинской областей

В некоторых моногородах острота проблем существует до сих пор. Так, 12 моногородов Урала, согласно распоряжению правительства РФ от 29.07.2014 № 1398-р с дополнениями и изменениями, относятся к категории с наиболее сложным социально-экономическим положением. Социально-экономические проблемы моногородов приводят к проблемам демографическим: из них начинается активный отток населения, особенно в молодом возрасте, происходит его старение и естественная убыль (табл. 1 и 2).

Как видно из табл. 1 и 2, во всех моногородах Уральского федерального округа имеет место естественная и миграционная убыль населения (по показателю внутрироссийской миграции). Каждый из них охвачен процессами депопуляции на протяжении многих лет. Естественная убыль усиливается во всех моногородах вследствие продолжающегося старения населения, отъезда молодых. Даже такой крупный город, как Первоуральск, с населением более 100 тыс. человек, находящийся в 45 км от города-миллионника Екатеринбурга, с 2013 г. находится в состоянии все более усиливающегося оттока населения.

Таблица 1

Коэффициент естественной убыли населения на 1000 жителей в моногородах УрФО с наиболее сложным социально-экономическим положением с 2012 по 2018 г.

	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Моногорода Свердловской области							
Волчанск	–4,67	–3,74	–3,98	–7,78	–7,03	–7,77	–6,36
Карпинск	–2,94	–0,84	–4,21	–2,73	–2,23	–3,99	–5,16
Краснотурьинск	–0,19	–1,55	–1,62	–1,80	–4,32	–4,14	–4,90
Первоуральск	–0,83	–1,35	–1,16	–2,03	–1,82	–3,54	–4,12
Североуральск	–6,39	–4,74	–4,18	–6,94	–5,36	–7,17	–8,37
Моногорода Челябинской области							
Аша	–1,97	–1,06	–1,07	–2,93	–3,55	–2,10	–2,80
Нязепетровск				–7,38		–5,36	–7,08
Верхний Уфалей	–4,07	–3,31	–5,69	–4,46	–5,79	–7,02	–9,02
Карабаш	–2,69	–2,48	–5,52	–8,72	–3,03	–6,76	–9,02
Усть-Катав	–1,13	–1,78	–3,39	–3,77	–2,95	–4,93	–7,76
Миньяр	–8,17	–3,42	–11,67	–7,67	–11,52	–9,42	
Бакал	–5,70	–4,20	–5,28	–8,04	–7,47	–5,46	

Источник: составлено по данным Росстата.

Наиболее выраженные тенденции естественной и миграционной убыли населения наблюдаются в металлургических моногородах Челябинской области (г. Верхний Уфалей, г. Бакал, г. Карабаш), а также в малых моногородах Северного Урала (г. Волчанск, г. Североуральск). Если в г. Карабаше миграционный отток может быть объясним в том числе экологическими причинами, то в г. Верхнем Уфалее усиливающаяся миграционная и естественная убыль, возможно, связана с полной остановкой градообразующего предприятия. В городах Краснотурьинске и Североуральске наблюдается явление замещающей миграции из стран СНГ (табл. 3).

Как видно из табл. 3, при ежегодном оттоке местного населения в другие населенные пункты России в Краснотурьинске и Североуральске имело место положительное сальдо миграции со странами СНГ. Возможно, труд мигрантов обходился работодателям городов дешевле, чем труд местных жителей, которые уезжали в другие места.

Причиной миграционного оттока населения из моногородов является, по всей видимости, низкий уровень заработной платы, а также низкий уровень развития социальной сферы. Наоборот, создание высокооплачиваемых рабочих мест в моногородах, сохранение производств

Таблица 2

Коэффициент миграционной убыли населения на 1000 жителей в моногородах УрФО с наиболее сложным социально-экономическим положением с 2012 по 2018 г. по показателю внутрироссийской миграции

	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Моногорода Свердловской области							
Волчанск	–12,33	–8,99	–13,48	–17,23	–17,36	–11,49	–10,82
Карпинск	–7,76	–4,71	–11,62	–11,14	–10,30	–6,32	–2,53
Краснотурьинск	–2,93	–5,33	–3,90	–8,15	–6,95	–5,72	–4,70
Первоуральск	1,50	–0,34	–1,07	–3,86	–4,53	–3,53	–8,46
Североуральск	–9,72	–9,37	–8,42	–5,54	–5,65	–4,69	–8,40
Моногорода Челябинской области							
Аша	–6,28	–8,09	–11,13	–6,85	–4,18	–3,27	–2,32
Нязепетровск				–5,97		0,09	–5,63
Верхний Уфалей	–10,94	–11,22	–12,89	–9,74	–10,01	–8,78	–13,56
Карабаш	–36,07	–27,29	–22,57	–16,76	–13,33	–7,11	–2,32
Усть-Катав	–7,25	–4,84	–8,86	–6,62	–2,10	–6,49	–4,87
Миньяр	–4,08	–9,05	–8,50	–7,87	–5,07	–11,45	–2,60
Бакал	–8,21	–6,35	–0,74	–5,26	–8,37	–8,88	–7,71

Источник: составлено по данным Росстата.

Таблица 3

Сальдо внутрироссийской и международной миграции со странами СНГ в моногородах Краснотурьинске и Североуральске Свердловской области в 2012–2018 гг.

	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Город Краснотурьинск							
В пределах России	–190	–344	–250	–520	–439	–358	–292
Со странами СНГ	9	6	25	45	134	89	98
Город Североуральск							
В пределах России	–427	–405	–359	–233	–235	–193	–342
Со странами СНГ	2	–10	5	20	45	34	10

Источник: составлено по данным Росстата.

в них, развитие здравоохранения, образования будут способствовать удержанию активного населения. Малые города являются важным элементом опорного каркаса расселения, освоения территории, звеньями, обусловливающими развитие сельской местности вокруг них. Потеря города, скорее всего, повлечет деградацию оставшейся вокруг него сельской местности, которая лишается рынков сбыта своей продукции и инфраструктуры.

Главным активом моногородов являются их градообразующие, системообразующие предприятия, вокруг которых эти города создавались, их научно-технический потенциал, кадровая база. Рассматриваемые моногорода имеют в своей основе градообразующие предприятия, специализирующиеся на цветной металлургии (Краснотурьинск, Североуральск, Верхний Уфалей, Карабаш), черной металлургии (Первоуральск, Бакал, Аша), машиностроении (Волчанск, Карпинск, Нязепетровск, Усть-Катав), а также промышленности стройматериалов (Миньяр).

Особенно ценной представляется машиностроительная отрасль, которая является более гибкой, не зависит от исчерпания запасов конкретных месторождений, меньше зависит от колебаний цен на сырьевых рынках, чем, например, металлургия. Кроме того, машиностроение производит продукцию более высокотехнологичную, глубокого передела, большей добавленной стоимости, во многом уникальную (Нязепетровский крановый завод, Усть-Катавский вагоностроительный трамвайный завод). Металлургическим моногородам проще перейти на производство продукции машиностроения, часто именно машиностроение становилось главной диверсифицирующей отраслью уральских металлургических моногородов. Всесторонняя поддержка градообразующих предприятий позволит сохранить и развить уникальные производства, технологии, кадровую базу.

Помимо градообразующих предприятий в моногородах, расположенных в лесной зоне, могут развиваться предприятия лесопромышленного комплекса, деревообработка. Повсеместное развитие могут иметь пищевая промышленность, предприятия агропромышленного комплекса. Даже на Северном Урале могут быть молочные хозяйства. Есть потенциал для развития производств стройматериалов, особенно в условиях выхода горных пород. Опыт развития уральских моногородов подсказывает, что все эти дополняющие отрасли уже были в моногородах, успешно работали предприятия пищевой, легкой промышленности, но затем многие из них в условиях кризисных явлений в экономике вынуждены были закрыться.

Заключение

Возрождение экономик моногородов через поддержку их градообразующих предприятий и других отраслей в сочетании с развитием здравоохранения, образования позволит сохранить эти важные элементы пространственного каркаса расселения, всецело задействовать потенциал территории. В металлургических моногородах, особенно в г. Карабаше, необходима существенная экологизация производства и инвестиции в комплексную рекультивацию территории, пострадавшей вследствие выбросов.

Из истории развития уральских моногородов известно, что положительная демографическая динамика обеспечивалась при запуске производств, развитии социальной сферы и, наоборот, с деградацией экономической базы городов, упадком социального обеспечения демографические тенденции приобретали отрицательный характер. Таким образом, решение демографических и социальных проблем моногородов лежит в запуске их градообразующей экономики. Поиск драйверов экономического роста проблемных уральских моногородов требует проведения специализированного исследования.

Литература

1. Безвербный В.А. Моделирование сценариев демографического развития России до 2050 года // Научное обозрение. 2015. № 5. С. 68–73.

2. Микрюков Н.Ю. Монопрофильные поселения России в системах городского расселения // Региональные исследования. 2015. № 3 (49). С. 99–107

3. Фомин М.В. Социальная стабильность как фактор экономического и политического развития современной России // Прогнозирование социально-политических процессов и конфликтов в странах Запада и России. М., 2016. С. 147–162.

4. База данных показателей муниципальных образований Росстата. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.htm

References

1. Bezverbny, V.A. Modeling of scenarios of demographic development of Russia up to the year of 2050. *Scientific survey*. 2015. No. 5. P. 68–73.

2. Mikryukov, N.Yu. Mono-profile settlements of Russia in systems of town settling. *Regional researches*. 2015. No. 3 (49). P. 99–107.

3. Fomin, M.V. Social stability as factor of economic and political development of modern Russia. In: *Prognosis of social-political processes and conflicts in Western countries and Russia*. Moscow, 2016. P. 147–162.

4. Base of data of indicators of municipal settlements by Rosstat. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.htm

Н.Н. Сотникова,
д-р пед. наук, проф.
директор
e-mail: nnsotnikova@mail.ru
К.И. Костюков,
канд. экон. наук, доц.
e-mail: kostukovki@mpgu26.ru
Т.А. Свечинская,
канд. социол. наук
e-mail: svechinskayata@mpgu26.ru
Ставропольский филиал
Московского педагогического государственного университета

УДК 314(470+571-32)
DOI 10.20339/AM.11-20.109

СОВРЕМЕННАЯ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В СТАВРОПОЛЬСКОМ КРАЕ

Раскрываются особенности региональной социально-демографической ситуации, которая характеризуется падением рождаемости, сохранением естественной убыли и старением населения. Исследуются основные демографические показатели Ставропольского края. Выявляются причины депопуляции населения. Особое внимание уделяется проблемам института семьи, поддержки молодых семей и регулированию уровня жизни населения.

Ключевые слова: *демографическая ситуация, демографическое самочувствие, демографическая политика, семья, брак, рождаемость, социальная политика.*

MODERN SOCIAL DEMOGRAPHIC SITUATION IN STAVROPOL REGION

N.N. Sotnikova is Dr.Sci. (Pedagogy), Prof., Director; **K.I. Kostyukov** is Cand.Sci. (Economy), Ass. Prof.; and **T.A. Svechinskaya** is Cand.Sci. (Sociology). All authors of a research paper at Stavropol Branch of Moscow Pedagogical State University

Examined are features of regional social demographic situation, characterized by lowering of birth, preserving of natural depopulation and growing old of population. Researched are principal demographic indicators of Stavropol region. Elaborated are reasons of peoples' depopulation. Special attention is paid to problems of family institution, support of young families and regulation of level of life of population.

Key words: *demographic situation, demographic general state, demographic policy, family, marriage, birth, social policy.*

Численность населения в России последние годы растет, но ситуацию сложно охарактеризовать как устойчивую. Наблюдается устойчивый рост населения в столичных и экономически развитых субъектах РФ с высоким уровнем жизни.

За последние три года многие регионы страны столкнулись с такими проблемами, как падение рождаемости, снижение смертности населения и приток мигрантов при росте оттока жителей. Ставропольский край также не стал исключением.

Демографическая ситуация региона характеризуется урбанизацией, поскольку преобладает тенденция роста городов и городского образа жизни. Ставропольский край занимает 14-е место в оценке численности постоянного населения России. На территории края зарегистрированы 2803,6 тыс. человек.

Анализ численности населения по территориальному признаку за последние три года показывает, что наиболее значительное уменьшение численности произошло в городских округах: Георгиевский (–2097 человек), Ипа-

товский (–1257), Минераловодский (–1234), Петровский (–1408), Советский (–1441), а также муниципальных районах Буденновском (–1296) и Кочубеевском (–1316 человек). Увеличение численности населения наблюдается в городских округах: город Ставрополь (+15 026 человек), город-курорт Ессентуки (+3477), город-курорт Железноводск (+1368), Шпаковский муниципальный район (+3289 человек). В остальных муниципальных образованиях наблюдается естественная убыль населения.

Институт семьи и брака

Семья — первичный институт социализации, поскольку осуществляет важнейшие социальные функции. Соответственно, современная государственная политика направлена на укрепление института семьи, материнства и детства. В Конституцию РФ (ст. 67.1, 72, 144) внесены изменения, направленные на поддержку детей и сохранение на территории страны традиционных семейных ценностей. Именно укрепление семейно-нравственных ценностей, поддержка и сохранение престижа семейного образа жизни, принимаемые меры по социальной поддержке семей позволят изменить социально-демографическую ситуацию в лучшую сторону.

Получить актуальную развернутую демографическую информацию о состоянии института семьи и брака, как в Ставропольском крае, так и в России в целом, позволяет перепись населения. По данным обследования, почти 60% ставропольцев (в возрасте 16 лет и старше) состоят в брачных отношениях (рис. 1).

На территории Ставропольского края, по статистическим данным, наблюдается значительное улучшение в системе брачно-семейных отношений. Официально вступили в брак 15 593 семейные пары, при этом расторжение брака оформили 10 514 пар. В 2019 г. по сравнению с 2018 г. наблюдался рост числа браков (на 11,0%) и числа разводов (6,6%), оформленных в органах ЗАГС края (рис. 2).

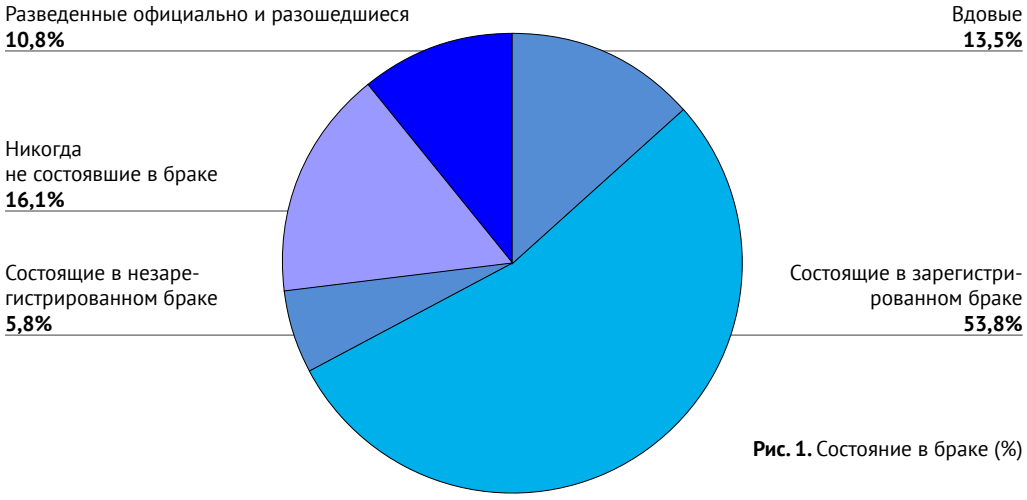

Рис. 1. Состояние в браке (%)

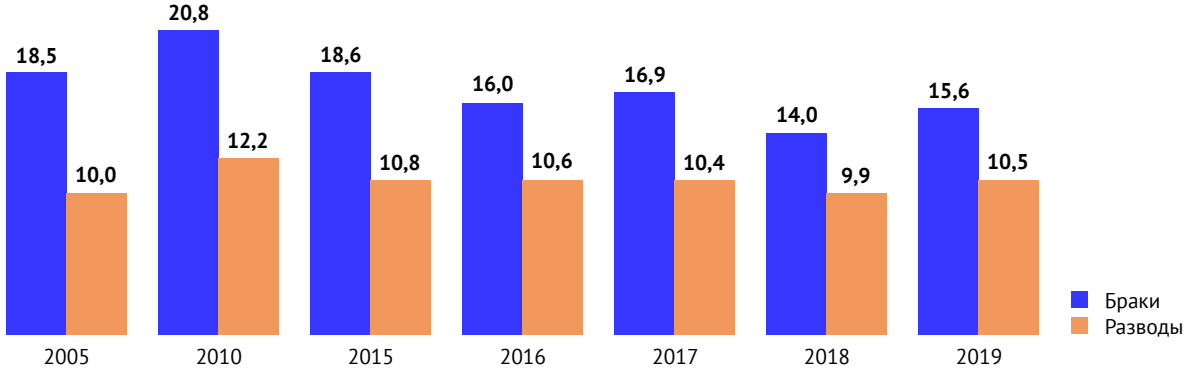

Рис. 2. Динамика браков и разводов (в тысячах событий)

Несмотря на изменения, которые внесла в жизнь пандемия в первые месяцы 2020 г., молодые жители края создают семьи, играют свадьбы, зачастую в новом необычном формате.

Ставропольский край относится к многонациональным регионам Северо-Кавказского федерального округа. В последние годы национальный состав края также претерпел изменения.

На территории края сохраняется тенденция урбанизации, молодежь все больше стремится покинуть небольшие села и поселки с целью переезда в крупные города и мегаполисы за более высоким уровнем жизни. Сохраняется тенденция естественной убыли населения. Падение рождаемости связано с тем, что в детородном возрасте находятся женщины, родившиеся позднее 1990 г., когда показатели рождаемости были весьма низкими. Еще одной причиной служит то, что население в среднем позднее вступает в брак и рожает детей. Также на территории края сохраняется высокий процент разводов, что ведет к снижению рождаемости (табл. 1).

За январь-апрель 2020 г. в крае родились 8490 малышей, коэффициент рождаемости (в расчете на 1000 человек населения) составил 9,2. Статистика двух последних лет показывает увеличение естественной убыли населения.

Средний размер ставропольской семьи составляет 2,8 человека, в том числе в городской местности — 2,7, в сельской — 2,8 человека. В семьях, состоящих из двух и более человек, 43,6% имеют детей моложе 18 лет, из них 55,8% семей воспитывают одного ребенка, 34,2% — двух детей, 10,0% — трех и более детей.

Несмотря на активную политику государства по поддержке рождаемости, в Ставропольском крае в 2019 г. родились на 2696 детей меньше, чем в 2018 г., что составило 27 974 ребенка. Наблюдается снижение коэффициента рождаемости в 2019 г. по отношению к 2018 г. на 9,1%, показатель составил 10,0 на 1000 человек населения. Из общего числа новорожденных ставропольцев 36,7% были первенцами, показатель вторых детей в семье составил 35,5%, третьих — 18,4% и лишь у 9,4% младенцы более высокого порядка рождения.

Снижение численности детей в семьях вызвано многими факторами. Один из них — ухудшение показателей репродуктивного здоровья женщин. В частности, сохраняется рост онкологических заболеваний репродуктивной системы у женщин, растут случаи женского бесплодия.

Эксперты отмечают, что после рождения детей уровень жизни семей ухудшается по мере роста числа детей. Все еще достаточно высокой остается доля семей с детьми до 16 лет в общей численности семей с доходами ниже величины прожиточного минимума, особенно среди сельских жителей.

Главной причиной долговременного снижения естественного прироста стало падение рождаемости. При расчете показателя естественного прироста населения помимо уровня рождаемости необходимо учитывать и уровень смертности.

По статистическим данным, уровень смертности в крае составил 11,3 случая на 1000 человек населения в 2019 г., по сравнению с 2018 г. он снизился на 1,7%. Отмечено снижение уровня смертности на 10,0% в городской местности по сравнению с сельской (10,8 против 12,0 промилле). В целом имело место превышение числа умерших над числом родившихся на 11,6%.

Среди выявленных причин смертности населения от общего числа умерших, заболевания системы кровообращения (57,9%) занимают первое место, на втором месте новообразования — 14,8%, прочие (внешние) причины (13,1%) занимают третье место. Оценивая группу неесте-

Таблица 1

Динамика числа родившихся по порядку их рождения (человек)

Годы	Число родившихся	В том числе по порядку рождения					
		первые	в % к итогу	вторые	в % к итогу	третьи и более	в % к итогу
2015	36 385	16 121	44,3	13 149	36,1	7105	19,5
2016	36 336	15 021	41,4	13 540	37,3	7730	21,3
2017	32 253	13 929	43,3	11 173	34,8	7054	21,9
2018	30 670	11 964	39,0	10 932	35,6	7735	25,2
2019	27 974	10 235	36,6	9941	35,5	7792	27,9

ственных причин смерти, можно с уверенностью сказать, что произошло значительное снижение уровня смертности от транспортных травм, самоубийств, утоплений. При этом уровень младенческой смертности (в возрасте до 1-го года) в 2019 г. составил 5,7 случая в расчете на 1000 родившихся, снизившись по сравнению с 2018 г. на 14,9%.

Социальная поддержка населения

Значительную роль в положительных изменениях в демографической ситуации сыграли реализуемые программы, направленные на сохранение здоровья граждан. Реализация регионального проекта «Развитие системы оказания первичной медико-санитарной помощи» направлена на повышение доступности и качества первичной медико-санитарной помощи всем жителям края, в том числе проживающим на малонаселенных территориях с численностью от ста человек. С этой целью на Ставрополье строятся новые амбулатории, фельдшерские и фельдшерско-акушерские пункты. Региональные власти говорят о необходимости снижения смертности как среди населения трудоспособного возраста, так и среди новорожденных.

Однако на сегодняшний день в Ставропольском крае не оказывается поддержка многодетным семьям в виде выплаты регионального материнского капитала, как в других регионах РФ.

Показатели миграционных процессов

Качественные изменения социальной структуры общества РФ, связанные с демографическим кризисом, привели к сокращению трудового потенциала края и страны в целом.

Рост валового внутреннего продукта (ВВП), который напрямую зависит от состояния демографии данного субъекта, является главным показателем эффективности экономики. Причиной, сдерживающей рост экономики России, является уменьшение трудоспособного населения, что может привести к дефициту рабочей силы. Следовательно, в будущем для появления новых рабочих рук и простого воспроизводства населения необходимо родить и вырастить детей.

Большую роль в формировании национального и половозрастного состава играет процесс территориального (внутреннего и внешнего) перемещения населения с целью улучшения условий жизни. Особое геополитическое положение Ставропольского края предопределило массовый приток в регион различных этнических и конфессиональных групп мигрантов.

В 2019 г. на территории края наблюдается миграционный прирост населения в 11 999 человек, в том числе по линии международной миграции — 10 847 человек. Сменили место жительства в пределах края 41 070 человек. Объем межрегиональной миграции (сумма числа прибывших и выбывших) снизился на 3158 человек и составил 77 732 человека.

Анализ представленных данных показал, что от общего объема миграции внутрикраевые перемещения составляют 51,0%. Максимальный объем миграции был отмечен в краевой столице — городе Ставрополе (34 216 человек). Вторым по популярности городом для внутрикраевых перемещений стал город-курорт Пятигорск (12 384 человека). Также рост численности населения за счет миграционного притока имел место в Шпаковском муниципальном районе (10 657 человек). На других территориях края миграционные процессы развивались менее активно. На 24 территориях края отмечался миграционный отток населения. Значительное сокращение числа жителей за счет миграции зарегистрировано в Георгиевском городском округе (–851 человек) и Буденновском муниципальном районе (–824 человека).

В крае сократился объем межрегиональной миграции в 2019 г. на 3,9% по сравнению с 2018 г. Вместе с тем в 2019 г. достигнут миграционный прирост по межрегиональному потоку в количестве 1152 человек, тогда как в 2018 г. наблюдалась миграционная убыль в 4948 человек. При этом международная миграция остается основным источником прироста численности населения края, ее объем вырос в 2,2 раза и составил 23 037 человек.

Миграционные потоки заметно сказываются на рынке трудовых ресурсов края. В половозрастной структуре мигрантов около 2/3 составляют лица трудоспособного возраста. Таким образом, можно говорить о том, что миграция оказывает значительное влияние на социально-экономическое развитие Ставропольского края. Миграционная политика региона должна действовать на основе отлаженной системы управления миграционными процессами.

Ситуация на рынке труда

В Ставропольском крае ситуация на региональном рынке труда оценивается как стабильная. Численность рабочей силы увеличилась на 0,4% и в сравнении с предыдущим годом составила 1382,7 тыс. человек (из них 1315,7 тыс. человек занятые и 66,9 тыс. человек безработные).

Численность занятого населения в 2019 г. увеличилась по сравнению с 2018 г. на 7,5 тыс. человек, или на 0,6%, а численность безработных сократилась на 2,1 тыс. человек. Уровень безработицы в течение года снизился на 0,2 процентных пункта и на конец 2019 г. составил 4,8%. Уровень регистрируемой безработицы на 31 декабря 2019 г. в крае составил 0,7% при плановом значении показателя 1,2% (в 2018 г. 0,7%).

Анализ изменений в дифференциации доходов по полу и возрастным группам показал, что демографическое неравенство доходов снижается. Особенно это заметно в области неравенства доходов мужчин и женщин. В целях содействия занятости на территории края реализуется государственная программа Ставропольского края «Развитие сферы труда и занятости населения», утвержденная постановлением краевого правительства от 24.12.2015 № 551-п.

Проводимая информационно-разъяснительная работа с работодателями по предоставлению сведений о свободных рабочих местах позволила привлечь к сотрудничеству 6,7 тыс. работодателей, которые направили в банк данных учреждений занятости населения сведения о 196,8 тыс. вакансий, что составило 106,4% от годового показателя (в 2018 г. было заявлено о 191,7 тыс. вакансий).

Особое внимание уделялось трудоустройству незанятых граждан, имеющих инвалидность в трудоспособном возрасте, численность которых в Ставропольском крае составила 71,6 тыс. человек. В течение 2019 г. за содействием в поиске работы обратились 2,1 тыс. инвалидов, из них каждый второй был трудоустроен. Уровень трудоустройства граждан этой категории повысился с 29,8% в 2015 г. до 57,7% в 2019 г.

С целью снижения напряженности на рынке труда края организуются оплачиваемые общественные и временные работы по трудоустройству временно незанятых граждан. В таких работах приняли участие 10,8 тыс. человек, что составило 121,1% от годового показателя (в 2018 г. 10,7 тыс. человек). Для снижения уровня безработицы и оздоровления ситуации на рынке труда региональные службы занятости систематически проводят ярмарки вакансий.

Органы власти края на системной основе занимаются вопросами сокращения неформальной занятости населения. В 2019 г. в муниципальных районах и городских округах края выявлены 103,3 тыс. работников без оформления трудовых отношений, с которыми впоследствии были заключены трудовые договоры.

Во всех муниципальных районах и городских округах края отмечена тенденция роста заработной платы. Наиболее высокие значения средней заработной платы сохранилась в городах Ставрополе (39 361,7 руб.), Невинномысске (39 142,3 руб.) и Изобильненском городском округе (38 232,6 руб.). Самый низкий уровень заработной платы зарегистрирован в Степновском, Левокумском, Туркменском муниципальных районах — от 73,0 до 75,8% от среднекраевого уровня. Средний размер среднедушевых денежных доходов населения Ставропольского края вырос на 1,6% к уровню предыдущего года и составил 24 366,0 руб.

Региональные проекты социальной значимости

В Ставропольском крае меры государственной поддержки семьям реализуются по различным направлениям. Главная задача регионального руководства — создание благоприятных условий для жизни семей. Для достижения указанной цели был разработан региональный проект «Финансовая поддержка семей при рождении детей на территории Ставропольского края». Малоимущим гражданам оказывается государственная социальная помощь на основании социального контракта.

Процесс старения населения, выражающийся в возрастании доли граждан пожилого возраста в населении края, вызван снижением суммарного коэффициента рождаемости и ростом продолжительности жизни. На территории края сохраняется гендерная диспропорция. Высокая численность граждан пожилого возраста в составе населения края означает усиление их роли в процессах жизнедеятельности общества и сопровождается обоснованным повышением ожиданий в части предоставления социальных гарантий.

Эффективным механизмом улучшения качества жизни лиц пожилого возраста является поддержка их трудовой активности, социальной успешности, включение в образовательный процесс. В службы занятости обращаются лица предпенсионного возраста, которые испытывают потребность в обновлении профессиональных знаний и навыков в целях продолжения трудовой деятельности в связи с повышением пенсионного возраста.

Одной из наиболее важных задач, решение которых влияет на экономическую активность семей, имеющих малолетних детей, является обеспечение доступа к услугам дошкольных образовательных организаций. Решение данного направления государственной поддержки семей возможно путем реализации регионального проекта «Содействие занятости женщин — создание условий

дошкольного образования для детей в возрасте до трех лет». На создание новых мест в детских дошкольных образовательных учреждениях края из федерального бюджета на 2019–2021 гг. выделено 2,98 млрд руб.

Проект предусматривает строительство 28 детских садов с обеспечением необходимых условий пребывания для детей с ограниченными возможностями. Также проектом предусмотрено переобучение и повышение квалификации женщин, воспитывающих детей дошкольного возраста. Необходимо создать адаптационные условия, позволяющие женщинам вернуться к трудовой деятельности, повысить их конкурентоспособность на краевом рынке труда и увеличить профессиональную мобильность.

Данные социологического опроса

В рамках Всероссийского социологического исследования «Демографическое самочувствие России»[1] в период с 01.02.2020 по 01.03.2020 г. под научным руководством проф. Н.Н. Сотниковой был проведен региональный социологический опрос с целью определения демографического самочувствия населения Ставропольского края. В опросе приняли участие 606 жителей края трудоспособного возраста. Соотношение численности опрошенных по половому, возрастному и территориальному признакам представлено в следующем виде (табл. 2).

Исследование включало несколько блоков вопросов, которые позволяют оценить отношение респондентов к брачному союзу, семейным ценностям, традициям, возможности иметь определенное число детей, вероисповеданию, финансовом и материальном благополучии, уровне, образования, здоровья, желаемой продолжительности жизни, возможности переезда в другой регион, мерах социальной поддержки.

Отвечая на вопрос: *«Состоите ли вы в браке?»*, 49,9% опрошенных ответили, что состоят в зарегистрированном браке, 32,7% — никогда не состояли в браке, 9,9% — разведены, 5,6% — состоят в незарегистрированном браке и 1,9% — вдовые.

С целью выявления сформировавшихся мнений жителей края в части значимости факторов для вступления в брачный союз был включен вопрос: *«Насколько могут быть для вас значимы следующие факторы начала вашей будущей супружеской жизни?»*.

Результаты опроса показали, что значительная часть населения региона главным фактором для вступления в брак считает желание иметь рядом близкого по духу, родного, любимого человека, не чувствовать себя одиноким (62,7%). При этом 34,5% опрошенных, особенно молодежь, вступление в брак рассматривают как желание стать по настоящему взрослым, самостоятельным человеком. У некоторых категорий жителей края желание иметь постоянного сексуального партнера (28,1%) преобладает над желанием в ближайшее время иметь ребенка (23,2%) и желанием получать материальные преимущества от более рационального ведения общего домашнего хозяйства (19,4%).

Проведенный опрос показал заинтересованность жителей края **в создании семьи, поскольку семейные ценности традиционно играют важную роль в жизни ставропольцев.**

[1] Всероссийское социологическое исследование «Демографическое самочувствие России» было проведено в конце 2019 — начале 2020 г. с участием представителей Центрального, Северо-Западного, Приволжского, Уральского, Северо-Кавказского, Южного федеральных округов. Руководитель — д-р социол. наук, профессор Т.К. Ростовская.

Таблица 2

Сведения о численности населения, принявших участие в исследовании

	Количество человек	Возраст, лет		
		18–29	30–39	40–49
Городские жители				
Мужчины	196	57	85	54
Женщины	170	58	62	50
Всего	366	115	147	104
Сельские жители				
Мужчины	120	46	38	36
Женщины	120	37	42	41
Всего	**240**	**83**	**80**	**77**
ИТОГО	**606**	**198**	**227**	**181**

В связи с тем, что исследование должно основываться на знании местных условий и традиций с учетом демографических особенностей и национального состава населения, в анкету был включен вопрос: *«Как вы относитесь к межнациональным бракам?»*. Респонденты говорили о том, что в целом одобряют и полностью поддерживают межнациональные браки (58%), при этом категорично против и в целом не одобряют таковые лишь 27% респондентов.

Женщинам, принявшим участие в опросе, также был задан вопрос *«Были ли у вас аборты?»*. Ответы, полученные в результате исследования, позволяют с уверенностью утверждать, что большинство женщин репродуктивного возраста отрицательно относятся к абортам, и рождение ребенка относится к желаемому событию в семье.

Снизить показатели материнской и младенческой смертности в Ставропольском крае позволяет проводимая комплексная медицинская, консультативно-диагностическая и социально-психологическая помощь женщинам.

Проведенный социологический опрос жителей края позволил выявить **пять наиболее значимых факторов**, влияющих на решение иметь в семье большее число детей. Среди этих факторов:

- материальные трудности (59,1%);
- неуверенность в завтрашнем дне (53,7%);
- жилищные трудности (43,8%);
- большая занятость на работе (43,7%);
- отсутствие работы (40,2%).

Обозначенные факторы подтверждаются и при ответе на вопрос: *«В какой степени ваше желание отложить рождение ребенка связано со следующими причинами?»*. На этот вопрос респонденты ответили так:

- наиболее значимые — отсутствие собственного жилья, в котором можно растить ребенка (40%);
- пока не позволяют материальные возможности (37,8%);
- пока не замужем/не женат (36,0%);
- воспитание ребенка является достаточно трудным делом, требует много сил и времени (34,4%);
- необходимо найти более оплачиваемую работу (33,3%).

Малая значимость мер материальной поддержки для ее получателей отражается, в свою очередь, в распределении ответов на вопрос: «Оцените, пожалуйста, для себя вероятность рождения ребенка в ближайшие 3–4 года (первого, если у вас нет детей, или еще одного)».

Вероятность появления в семье еще одного ребенка при дополнительных мерах социальной поддержки (42,8%) и при отсутствии таковых (45,6%) является практически одинаково низкой. Наблюдается резкое снижение индекса социальных ожиданий населения, что может и далее повлиять на ухудшение демографической ситуации в будущем, основанное на пессимистическом настроении ставропольцев.

Для того чтобы определить, какая из мер социальной поддержки является наиболее значимой для жителей края, респондентам был задан вопрос: *«Если вы считаете, что вероятность рождения ребенка несколько выше, если будут какие-нибудь дополнительные меры помощи семьям, то в какой степени для вас могут быть значимы меры, направленные на… ?»*.

Данный вопрос включал шестнадцать вариантов ответов. Были выбраны наиболее значимые варианты. По мнению опрошенных, правительственные меры по улучшению социального положения семей с детьми должны быть направлены на:

- получение жилья (51,5%);
- улучшение работы медицинских учреждений (51,2%);
- повышение пособий на ребенка:
  - ✓ в возрасте до 3-х лет (50,8%);
  - ✓ в возрасте до 1,5 лет (48,7%);
  - ✓ при рождении ребенка (48,4%).

Также важное значение имеют такие меры, как льготная ипотека для детей с несколькими детьми (46,3%), более существенное сокращение пенсионного возраста женщинам с несколькими детьми (45,4%), обеспечение лучшей доступности и повышение качества работы дошкольных образовательных учреждений (43,7%).

С целью оценки мер социальной поддержки и их эффективности респондентам был задан вопрос: *«Какие меры социальной помощи и поддержки необходимы для вашей семьи?»*. Результаты ответов подтверждают, что большинству меры социальной поддержки от государства очень необходимы. Особенно это касается помощи по дополнительному образованию детей, оказанию консультативно-медицинских услуг и уходу за ребенком дошкольного возраста. Значительная доля респондентов уже воспользовалась такими мерами социальной поддержки, как единовременное пособие при рождении ребенка (53,2%), пособие по беременности и родам (51,9%), ежемесячное пособие на ребенка (45,5%), предоставление частично оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста 1,5 лет (44,8%), предоставление «материнского (семейного) капитала» (35,0%).

Вместе с тем, **оценивая значимость для семьи предоставленной помощи, жители края говорят о недостаточности этих мер.**

Для определения информированности населения края о мерах социальной поддержки в эмпирическое исследование были включены вопросы: «Оцените, пожалуйста, вашу информированность о мерах государственной семейной политики, действующих в вашем регионе», «Какие источники вы используете для получения информации о действующих мерах семейной политики» и «Если вам необходима дополнительная информация о действующих в вашем регионе мерах поддержки семей, то предпочтительнее для вас получить ее в форме?».

Полученные ответы позволяют увидеть низкую информированность населения о мерах государственной семейной политики, действующих в регионе.

Отвечая на вопрос *«Если вам необходима дополнительная информация о действующих в вашем регионе мерах поддержки семей, то предпочтительнее для вас получить ее в форме?»*, жители края (56,9%) ответили, что видят необходимость создания тематического сайта в интернете, при этом на тематическую рассылку согласилось лишь 23,9% респондентов. На информирование о социальных проектах и программах в виде брошюр согласилось 33,0%, на устную консультацию 31,5%.

Некоторые выводы из социологических данных

Трудовая деятельность большинства жителей края направлена на достижение различных жизненных целей. С помощью социологического опроса, проведенного исследователями, был выявлен различный ранг значимости заданных критериев.

Одним из актуальных вопросов в жизнеобеспечении любой семьи является приобретение собственного жилья. 77,2% жителей края, принявших участие в опросе, на первое место ставят решение жилищных проблем. Наиболее нуждающимися в государственной поддержке в вопросе обеспечения жильем являются молодые и многодетные семьи.

В современных условиях, когда не все семьи могут позволить себе приобрести жилье и многим из них необходима финансовая помощь, решением жилищного вопроса должны стать:

- создание дополнительных механизмов стимулирования строительства жилья экономического класса;
- внедрение инновационных финансовых мер поддержки семей при приобретении жилья самостоятельно.

Для оценки уровня жизни населения края в социологический опрос был включен блок вопросов, позволяющий оценить материальное и финансовое положение ставропольских семей. На вопрос: *«Оцените по 10-балльной шкале условия жизни вашей семьи»*, респонденты на первый план выносят:

- психологическую атмосферу в семье (23,2%);
- жилищные условия (21,4%);
- обеспеченность предметами длительного пользования (19,4%).

При этом свое финансовое положение как очень хорошее оценивают всего лишь 9,9% респондентов.

Заключение

Проведенное нами исследование подтверждает то, что демографическая ситуация в регионе требует постоянного мониторинга и углубленного изучения. Прогнозные показатели свидетельствуют о том, что процесс демографического старения населения края продолжится. В 2024 г. по сравнению с 2019 г. численность населения старше трудоспособного возраста вырастет на 8,8%, а численность населения в трудоспособном возрасте сократится на 3,9%.

Первоочередная задача государства в вопросах демографии — это поддержка семьи, женщин и детей, создание новых рабочих мест, строительство жилья, разумное регулирование сферы социального обслуживания, торговли, жилищно-коммунального хозяйства, образования и здравоохранения. Реализация разработанных правительством РФ мер, направленных на улучшение демографической ситуации, требует постоянной корректировки. И только разумное сочетание всех видов социально-экономических программ и проектов позволит повысить эффективность демографической политики.

Ежемесячный научно-теоретический журнал **«Alma mater» (Вестник высшей школы)**

Старейший российский журнал о высшем образовании, основанный в 1940 году.

Входит в перечень рецензируемых журналов ВАК России

Подписка на журнал «Alma mater» (Вестник высшей школы):
Каталог Агентства «Роспечать» — 70117 (текущая), 81414 (годовая).
Подписку также можно оформить в региональных агентствах и в редакции.
Отдельные номера журналов можно приобрести в редакции
Информация на сайте almavest.ru

Журнал включен в:
• отечественную систему РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) на платформе eLIBRARY.ru.
• международную информационно-аналитическую систему научного цитирования European Reference Index for the Humanities and the Social Sciences (ERIH PLUS).
• базу данных Ulrichsweb Global Serials Directory

Журнал входит в зарубежную базу данных EastView Universal Database of Humanities and Social Sciences (UDB-EDU).

По вопросам приобретения отдельных номеров и размещения информационно-рекламных объявлений обращаться на электронный адрес: almavest@yandex.ru или по телефону: (495) 99-88-612, +7 (985) 99-88-612.

ИНДЕКСЫ ПОДПИСКИ 70117 (текущая), 81414 (годовая)

Alma mater

К сведению авторов

Редакция принимает к публикации статьи по тематике основных рубрик журнала. Объем статей не должен превышать 24 тысяч знаков (0,6 а.л.), а информационных материалов — 10 тысяч знаков (0,25 а.л.).

Статьи и материалы должны быть представлены в электронном формате MS Word. Форма представления статей следующая:

фамилия, имя, отчество (полностью), название, аннотация и ключевые слова — на русском и английском языках;

текст, сведения об авторе (ученая степень и звание, место работы и должность) — на русском языке.

Просим точно указывать контактный телефон, адрес электронной почты, а также почтовый адрес для рассылки авторского экземпляра.

Аспирантам для публикации в журнале дополнительно предоставить заключения/рекомендации научного руководителя или профильной кафедры вуза.

Фактические данные, все сведения, заимствованные из литературных и иных источников, а также цитаты, приводимые в статье, необходимо подтверждать соответствующими ссылками.

Чертежи, рисунки, схемы выполняются в соответствии с ГОСТ. Фотографии просим представлять в электронной форме с разрешением отсканированного оттиска не менее 300 пиксель на дюйм. К формульным символам (знакам и буквам) необходимо дать пояснение. Объем библиографического списка не должен превышать более 12-ти названий. (Более подробно см. на сайте http://www.almavest.ru/avtoram.php).

ISSN 1026-955X

Приглашаем авторов к творческому сотрудничеству с журналом — создаем вместе летопись высшей школы!

ПОЧТОВЫЙ АДРЕС РЕДАКЦИИ:
117342, г. Москва, ул. Введенского, д. 23А, стр. 3, e-mail: almavest@yandex.ru, www.almavest.ru